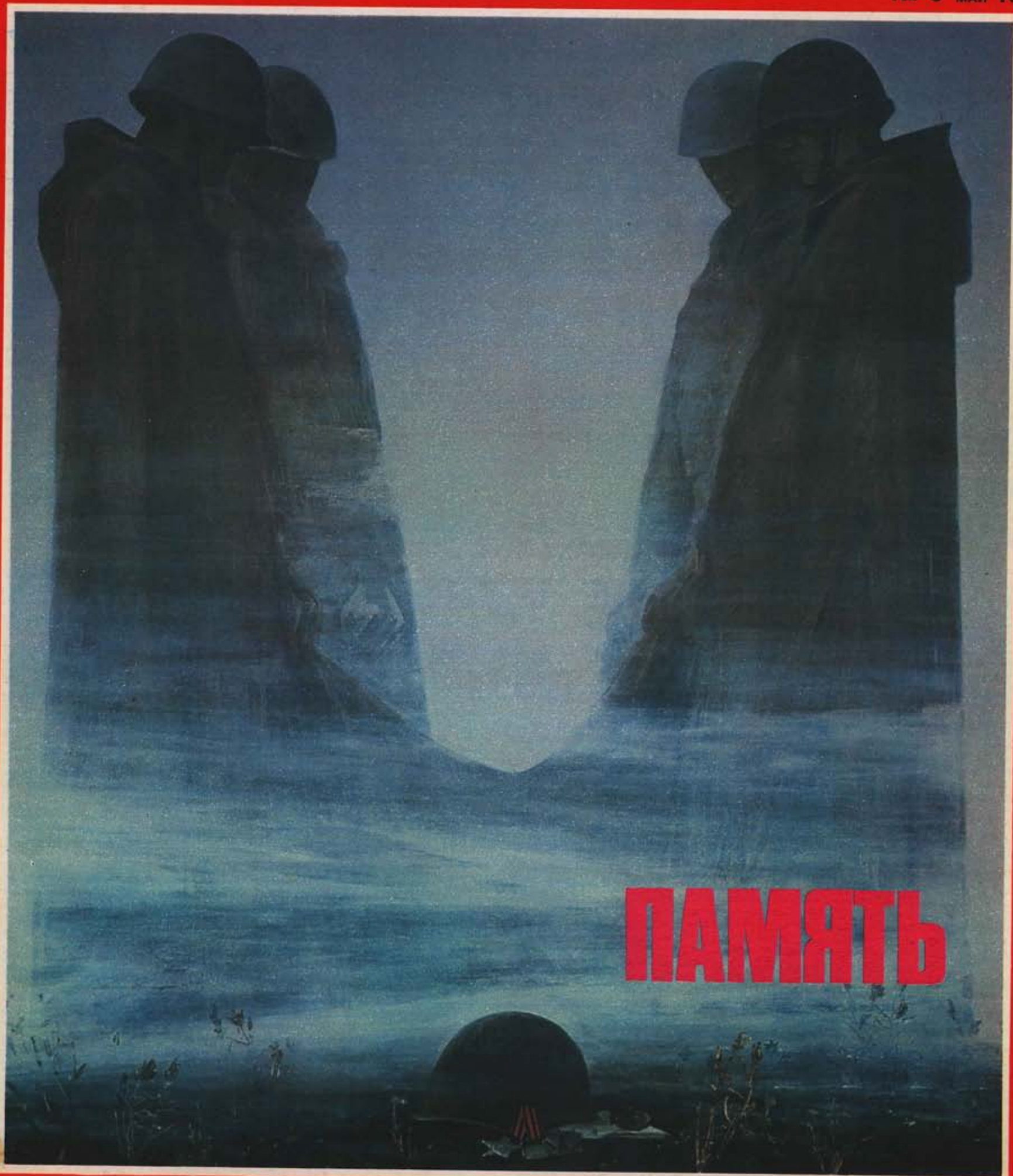

СМЕНА

№ 9 МАЙ 1977

Валерий КРАСНОВ,
корреспондент свердловской
областной газеты «На смену!»

СТАЖ БРИГАДЫ

О НЕКОТОРЫХ СТОРОНАХ ЖИЗНИ
КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ
РАЗМЫШЛЯЕТ АВТОР

КАРЬЕРА Александра Ильина была головокружительной. С ним произошел просто невероятный случай. После службы в армии, когда Александр приехал в Свердловск, самое большее, на что он рассчитывал, так это устроиться термистом на завод транспортного машиностроения имени Я. М. Свердлова. Но через семь дней после того, как Александр впервые переступил порог проходной, его назначили... руководителем смены важнейшего на заводе термического участка.

...Настал первый рабочий день нового начальника смены. Ильин пришел на участок пораньше. Ни одного человека из смены еще не было. Шло время. Уже началась работа на других участках, а из смены Ильина на работу пришло только человек семь. Но самое плохое, что не явились четыре термиста, а без них смена просто не могла работать. Прогулы, выпивки здесь не были редкостью...

Шли дни, а новый руководитель смены порядка в коллективе навести не мог. Правда, теперь он знал причины своей столь быстрой карьеры. Смену его на заводе звали «дырой». Она постоянно срывает планов сводила на нет перевыполнение заданий другими сменами. Ни выговоры, ни лишения премии не помогали. Понятно, что при таком положении в смене идти сюда руководителем никто не желал. Трудно, конечно, сейчас говорить о том, почему руководство завода решило поставить во главе неблагополучного коллектива молодого, не имеющего никакого опыта руководящей работы человека. Правда, перед самой службой Ильин окончил металлургический техникум, но практики почти не имел. Его усилия первое время не приносили никаких результатов. Пьянство, прогулы, брак в работе продолжались. И тогда начальник смены добился увольнения одного злостного нарушителя дисциплины. А остальным сказал:

— Я, конечно, в смене самый молодой, но не обязательно иметь большой жизненный опыт, чтобы понять, что так дальше работать нельзя. Как ни жаль, но вчера с завода выгнали одного нашего члена коллектива...

— Не выгнали, а он сам ушел,— поправил кто-то.

— Как это сам?

— А очень просто: по собственному желанию. Так что все у нас в порядке. Говорить не о чем.

И, полюбовавшись на растерянное лицо Александра, люди стали расходиться. Разговор не получился. Пошел Ильин к начальнику цеха.

— Это правда, что мой термист ушел с завода по собственному желанию?

— Видишь ли, вообще-то я его уволил. Но «трудоу» портить не стал. Ему же на другое место надо устраиваться, семью содержать. А где он с плохой записью в «трудоу» устроится? Не стал я ему вредить. Пусть идет.

— Так! Тогда я прошу... Разрешите впредь мне вместе с коллективом решать вопросы приема, увольнения, определения меры наказания и поощрения,— сказал, вставая со стула, Ильин.

— Ну, что ж...

И получилось, что, не умея исправить положение в коллективе, Александр как бы добровольно отказался от помощи. Потом были уволены еще несколько человек.

Пошел Ильин по цехам. Но, как он ни убеждал, идти к нему никто не хотел. Уговорил только двух учеников из других смен — Юрия Леонова и Владимира Пашенко. Больше никто не пошел. Тогда Александр направился в военкоматы города. Что ему там было нужно? Оказывается, он «выслеживал» пришедших становиться на учет демобилизованных воинов и упрасывал их идти в его смену.

Можно долго рассказывать о том, как трудно приходилось молодому руководителю смены. Если говорить прямо, так вновь собранный коллектив был даже слабее прежнего. Видя это, руководство цеха предложило Ильину взять в смену одного наконец-то согласившегося опытного работника. Ильин отказался. Мол, один человек ничего не решит. Более того, он уговорил ребят обратиться в комитет комсомола завода с просьбой присвоить смене звание комсомольско-молодежной. Хотя и имела она право носить это звание не по духу, а по возрастному цензу.

А теперь сделаем небольшой пропуск во времени и приведем такие факты. Через год после присвоения смене звания комсомольско-молодежной она за высокие показатели в социалистическом соревновании была награждена вымпелом ЦК ВЛКСМ, еще через год стала победителем в городском соревновании в честь 50-летия переименования Екатеринбургa в Свердловск, и ей присвоено имя Я. М. Свердлова. Что же произошло с неблагополучным коллективом? Вот ответ, который я записал во время недавнего разговора с Ильиным:

— Как-то я прочитал о том, что родился почин о коллективной моральной и мате-

риальной ответственности. Не собираюсь присваивать авторство почину, но скажу, что мы применили этот принцип в начале самого трудного для нас 1973 года: совершил проступок один — отвечают все, все решают, как этого человека наказать. Трудно поверить, но это и только это помогло нам в короткий срок исправить положение.

Много можно было бы добавить к рассказу Александра. Ведь принцип коллективной ответственности был подкреплен его умелой работой, помощью некогда взятого с другого участка ученика Юрия Леонова, ставшего комсоргом смены, правильно организованным соревнованием... Можно много интересного и поучительного рассказать о становлении комсомольско-молодежного коллектива, но мы прервем свой рассказ и приведем здесь выдержку из выступления Александра Ильина на недавнем собрании комсомольского актива завода.

— Я доволен тем, что руковожу таким коллективом,— говорил он,— но сегодня на этом собрании я вынужден признать, что скоро мы потеряем звание комсомольско-молодежного, которым дорожим, которое помогает нам в труде. Смена настолько постарела, что уже сегодня фактически мы называем ее комсомольско-молодежной с натяжкой.

Что же произошло? Ответ сложен и не может быть однозначным.

Что нужно для того, чтобы коллектив стал сильным, сплоченным? Один скажет: взаимопонимание, другой — высокая квалификация членов коллектива, третий — дружба. Но каждый добавит: время. Да, для того, чтобы люди сработались, поняли друг друга, стали мастерами своего дела, нужно время. Как о высоких достижениях говорят, что из такой-то бригады за пять лет не ушел ни один человек. Идет серьезная борьба с текучестью кадров. И это, если хотите, в чем-то борьба... с комсомольско-молодежными коллективами, поскольку они не могут существовать, если в них нет текучести кадров. Ведь звание комсомольско-молодежного носит такой коллектив, в котором строго определенный процент работников до 30-летнего возраста. Если нарушается этот процент в сторону уменьшения числа молодых, коллектив не имеет права называться комсомольско-молодежным. Но ведь идет время, и почти каждый год кто-нибудь перешагивает 30-летний рубеж. И пусть это будет даже один из ста, но «нарушивший» процентовку, остальные

99 перестают быть членами комсомольско-молодежного коллектива. Как это предотвратить? Делают так. Секретарь комитета комсомола или руководитель коллектива обращается к «лишним» с просьбой дать согласие на перевод в другой цех, обещая уладить все формальности. Он выбирает для беседы таких людей, которые пришли в коллектив недавно и уже имели «критический» возраст и еще не очень привязаны к коллективу, своему рабочему месту. Потом секретарь идет к начальнику цеха. Тот — кулаком по столу:

— Ты что это мне текучесть кадров устраиваешь? Снижаешь показатель в соревновании. За это мне в дирекции голову оторвут.

Противоречие налицо. Уговорит секретарь начальника цеха в нарушение условий соревнования искусственно создать текучесть кадров (ведь из цеха уходит человек, и нужно искать ему замену) — коллектив останется комсомольско-молодежным, не согласится — потеряет это звание. И нужно ждать, пока в коллективе создастся нужная для возвращения звания процентовка. «Случился» процент, и коллективу быстро присваивают звание, зная заранее, что это, может быть, всего на месяц. Надо учесть, что «начаянно» рожденный комсомольско-молодежный коллектив нередко является таковым только по количеству работающей в нем молодежи, а не по духу.

Бесспорно, комсомольско-молодежный коллектив — своеобразный резерв на производстве. Пройдя закалку, он, даже потеряв свое звание, останется крепким и нужным на производстве. Это так. Но если брать только это во внимание, то мы будем вынуждены признать, что такие коллективы могут существовать лишь временно: не надо ставить задачи на длительный период, не надо смотреть в будущее...

Делая такие выводы, мы говорим не только о заводе имени Я. М. Свердлова, а о проблеме вообще. Посудите сами: из-за нарушения процентовки в прошлом году только в городе Сухой Лог потеряло звание более 30 комсомольско-молодежных коллективов. В них не допускалось текучести кадров, а если называть вещи своими именами, то просто необходимого им обновления.

Это мнение на первый взгляд легко опровергнуть тем же примером, с которого мы начали наш разговор. Ведь Александр Ильин имел все возможности и права обновлять коллектив. А все

ли? В Свердловской области более пяти тысяч молодежных коллективов, в которых работает почти 70 тысяч человек. Что получится, если все пять тысяч бригадиров и начальников смен начнут «рыскать» по цехам и военкоматам в поисках кандидатов? Даже трудно представить, какой это был бы хоровод. Естественно, что только своими силами Александр Ильин, какими бы ни были его права, решить проблему не может. Не в силах решить ее и все пять тысяч таких же, как он.

В таких случаях все зависит от того, каковы взаимоотношения между администрацией и комитетом комсомола. Если хорошие, то решение проблемы не представляет трудности. Если плохие, то решить ее, к сожалению, нельзя.

На тех предприятиях, где между администрацией и комитетом комсомола есть взаимопонимание, созданы комсомольские отделы кадров, являющиеся как бы филиалом заводского отдела кадров. В обязанности этих филиалов входит перевод, прием, увольнение молодых работников. Комсомольцы сами могут своевременно направить в «старейший» коллектив нового молодого работника. И хотя филиал производит необходимые операции все же через заводской отдел кадров, это дает комитету комсомола большие возможности. Такие примеры в Свердловской области мы можем найти на Уралвагонзаводе, новотрубном заводе Первоуральска, многих предприятиях Свердловска. Кстати, на Уралвагонзаводе в прошлом году родилось 20 новых комсомольско-молодежных коллективов и ни один из старых не распался.

Был сильный и прошедший хорошую закалку комсомольско-молодежный коллектив и в новом цехе Сухоложского огнеупорного производства. Но постарел и звание потерял. И это стало причиной того, что коллектив распался вообще. Чуть больше десятой его части осталось в цехе. В июне прошлого года здесь снова «подоспел» процент. Пока комсомольцы собрали свое собрание, пока по их ходатайству комитет комсомола решал вопрос о присвоении звания, процентовка нарушилась. Новый случай «подоспел» в сентябре. И снова не успели. И комитет комсомола тут ни при чем. Он не регулирует распределение кадров.

Читатель вправе спросить, почему мы так много уделяем внимания проблеме кадров. Разве только в ней дело? Нет, не только в ней, но от нее зависит многое. Недавно свердловская молодежная газета «На смену!» рассказала об одном комсомольско-молодежном коллективе из Каменска-Уральского, которому за прошлую пятилетку это звание присваивалось девять раз! И девять раз снималось из-за нарушения процентовки.

Посмотрите, сколько преград комсомольско-молодежному коллективу приходится преодолевать, чтобы решить свою главную производственную задачу. Вот характерный случай, происшедший на одном из крупнейших предприятий области — Северском трубном заводе имени Меркулова. Одна комсомольско-молодежная бригада поддержала почин трубочников о коллективной моральной и материальной ответственности. Другими словами, если один член коллектива допустил проступок — все добровольно отказывается от премиальных. Прошло три месяца. В бригаде допущен прогул. Но наказали только прогульщика, поскольку к этому времени бригада перестала быть комсомольско-молодежной и все решения и обязательства, принятые в титулованный период, теперь не имели силы.

Как видим, причины, разрушающие комсомольско-молодежный коллектив на заводе имени Я. М. Свердловца, существуют и «работают» на других предприятиях. Мы специально показали трудности становления коллектива, чтобы подчеркнуть серьезность проблемы. Ведь из-за того, что в смене появился один «лишний», в один день коллек-

тив лишается звания, которым гордился, которое славил делами более двух лет.

А может быть, мы, клеймя противоречие, увлекаемся? Куда же деваться «лишнему»? Где гарантия, что, перейдя в другой цех, он снова не станет «жертвой» титула или почина? Да и в конце концов надо понять любовь и привычку человека к своему коллективу, рабочему месту: станку, который, быть может, ему передал отец. Таких наследников, например, в смене Ильина двое. Человек не станок, который можно в интересах производства бесконечно переставлять.

В этом-то и заключается вся сложность проблемы, которую, как видим, только созданием комсомольских отделов кадров не решить. Более того, давать рекомендации, не зная особенностей производства, рискованно. Можно лишь показать, какой выход находят на некоторых предприятиях. На Свердловском машиностроительном заводе имени Воровского из затруднения выходят, развивая в молодежных коллективах наставничество. Если есть в коллективе наставники, значит, сюда ежегодно присылают учеников. Через год, получив специальность, он перейдет в другой коллектив, а его место займет другой ученик. Этот метод имеет недостатки, но он помогает сохранить звание. В строительных организациях создаются бригады, которые потом можно будет увеличивать. Опасения, что коллектив станет слишком большим, не оправдались. Когда в нем около 40 человек, наступает своеобразное равновесие. По объективным причинам из бригады уходит ежегодно по одному-два человека пожилого возраста, а их место занимает молодежь.

Не менее интересен опыт молодых строителей ударной комсомольской стройки — цеха широкополочных балок Нижнетагильского металлургического комбината. Здесь ежегодно объявляют конкурсы для желающих занять вакантное место в молодежном коллективе. А коль такие коллективы являются школой, то по окончании конкурса передовик, сложившийся мастер, занять вакантное место не может.

Примеров, и плохих и хороших, можно привести много, но несомненным остается одно: нужна система. Я далек от мысли, что звание комсомольско-молодежному коллективу нужно сохранять во что бы то ни стало, даже искусственными методами. Просто нельзя, чтобы забота о сохранении звания ложилась только на плечи одного, часто не имеющего никаких прав бригадира или начальника смены.

По этому вопросу нам много приходилось разговаривать с комсомольскими работниками области. Высказывались такие мнения. Коллектив не может длительное время носить звание комсомольско-молодежного. Созданный на трудном участке и выполнивший свою задачу, он может терять это звание, оставаясь сильным и дружным. А вместо него нужно создавать другой. Ничего плохого в этом нет. Все течет, все изменяется.

А так ли это? Зачем же так пренебрежительно говорить о звании, традициях? Значит, временность запланирована? Десятки членов комсомольско-молодежных коллективов, с которыми нам пришлось разговаривать, не согласны с таким мнением. Им дорого звание.

Подводя итог сказанному, мы вправе говорить о необходимости закона или пункта в положении о комсомольско-молодежном коллективе, обеспечивающем ему долгую жизнь. Теперь уже нельзя на него смотреть как на явление временное, созданное на трудном участке работы, ибо комсомольско-молодежные коллективы зарекомендовали себя как метод воспитания работающей молодежи, как прекрасная школа производственной и гражданской закалки. Нельзя пренебрегать традициями. Они дороги всем, кто с трудом их создавал, кто гордится ими.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 9 (1199) МАЙ 1977

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
картина художника
Андрея ЯКОВЛЕВА
«Навеки в памяти».

- 1 Валерий КРАСНОВ. «СТАЖ БРИГАДЫ».
- 2 Григорий КРАВЦОВ. «ТАЙНА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА».
- 5 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
«МАРШАЛ РОКОССОВСКИЙ».
- 9 Рассказ Виктора ИЛЬИНА «УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ».
- 11 Стихи Рената ХАРИСА и Евгении ЯНИЩИЦ.
- 12 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
«ОЖЕРЕЛЬЕ ПОСЕЙДОНА».
Фотоочерк Владимира МАТРОСОВА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 14 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Владимир ГОРДЕЙЧЕВ. «ВЕЧНАЯ МОЯ МАТЕРЬ».
- 18 ПОДРОСТОК: ЖИЗНЬ И ПРОБЛЕМЫ.
Владимир АМЛИНСКИЙ. «ПРОЗРЕНИЕ».
- 20 Зиновий КОРОГОДСКИЙ, главный режиссер Ленинградского театра юных зрителей.
«МАЛЬЧИШКА, УБЕЖДЕННЫЙ В ПРАВОТЕ».
- 22 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Георгий ЯКОВЛЕВ. «ДЖИНСЫ ДЛЯ АНДРЕЮШИ».
- 24 Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ.
«ВЕТЕР, ПО ЛИЦУ СКОЛЬЗЯЩИЙ».
- 26 УРОКИ ЖИЗНИ.
Диалог капитана футбольной команды «Спартак»
Евгения ЛОВЧЕВА и
старшего тренера сборной баскетбольной
команды страны Александра ГОМЕЛЬСКОГО.
- 28 Повесть Анатолия ЖАРЕНОВА «ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда» «Смена», 1977 г.

СМЕНА 1

ТАЙНА ТРЕТ

...Воин, прижимающий к груди ребенка, рассекает мечом фашистскую свастику—этот памятник в берлинском Трептов-парке, ставший символом великого гуманизма и силы советского солдата, известен всему миру. Однако не многие знают, что, приступая к возведению памятника, советские воины натолкнулись на тщательно охраняемую тайну третьего рейха, которая долгие годы оставалась нераскрытой. Полковник-инженер в отставке Григорий Кравцов, руководивший строительством памятника, затратил много лет на разгадку этой тайны. О ней он и рассказывает в публикуемом очерке.

Конец войны я встретил в Берлине в должности заместителя начальника производственного отдела 27-го управления Оборонительного строительства Резерва Главного Командования. Казалось, пройдет несколько недель, пусть месяцев, и можно будет возвращаться домой, в Сталиногорск, на свою ГРЭС, где я когда-то работал главным инженером и откуда шестого июля 1941 года ушел на фронт.

Столица третьего рейха, куда к тому времени уже докатился огненный вал войны, была превращена в мощный узел сопротивления. Две недели длилась небывалая битва, особенно жестокие бои разгорелись в центре города. Только при штурме рейхстага было убито и ранено свыше двух тысяч фашистских солдат и офицеров. Наши потери тоже были значительны. Сразу же после падения Берлина Военный совет Первого Белорусского фронта принял решение о сооружении мемориала в честь советских воинов, павших при штурме Берлина.

Открыть памятник намечалось 11 ноября 1945 года—в день международного парада победы воинских частей антигитлеровской коалиции.

Строительство его было возложено на наше соединение—орденов Кутузова и Александра Невского 27-е управление Оборонительного строительства, которым командовал генерал И. Е. Прусс. Из небольшого числа проектов выбор пал на вариант, предложенный архитектором Н. Сергиевским и скульпторами А. Кербелем и В. Цигалем.

Авторы учли особенности места—Тиргартен, близость рейхстага, Бранденбургских ворот, выход на Шарлоттенбургское шоссе,—и основание мемориала подняли на полтора метра над шоссе, чтобы отчетливее вырисовывался весь комплекс.

В глубине площадки—возвышение, по фронтому которого идет широкая лестница. На центральном пилоне-постаменте—бронзовая скульптура советского воина. На углах мемориала, выходящих к шоссе, прямоугольные гранитные постаменты, на которых застыли две «тридцатьчетверки», первыми ворвавшиеся в Берлин, за танками—полевые орудия, залпы которых возвестили окончание битвы.

Срок, отведенный для строительства, был слишком мал. Для создания одной только 6-метровой бронзовой скульптуры требовалось значительно больше времени, чем его было отведено на все работы.

Но решение Военного совета нужно было выполнять. Поэтому пришла мысль установить скульптуру воина в гипсе, патинировав ее под бронзу, с последующей заменой ее бронзовой. Работы были распланы по часам. Но на последнем этапе, когда все трудности, казалось, остались позади, война напомнила о себе.

При перевозке скульптуры воина из «Кunst-Академии» большегрузная машина, проезжая через

Тиргартен-парк, подорвалась на mine. Один из сопровождавших машину погиб, другой был тяжело ранен, а детали фигуры разлетелись на куски. Пришлось все начинать сначала.

На одном из совещаний, когда строительство уже завершалось, маршалу Г. К. Жукову доложили, что есть предложение собрать и поместить против памятника подбитую фашистскую военную технику. Направленная на нее рука советского солдата будет как бы напоминать о том, чего достигли те, кто посягнул на нашу Родину.

Главком немного помедлил, пылливо всматриваясь в лица всех присутствовавших, словно прикидывая, кто бы это мог придумать, кому следует дать «взбучку», потом сказал:

— Это напоминает мне предложение оградить мощной стеной несколько разрушенных кварталов в центре Берлина и сделать это место своеобразным памятником: быстро, дешево и... назидательно. Стоит ли так поступать? Думаю, что не стоит. Надо показать немецкому народу того, кто спас его от фашизма,—советского воина. Надо воспеть величие подвига русского солдата. А хаотическое нагромождение разбитой военной техники усложнит восприятие, будет отвлекать внимание от основного—фигуры воина, символизирующего Победу и Память.

И вот наступило 11 ноября 1945 года. У подножия памятника прославленные полководцы Советской Армии и представители верховных командований союзных войск. Перед трибунами проходят колонны воинов. Символично выглядит парад войск антигитлеровской коалиции на фоне поверженного рейхстага. Грянул салют из стоявших рядом двадцати четырех орудий. На лбу автора проекта Н. Сергиевского выступили росинки пота. Он как замороженный считал орудийные залпы, а сам не мог оторвать взгляда

МЕМОРИАЛ В ТРЕПТОВ-ПАРКЕ

БЕГО РЕЙХА

от вытянутой руки солдата. Ему казалось, что гипс не выдержит воздушной волны. Когда прозвучал последний залп, на глазах Николая Викторовича выступили слезы.

Закончился парад. Наступила непривычная тишина. Разошлись гости. И только часовые остались на своих местах у памятника советским воинам. С тех пор у монумента в Тиргартене (Западный Берлин) несет ответственную службу советский военный караул.

Чрезвычайное задание

В те дни я получил приказание генерала И. Е. Прусса срочно выехать с ним в Бабельсберг, где находился штаб Группы советских войск в Германии. За всю длинную дорогу генерал и словом не обмолвился о цели нашей поездки. Вошли в кабинет к члену Военного совета генералу В. Е. Макарову.

— Ну вот что, Кравцов,—сказал генерал,—тебе поручается руководить строительством в Берлине мемориальных памятников советским воинам. Задание это чрезвычайной важности, и выполнить его нужно достойно. Кандидатура твоя одобрена Главкомом...

Беседа была короткой, я понял, что все мои планы о скором возвращении к старой работе рухнули, что придется на время расстаться и с мечтой о доме. Не знал я тогда, что это «на время» растянется на три с лишним года.

Решение Военного совета требовало не только построить величественные мемориалы, но и установить имена всех погибших и наспех захороненных в разных уголках города. Этим должно было заняться вновь созданное в составе соединения генерала И. Е. Прусса специальное управление по строительству памятников в Берлине. Задачи предстояло решить

ГРАНИТНЫЕ МОНОЛИТЫ, ИЗ КОТОРЫХ СООРУЖАЛИСЬ ПАМЯТНИКИ СОВЕТСКИМ ВОИНАМ.

МОНУМЕНТ И СКУЛЬПТУРА «МАТЬ РОДИНА» В ПАНКОВЕ.

нелегкие. Надо было найти, опознать и перезахоронить всех погибших в огромном городе, раскинувшимся на 88 тысячах гектаров. Сколько там было этих безымянных могил!

Для строительства мемориала было выбрано место в центре восточной части города, в Трептов-парке: огромная подковообразная площадь размером более 20 гектаров, окаймленная вековыми платанами. Вторая площадка—в парке Шенгольц Панковского района.

К концу 1946 года управление строительства разработало 39 вариантов памятников. Все проекты и макеты были подготовлены в одном масштабе. Незадолго до их рассмотрения нам позвонил член Военного совета генерал-лейтенант В. Е. Макаров и сообщил, что в Берлин приехал скульптор Е. В. Вучетич.

Ознакомившись с нашими проектами и осмотрев Трептовскую площадку, Е. В. Вучетич так загорелся идеей строительства мемориала, что вместо замечаний по готовым проектам предложил свое участие в конкурсе. Его предложение было принято, хотя это отодвигало сроки окончательного выбора проектов и начала строительных работ.

Когда, наконец, все проекты были рассмотрены, то предложенный Е. В. Вучетичем оказался наиболее впечатляющим.

4 июня 1947 года приказом Главнокомандующего были утверждены проекты памятников: в Трептове—разработанные скульптором Е. В. Вучетичем, архитектором Я. Б. Белопольским, художниками М. Валериусом и А. Горненко, а в Панкове—группой военных инженеров и архитекторов: К. А. Соловьевым, В. Д. Королевым, М. Д. Белавенцевым и скульптором И. Г. Першудчевым.

Много трудностей встретилось перед нами, строителями, и главной была нехватка строительных материалов. Помню, как в 1947 году, когда мы приехали в Москву для уточнения годового плана, нам сказали:

— Минимум 60 процентов ваших расходов падает на материал. Да на какой! Черный и цветной металл, тысячи кубометров гранита и мрамора. Чтобы добыть их и обработать, потребуются колоссальные усилия. Это ведь не кирпич! А бронзовое литье, мозаика, смальта? Мы действительно не можем вам ничем помочь.

Выход приходилось искать самим. Только для отделки Трептовского мемориала требовалось 46 тысяч квадратных метров гранита и мрамора, ненамного меньше—для Панковского. Это не считая огромного количества блоков, колонн как конструктивных элементов.

Мы рассчитывали, что большое количество гранита и мрамора в обработанном виде удастся снять с множества полуразрушенных особняков и административных зданий. Особые надежды возлагали на рейхсканцелярию. В ее помпезно отделанных кабинетах, нарядных залах, приемных было много уцелевших деталей. Кроме того, сохранились полированные круглые и многогранные колонны, цоколь из гранитных блоков, откосы, полы из разноцветных плит широкой гаммы цветов.

К великому огорчению, наши надежды и расчеты не оправдались: большого количества гранита в полуразрушенной рейхсканцелярии получить не удалось, а тот, что добыли, ни в какой мере не мог удовлетворить потребности строительства. Не знаю, в каком виде пришлось бы завершать берлинские мемориалы, если бы не случай, побудивший меня к этому повествованию...

Однажды дежурный по управлению доложил, что какой-то немец настоятельно просит, чтобы его срочно принял «самый главный начальник».

— Пусть войдет!—сказал я.
Войдя в кабинет, посетитель настороженно огляделся, как бы желая убедиться, что мы одни и что перед ним действительно тот человек, который ему нужен. Его изможденное лицо, бескровные губы, глубоко ввалившиеся глаза и полный муки взгляд свидетельствовали о том, что человек этот много пережил.

Он повторил, что хотел бы встретиться с главным начальником. Мой ответ, что я и есть начальник и готов его выслушать, он встретил с недоумением и долго не решался начать разговор. Я предложил ему пива. Сделав несколько медленных глотков, он еще раз оглянулся и полупрошептом стал рассказывать о себе, о своей ненависти к Гитлеру, фашизму, о том, какие мучательства испытал в свое время в концлагере. Поначалу я никак не мог понять, куда он клонит и что побудило этого человека прийти к нам. Наконец я услышал:

— Мой приход вызван желанием помочь вам. Находясь в концлагере, я стал свидетелем... Я открою вам тайну...

Чтобы сдержать волнение, он жадно выпил оставшееся пиво и уже спокойно продолжал:

— Примерно в 90—100 километрах от Берлина, на Одере, мы, заключенные концлагеря, вели строительство причалов, железнодорожных тупиков, подъ-

ездных дорог, монтировали порталы краны. Нас приводили на стройку на рассвете и уводили с наступлением темноты. Всегда под усиленной охраной. Вызывали недоумение необычная таинственность, усиленная охрана и постоянство контингента работавших.

Когда первый причал и железнодорожная ветка,—продолжал немец,—были готовы, сюда стали прибывать эшелоны и баржи... с гранитом. Блоки разных цветов и размеров. Многие из них были уже отшлифованы и по-разному отделаны. Мы спрашивали друг у друга, кому и для чего нужно столько дорогого камня, почему все окутано такой таинственностью, но ответа не находили, хотя понимали, что тут кроется какая-то огромная тайна. Она осталась загадкой для меня и по сей день. Когда наши войска прорвались к Одере, группа эсэсовцев, охранявшая наш лагерь, начала расстреливать узников. Но, как видите, сумели уничтожить не всех... Когда я увидел, как ваши люди разбирают уцелевшие гранитные блоки и колонны полуразрушенных зданий, мне стало ясно, что вам наверняка неизвестно о тех огромных штабелях гранита и мрамора, которые имеются на берегу Одера. Я пришел к вам, чтобы не только рассказать, но и показать то место, где мы работали и умирали.

Я не знал, верить или не верить его словам. Посетитель, кажется, угадал мои мысли.

— Прошу мне поверить. Пришел я к вам без корыстных целей. И вы убедитесь в этом.

На мое предложение немедленно выехать на место новый знакомый без колебаний согласился, но настоял, чтобы его переодели в нашу армейскую форму. После наспех проглоченного обеда мы тронулись в путь.

Вскоре Берлин остался позади. Когда мы съехали с автострады на проселочную дорогу, мой спутник начал заметно нервничать. Только к закату солнца на горизонте наконец начали вырисовываться очертания леса и контуры каких-то строений. Чем ближе мы подъезжали к ним, тем спокойнее становился мой спутник.

— Это здесь!—воскликнул он ликующим голосом и попросил свернуть на заросшую травой дорогу.

Трудно передать то чувство, которое я испытал, когда мы добрались к нужному месту. Даже предугаданный об огромных количествах гранита, я был все же ошеломлен тем, что увидел.

Огромные штабеля аккуратно сложенных блоков тянулись, казалось, к самому небу. Горы гранита. Блоки разных расцветок, величины и конфигурации, и все—под своими индексами и пятизначными номерами. Величественное, безмолвное царство гранитных глыб.

Долго я колесил по этим затененным лабиринтам, не веря, что все несчетное богатство оказалось у нас в руках в самый горячий период работ.

В обратный путь направились, когда совсем стемнело. Занятое каждый своими мыслями, мы ехали, не проронив ни слова.

Первым нарушил молчание мой спутник. У опушки леса он попросил остановить машину, вышел на дорогу и направился к деревьям.

Шло время, а он все не возвращался. Долго я мигал светом, сигналил, бродил по опушке, а укал, но в ответ слышал только далекое эхо и таинственный шепот леса. Только тут я спохватился, что не знаю ни имени, ни фамилии моего знакомого. Я надеялся, что он еще придет. Но больше мы его никогда не видели.

Итак, нужен для строительства гранит и мрамор были. А для каких целей сосредоточивалось такое огромное количество обработанного камня, что хотели гитлеровцы строить из него, узнать нам не удалось.

Мы не могли тогда и подумать, что это тот самый гранит, о котором еще в августе 1943 года писал в одной из листовок Всеволод Вишневский. Обращаясь к немецким солдатам, он предлагал использовать этот заготовленный в Швеции гранит для памятников тем храбрым немцам-антифашистам, которые выступят против Гитлера.

Не могли мы тогда знать, что прикоснулись к тщательно охраняемой тайне третьего рейха.

Много лет ушло на разгадку тайны гранитного клада. Я нашел ответ только в 70-х годах, когда на Западе вышла книга мемуаров Альберта Шпеера, любимчика фюрера, военного преступника, приговоренного Нюрнбергским судом к 20 годам тюремного заключения.

Одержимый манией величия, Гитлер давно задумал увековечить военный триумф фашистской Германии, «призванной», как он полагал, править всем миром. Символ, олицетворяющий эту идею, Гитлер обдумывал многие годы. Он сделал множество причудливых рисунков огромнейшего памятника победы нацизма и посвятил в свою идею лишь самых верных своих приспешников, продемонстрировав им свои наброски.

Незадолго перед войной Гитлер решил, что время пришло. Он приказывает создать проект будущего монументального сооружения, которое предполагалось построить в центре столицы Германии.

Памятник мыслился в виде комплекса строений, обрамляющих будущий Адольфгитлерплац: резиденции Гитлера, верховного командования вермахта, рейхсканцелярии, канцелярии партии, рейхстага и других апартаментов. Главной, венчающей частью этого ансамбля должно было стать купольное здание («Купелл Халле») — величайшее из дотоле построенных зданий в мире. На вершине его должен был парить громадный орел, опирающийся на фашистскую свастику.

Опьяненный легкими победами внутри страны, Гитлер был уверен в своих последующих успехах на мировой арене. Еще до начала второй мировой войны в глубочайшей тайне он уже разрабатывал планы прославления своего триумфа.

Осуществить эту идею он поручил личному архитектору Альберту Шпееру, который в 28 лет стал гроссархитектором третьего рейха.

По наброскам Гитлера 20 апреля 1937 года Шпеер представил первые эскизы и модели главных монументов купольного зала и план будущего ансамбля. Гитлер остался очень доволен проектом, особенно той его частью, которая олицетворяла его могущество.

За два с лишним года были разработаны рабочие чертежи и трехметровые макеты.

В 1939 году после захвата фашистской Германией ряда западноевропейских государств Гитлеру уже казались тесными просторы от Ламанша до Урала. Глядя на имперскую эмблему—орла со свастикой, Гитлер указал: «Это надо изменить. Орел будет повелевать земным шаром. Вершина купола—памятника победы должна завершаться орлом со свастикой на земном шаре».

Одновременно Гитлер приказал срочно начать заготовки гранита и мрамора. Из Германии, Швеции, Норвегии, Финляндии пошли непрерывным потоком к приемным пунктам блоки, назначение которых никому не было известно.

Центральная часть комплекса—«Купелл Халле»—мыслилась как гигантское сооружение, перед которым бледнели бы египетские пирамиды, библейская вавилонская башня, «Эмпайр Стейтс билдинг» и прочие чудеса строительства.

Величайший из дотоле известных залов собраний должен был вмещать до 180 тысяч слушателей. Это здание должно было стать таким же местом паломничества, как собор Святого Петра в Риме. Без культовой подоплеку, считал А. Шпеер, назначение его было бы бессмысленно и непонятно. Диаметр круглого внешнего объема зала имел 250 метров, высота—290 метров.

Особенно броско был задуман внешний вид купольного здания. Холм купола покоился как бы на пьедестале—квадратной каменной глыбе из серого гранита, ширина которого составляла 314 метров, а высота—74. Объем сооружения достигал 21 миллиона кубометров. Чтобы убедиться в правильности расчета глубины осадки, были изготовлены макеты и специальный образец для испытаний. Он является единственным оставшимся документом этого сооружения, не считая чертежей и фотографий макета.

Грандиозной задумана была и резиденция Гитлера, соединявшаяся с купольным залом специальной галереей. Новую резиденцию Гитлера можно было бы сравнить лишь с легендарным дворцом Нерона—«Золотым Домом», занимавшим более одного миллиона квадратных метров. А дворец бесноватого фюрера вместе с садом достигал двух миллионов квадратных метров.

Гитлер запретил подсчитывать стоимость этого комплекса:

— Никаких смет! Деньги на эти работы мы получим от плутократии Англии и Франции. На нас будут работать славяне, греки, прибалты—все эти неарийские народы, которых мы запрямием в германское ярмо.

Когда Альберта Шпеера переместили из комфортабельных апартаментов в Нюрнбергский дом юстиции, он счел нужным рассказать суду о черных планах Гитлера, который вверг народы Европы, в том числе и немецкий, в пучину невероятных страданий. Однако он не решился рассказать, как задолго до нападения на Советский Союз Гитлер уже готовил памятник победы над миром.

Шпеер избежал виселицы. И, отбыв 20 лет заключения по приговору суда народов, он издал мемуары, где раскрыл тайну несбывшейся мечты фашистов...

...Но вернемся в Берлин конца сороковых годов. Несколько лет трудились тысячи мастеров над созданием памятника нашим воинам в Трептов-парке.

8 мая 1949 года состоялось его торжественное открытие. Вскоре был открыт и мемориал в Панкове.

Незабываемы памятники советским воинам в Берлине. Стоя в центре Европы, они будут вечно напоминать народам мира, кем и какой ценой была завоевана победа во второй мировой войне. Они будут рассказывать грядущим поколениям, какие жертвы принес Советский Союз, чтобы освободить народы от тирании фашизма.

Иван СВИСТУНОВ

маршал Рокоссовский

Жизнь Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза К. К. Рокоссовского прошла в одном ритме с его эпохой. Человек огромной воли, ясного ума, необъяснимой сердечной доброты, он был одним из тех замечательных советских военачальников, чей полководческий талант со всей полнотой раскрылся в годы Великой Отечественной войны. Под руководством Рокоссовского были разработаны и осуществлены блестящие военные операции, принешие славу советскому оружию. Его имя стоит рядом с именами виднейших военных стратегов нашей страны.

Публикацией материалов о Рокоссовском не ставится цель подменить солонные тома, посвященные его жизни. Журнал стремится рассказать о малоизвестных штрихах биографии маршала, дополнить его образ воспоминаниями дочери, видевшей в Константине Константиновиче прежде всего внимательного и любящего отца.

В 4.00 дежурный по штабу разбудил командующего корпусом.

— Товарищ генерал! Только что получена срочная шифровка из штаба армии.

Рокоссовский еще не знал, какой текст заключает в себе листок бумаги, принесенный дежурным, но чувствовал: там могут быть только подробности, уточнения... Главное он уже понимал: это война!

Краткий текст телефонограммы: «ВСКРЫТЬ ОСОБО СЕКРЕТНЫЙ ОПЕРАТИВНЫЙ ПАКЕТ».

Рокоссовский нахмурился.

— Всех офицеров — в штаб!

Собрались быстро. Мало кому спалось в эти короткие июньские ночи. Рокоссовский еще раз прочитал шифровку. Подпись: замнач оперотдела штаба.

Все в штабе хорошо знали, что вскрыть особо секретный пакет можно только по распоряжению Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Обороны СССР.

Посыпались советы: — Запросить Луцк, Киев, Москву! Надо действовать как положено, по инструкции.

Начальник штаба корпуса доложил: — Связи нет ни с Москвой, ни с Киевом, ни с Луцком. Все линии прерваны.

Что же делать? Ждать, пока восстановят связь? Но есть одно «но». Это «но» — война! Дорога каждая минута. Как старый солдат, он знает, что такое дисциплина, и понимает, что грозит ему за нарушение строжайшего указания. Но он не просто исполнитель. От его воли зависит боеспособность корпуса, судьба мощного соединения.

Риснуть? Что ж, он уже делал это не раз. Он

рисковал, атакуя немцев в конном строю Каргопольского драгунского полка в первую мировую войну, ведя в бой отряд Красной гвардии против колчаковцев и банд барона Унгерна, на КВЖД... Два ранения, три ордена Красного Знамени...

Он вскрыл пакет: «НЕМЕДЛЕННО ПРИВЕСТИ КОРПУС В БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ И ВЫСТУПИТЬ В НАПРАВЛЕНИИ РОВНО — ЛУЦК — КОВЕЛЬ...»

Рокоссовский посмотрел на стоявших вокруг него командиров.

— Объявляю боевую тревогу... Войскам быть готовыми выступить сегодня в 14.00.

Повинуясь приказу, тысячи людей и машин в точно установленном порядке двинулись на запад, к границе, к войне.

За первые сутки части корпуса сделали невозмож-

ное — прошли пятьдесят километров. В дику жару, неся на себе боеприпасы, пулеметы, минометы. Люди рвались в бой. В районе сосредоточения части корпуса 24 июня с ходу атаковали противника. Одно соединение отбросило немцев за Стырь, другое атаковало гитлеровцев в районе Олыка. Захватили первых пленных и трофеи. Так Константин Константинович Рокоссовский вступил в свою новую и последнюю войну.

26 июня корпус нанес еще один удар по врагу в направлении Дубно. Эти первые контрудары на юго-западном участке огромного фронта оказались настолько успешными, что привели в бешенство гитлеровских стратегов и заставили их бросить на корпус значительные соединения.

В боях под Луцком и Новоград-Волыньским корпус нес большие потери в людях и технике. Но не было паники, не было беспорядочного отхода. Не было окружений. Была подвижная умелая оборона, упорные бои за каждое селение, за каждую высоту, за каждую переправу.

В те первые дни войны Советское правительство скупно отмечало наградами отличившихся воинов. И все же — это говорит само за себя — генерал Константин Рокоссовский за умелое руководство боевыми действиями был награжден орденом Красного Знамени. Четвертым!

...Командующего войсками фронта, штаб которого размещался в Касне, Семена Константиновича Тимошенко Рокоссовский застал в плохом настроении. Тимошенко без лишних слов подвел генерала к карте и сухо проговорил:

— Немцы пытаются рассечь войска фронта на несколько частей и открыть путь к Москве. Понимаешь? Поезжай сегодня же... Сколачивай группу... Собирай, кого сможешь собрать, и войой! Вот так, дорогой!

Спустя год-два Рокоссовский почти с сомнением — было ли это в действительности? — вспоминал ту раннюю осень сорок первого года под Смоленском, когда он, командующий группой войск, ел щи из солдатского котелка, спал под осной на своем генеральском плаще, а весь его штаб помещался в одной или двух автомашинах.

По пути к Ярцеву он подчинял себе все встречные части, подразделения, отряды пехотинцев и артиллеристов, саперов и медиков, связистов и разведчиков. Подчинял бежавших из плена, вышедших из окружения, легкораненых и просто струсивших в первом бою. Он подчинял всех, кто способен был взять в руки автомат или винтовку и стоять лицом на запад.

Ожесточенные, изнуряющие бои. «Группа генерала Рокоссовского» несла большие потери. И все же она росла. Она вбирала в себя все новые роты, батальоны, полки... Это был труднейший период войны, и то, о чем мы расскажем, могло случиться только тогда.

На вопрос о месте командира в бою Рокоссовский отвечал так:

— Я не сторонник ненужной, напускной бравады, как и бесцельной храбрости. Это ниже правил поведения командира. Но порой нужно быть вне правил.

...Во время боев в районе Ярцева Константин Константинович Рокоссовский и командующий артиллерийской группой генерал Иван Павлович Камера находились на огневом рубеже. Неожиданно немцы под прикрытием авиации и артиллерийского огня пошли в атаку. Наши бойцы не выдержали натиска, дрогнули. Началось беспорядочное отступление. Рокоссовский и Камера приняли решение: остаться стоять в полной генеральской форме на виду у отступающих бойцов.

Не ищите в этом эпизоде любви к острым ощущениям, испытания судьбы. Просто они знали, что в сложившейся ситуации только так можно остановить отступающих, ликвидировать панику. Генералы не ошиблись. Прошло несколько томительных минут, и послышался голоса:

— Стой! Куда бежишь? Видишь, генералы стоят, а ты...

Остановился один, другой, десятый... Отступление прекратилось. Бойцы залегли. Вражеская атака захлебнулась.

...В историю битвы за Москву 16-я армия Западного фронта под командованием Рокоссовского вписала, может быть, самую яркую страницу. По тем временам эта армия была грозной силой. В нее входили шесть дивизий, танковая бригада и другие части. Но и участок фронта — 50-километровая полоса, — на котором армия занимала оборону, был важный, пожалуй, самый важный на дальних подступах к Москве. Соединения армии перехватывали основную магистраль Смоленск — Вязьма — прямой путь к столице.

Рокоссовский делал все, чтобы укрепить оборону. Его бойцы копали противотанковые рвы, стьки и промежуточные между полками густо минировали. Приказом командарма были созданы подвижные отряды саперов. Передвигаясь на машинах, снабженных минами и подрывными зарядами, они должны были

контролировать все танкоопасные направления, преграждать путь вражеской технике, не пускать ее в глубину нашей обороны.

Шоссе и все проселки перекрыли артиллеристы. Каждой батарее придавались специальные подразделения для борьбы с танками. Стрелки готовились к борьбе с вражескими автоматчиками.

16 октября враг нанес по частям армии удар огромной силы.

Отступать было некуда, за спиной — Москва.

В те дни генерал Рокоссовский постоянно находился на передовой, в войсках. Среди бойцов переднего края он чувствовал себя спокойней, уверенней, острее сознавал свою личную, физическую причастность к тому, что происходило на поле боя. И его армия выстояла.

Его радовало, что соединениями армии командуют надежные, знающие командиры. Особенно по душе пришелся командир недавно прибывшей на фронт 316-й стрелковой дивизии генерал Иван Васильевич Панфилов. Дивизия его производила прекрасное впечатление, крепко сколоченная, отлично обученная.

Сам Панфилов подкупал своей простотой и в то же время глубоким знанием дела. У него было спокойное лицо и умные, внимательные глаза. Одевался генерал по-окопному: солдатский полушубок, шалка-ушанка, валенки. Из офицерской амуниции — только пистолет.

...Был хмурый, осенний день. То переставал, то снова начинал сыять мелкий дождь. Связисты, надрываясь, пытались соединить командующего армией с командиром 316-й дивизии. Только что Рокоссовский прослушал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Панфиловой дивизии орденом Красного Знамени. Дивизия стала 8-й гвардейской. Большой успех! То-то обрадуется Панфилов!

Наконец-то связисты соединились с его дивизией. Рокоссовский с нетерпением схватил трубку:

— Комдива!

Сейчас он услышит негромкий панфиловский басок. И вдруг чей-то глухой голос доложил:

— Генерал Панфилов убит!

С телефонной трубкой в руке, сняв папаху, стоял Рокоссовский у замолчавшего телефонного аппарата.

Убит! Было такое ощущение, словно с каждой новой потерей на его плечи ложится новая тяжесть.

...Ноябрь — декабрь сорок первого года. Враг все еще рвется к Москве. Еще подвозит дальноточные орудия, еще бросает в бой резервные танковые дивизии, еще надеется... Смертельная угроза, нависшая над Москвой, не миновала.

В те дни армия генерала Рокоссовского вела непрерывные оборонительные бои на участке от Красной Поляны до Крюкова. И гитлеровцы, обессиленные, остановились. Москва рядом, уже видна в бинокль, но какая сила может сломить сопротивление ее защитников! И тогда Рокоссовский без паузы, без обычной в таких случаях подготовки от обороны сразу же перешел в наступление.

Особенно упорные бои завязались на Истринском водохранилище. Когда части Рокоссовского подошли к водохранилищу, гитлеровцы с западного берега открыли ураганный огонь. Рокоссовский опасался, что немцы, чтобы задержать наше наступление, подорвут дамбу и спустят воду.

Так они и сделали. Хлынул могучий поток воды, скрывший под собой лед.

Меры надо было принимать быстрые, решительные. Рокоссовский направил две подвижные группы войск в обход водохранилища с севера и юга. Сибирскую дивизию А. П. Белобородова послал форсировать ледяную преграду на подручных средствах.

Декабрь. Мороз. Ревущая вода. Жесточай вражеский огонь. Но надо подниматься из занесенных снегом окопчиков и идти в бой. Поднимались. Шли. Отличными действиями трех групп успех был обеспечен. Не удержавшись на Истринском рубеже, на который они возлагали большие надежды, гитлеровцы поспешно отступали. Был освобожден Волоколамск.

Из сводок: «...6 декабря 1941 года войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери».

К исходу 11 декабря 1941 года были подведены первые итоги боев:

«...Войска генерала Рокоссовского, преследуя 5-ю, 10-ю и 11-ю танковые дивизии, дивизию СС и 35-ю пехотную дивизию противника, заняли г. Истру... Освобождено от противника свыше 400 населенных пунктов... Захвачено 386 танков, 704 орудия, 305 минометов, 4317 автомашин... Уничтожено: 271 танк, 211 орудий и минометов, 565 автомашин... убито 30 тысяч солдат и офицеров...»

Все это за несколько дней!

Впервые с 1 сентября 1939 года — с начала второй

мировой войны — гитлеровская армия потерпела столь сокрушительное поражение.

...Наступавшая на Сухиничи обескровленная, с растянувшимися коммуникациями, 10-я армия Западного фронта к началу января 1942 года завязла на подступах к городу. Когда стало ясно, что командование 10-й армии не сможет справиться с задачей, овладеть Сухиничами в середине января было поручено Рокоссовскому. Иными словами, ему предложили прежними силами выполнить то, чего не смог сделать командарм 10-й.

Посещая дивизию, Константин Константинович почувствовал, что его знают в войсках, что его имя знакомо солдатам, что с его приездом на этот участок фронта бойцы и командиры связывают надежды на успех предстоящих боев.

Если это так, то, возможно, и противнику знакомо имя генерала Рокоссовского. И, естественно, он будет озабочен, узнав о его прибытии под Сухиничи. Нельзя ли использовать это как психологический фактор? Пусть немцы думают, что штурмовать город явился не только генерал Рокоссовский, не только его штаб, но и вся 16-я армия.

Дивизиям и полкам было передано странное для непосвященных указание в открытых переговорах по радио и по всем линиям связи без стеснения указывать фамилию командарма генерала Рокоссовского, называть побольше номеров дивизий и частей, которые якобы готовятся штурмовать Сухиничи.

— Рокоссовский приехал!

— ...Рокоссовский?

— ...Рокоссовский!

Так без конца склонялось в эфире и несло по проводам имя командующего 16-й армией.

Близился день штурма. Выдвинулась на линию огня артиллерия. В ночь на 28 января войска заняли исходные позиции. Константин Константинович Рокоссовский прибыл на НП, чтобы лично руководить боем. Всего несколько минут осталось до начала артиллерийской подготовки. Неожиданно командарму доложили: немцы в панике, бросая технику, склады, боеприпасы, бегут из Сухиничей.

Сообщение казалось невероятным. Почему враг, окопавшийся в городе, превративший его в крепость, с такой яростью оборонявшийся, вдруг без боя бросает все и бежит?

Проверили. Донесение подтвердилось. Немцы действительно оставили город. Рокоссовский перенес свой КП в город и связался с командующим Западным фронтом генералом армии Г. К. Жуковым:

— Немцы сегодня ночью без боя покинули Сухиничи.

Жуков не поверил:

— Быть не может!

— Может! — Рокоссовскому было радостно, что и город взял без боя и удивил Жукова, что тоже было не простым делом.

Жуков коротко приказал:

— Проверьте лично.

— Проверил. Говорю с вами из Сухиничей.

Это было 8 марта. Рокоссовский вошел в просторный дом, где разместился начальник штаба со своими помощниками. Веселый, довольный. Дела идут отлично. Немец струсил, драпанул из Сухиничей, теперь ежится в лесах вокруг города.

— Как, товарищи, всех женщин поздравили с праздником? В военторге духи есть, конфеты и печенье. Учтите!

Сел за стол подписывать приказы. Взял ручку.

— Отвык от стола. То палатка, то машина, то просто сосна.

Неожиданно за окном разорвался снаряд, как потом оказалось, бризантный. Звякнули стекла, посыпалась на пол штукатурка, взметнулась рыжая пыль...

Никто из находившихся в штабе людей не пострадал. Ни те, что стояли вокруг командарма, ни те, что были на улице.

Только Рокоссовского нашел осколок. Выпал так и не подписанный приказ из руки командарма. Еле шевеля губами, генерал проговорил:

— Ну, кажется, попало...

Ошеломленные начальник штаба Михаил Сергеевич Калинин и начальник артиллерии армии Василий Иванович Казаков бросились к командующему, перенесли на диван, осторожно сняли окровавленный китель. Прибыл армейский хирург.

— Ранение тяжелое, нужна срочная операция: немедленно в армейский госпиталь, в Козельск.

Из Козельска раненого командарма на самолете отправили в Москву. Там его внимательно осмотрели ученые, определили: пробито легкое, осколок застрял у позвоночника. Как быть? Оперировать или нет? Конечно, лучше удалить инородное тело, как деликатно назвали хирурги кусок немецкого железа. Но операция на позвоночнике... жизненно важные центры... Возможны осложнения...

Мнения разделились. Решили посоветоваться с раненым.

Рокоссовский усмехнулся:

- Говорят, организму человека нужно железо.
- Да, но не такое.
- Это уже детали. Пусть осколок останется.

После упорных боев с противником, безуспешно пытавшимся продвинуться на север вдоль Дона, Брянский фронт, которым командовал Рокоссовский, в августе стал «тихим», войска перешли к обороне. Гитлеровцы направили главные усилия на юго-восток. Каждый день оттуда приходили тяжелые известия. Преодолевая сопротивление частей Юго-Западного фронта, вражеские колонны рвались к Волге.

С нетерпением и надеждой Рокоссовский ждал указаний из Москвы, из Ставки Верховного Главнокомандования. И его день настал. Вызванный к аппарату ВЧ, он сразу узнал глуховатый, низкий, с акцентом голос:

- Товарищ Рокоссовский, вам не скучно на Брянском фронте?
- Скучно, товарищ Сталин!
- Предлагаем вам принять командование фронтом под Сталинградом.
- Спасибо!

Уже на следующий день после телефонного разговора со Сталиным он был в Москве. Пожав руку, Верховный прошелся по кабинету. Резко остановился, сказал сухо, почти сердито:

- Надо спасать Сталинград!
- Эта до предела откровенная фраза была подобна удару. Направляясь в Москву, Рокоссовский знал, что дела на Юго-Западном фронте идут плохо. Но неужели настолько, что над Сталинградом нависла смертельная угроза?
- Берите с собой лучших своих офицеров и вылетайте туда побыстрее.
- Все будет сделано, товарищ Сталин!

Наконец свершилось событие, навсегда вошедшее в историю: группировка немецких войск в районе Сталинграда окружена. Донскому и Сталинградскому фронтам предстояло пленить или уничтожить окруженные войска противника. Но то, что ликвидацию котла поручили двум фронтам, не давало возможности четко организовать боевые действия, быстро и целеустремленно ими руководить. Понимая это, Константин Рокоссовский по ВЧ обратился к Верховному Главнокомандующему:

- Ликвидацию окруженной группировки немцев следует поручить одному фронту.
- Государственный Комитет Обороны обсудил это предложение и постановил: доверить ликвидацию котла Рокоссовскому.

Для выполнения этой задачи Донской фронт был усилен тремя прославившимися в Сталинграде армиями: 57-й — Ф. И. Толбухина, 64-й — М. С. Шумилова и 62-й — В. И. Чуйкова. Верный своему правилу, Рокоссовский начал подготовку к решающим боям с личного знакомства с новыми соединениями. Побывал у Ф. И. Толбухина, у М. С. Шумилова. Собирались к Чуйкову.

По докладом Рокоссовский знал, в каких тяжелых условиях сражается с врагом 62-я армия под командованием генерала Василия Ивановича Чуйкова. Уцепившись за обрывистый, изрытый воронками берег Волги, на узкой полосе в полтора километра под непрерывным артиллерийским, минометным, пулеметным огнем врага гвардейцы Чуйкова дрались за каждую пядь земли.

Через Волгу, на ее восточный берег, переправились в районе Дубовки. Спустились на юг и оказались прямо перед городом. На огромном пространстве западного берега Волги чернели руины. Грязными клубами пыли и дыма взбухали разрывы снарядов и мин. Нестихающая беспорядочная пулеметная и автоматная стрельба.

Рокоссовский и его группа пешком по льду двинулись в Сталинград. Волжский лед, продырявленный снарядами и минами, тускло поблескивал польнями. Пришлось взять с собой веревки и доски. Не часто командующим фронтами приходилось использовать для переправы такие подручные средства.

Гитлеровские артиллеристы заметили на реке группу смельчаков и открыли по ней огонь. Проводник, совсем молодой парень, каким-то чутьем угадывал, где упадет снаряд, и уводил командиров от опасного места.

На восточный берег добрались благополучно. У самой реки на обрывистом берегу увидели землянки, блиндажи. Здесь, на переднем крае обороны, в 150—200 метрах от противника, и находился штаб 62-й армии.

Встреча с Василием Ивановичем Чуйковым была самая дружеская и сердечная. Рокоссовский ценил людей мужественных, беззаветно выполняющих свой долг. Только такой человек и мог устоять сам и удержать своих солдат на последней, огненной пяди сталинградской земли.

Выслушав доклад Чуйкова и сделав необходимые распоряжения, перешел к главному — 62-я должна активными действиями с востока отвлекать на себя

противника. Помнить: враг может попытаться по замерзшей реке вырваться из окружения. Одним словом, нужно еще одно, последнее напряжение всех сил.

Василий Иванович Чуйков сказал коротко и твердо: — Выстоим.

А в это время солдатский телеграф разнес по всему краю обороны: «Рокоссовский прибыл, Рокоссовский здесь, с нами!»... Одно только его имя вселяло в людей надежду.

...Позади Сталинград. Жизнь переворачивала одну из самых памятных и героических страниц. Генерал Рокоссовский, теперь уже командующий Центральным фронтом, едет на очередной «горячий» участок войны.

Орловский выступ. Здесь надо было создать наибольшую плотность обороняющихся дивизий, сосредоточить фронтные резервы. Но в этом был и риск. Вдруг немцы ударят не с выступа, а в середине дуги, где наша оборона будет ослаблена, — ведь нельзя быть одинаково сильными на всех участках фронта.

Генерал армии К. К. Рокоссовский пошел на риск, сосредоточив главные силы фронта против Орловского выступа. Не может быть, чтобы немцы избрали другое направление главного удара, уж слишком оно выгодно и заманчиво.

Фронт приготовился. Ждал. Все тревожной на сердце у командующего. Ставка в который раз предупреждает:

- Скоро немцы начнут. Не прозевайте!
- В ночь на 5 июля, по донесению разведчиков, немецкие саперы начали скрытно разминировать минные поля. Нашим ребятам удалось захватить одного из них. «Язык» рассказал, что им вечером зачитали приказ фюрера о наступлении. Разведчики установили точно не только его день, но и час: 5 июля в 3.00.

А сейчас — 2.00. Через час лавина огня и металла обрушится на нашу оборону. Надо предупредить противника. Осталось пятьдесят минут... Осталось сорок минут... А вдруг полученные сведения ошибочны и немцы не собираются начинать наступление? Вдруг в последний момент они передумали?

Рокоссовский повернулся к представителю Ставки, заместителю Верховного Главнокомандующего Маршалу Советского Союза Жукову:

- Как быть, Георгий Константинович?
- Обычно быстрый на решения, Жуков на этот раз помедлил с ответом. Будь перед ним другой командующий фронтом, он, конечно, дал бы совет, твердой рукой направил действия командующего. Но перед ним был Рокоссовский. Ему он верил.

Жуков сказал: — Ты командующий фронтом, Константин Константинович, ты и решаешь!

Рокоссовский с благодарностью посмотрел на старого друга.

- Спасибо!
- Спокойным, пожалуй, даже веселым голосом приказал командующему артиллерией:
- Открыть огонь!

Свыше тысячи орудий обрушили на врага, готовившегося к наступлению, смертоносный вихрь. Как потом стало известно, Рокоссовский всего на десять минут предупредил наступление немцев. Десять минут промедления — и немецкий огневой вал обрушился бы на наши позиции.

Несколько часов понадобилось немецким генералам, чтобы оправиться от шока. Это были часы сомнений, колебаний, отчаяния. Но ясно одно: огромная машина наступления уже залучена, пришла в движение, нет возможности ее остановить. Последовала команда: наступление! Но уже не было ни внезапности, ни согласованности действий, ни боевого подвига, ни уверенности в победном исходе сражения. Еще не начатое, оно уже было проиграно.

Выдержав удар гитлеровских соединений, наши войска перешли в контр наступление. Двадцать две общевойсковые, пять танковых, шесть воздушных советских армий двинулись на врага. Более полумиллиона солдат и офицеров, тысячи танков и самолетов противника остались на орловских и курских полях.

Фашистская Германия оказалась перед военной катастрофой.

Летом 1944 года в операции под кодовым названием «Багратион» должны были участвовать четыре фронта: 1-й Прибалтийский, 3-й Белорусский, 2-й Белорусский и 1-й Белорусский. Командующий 2-м Белорусским генерал армии Константин Константинович Рокоссовский, изучив условия местности (Полесские болота), разработал свой план нанесения удара по врагу в направлении на Бобруйск и Слуцк. Когда в Ставке окончательно отработывался план операции, Рокоссовский изложил свои соображения.

Верховный Главнокомандующий, его заместитель и другие члены Ставки не согласились с его мнением.

Рокоссовский продолжал настаивать на своем. Сталин, явно недовольный его несговорчивостью, предложил:

— Пройдите в соседнюю комнату и еще раз обдумайте наше предложение.

Рокоссовский удалился и еще раз все взвесил, прикинул, проверил... Когда его снова вызвали на заседание Ставки, Сталин, сдерживая раздражение, спросил:

- Ну как, согласны с нашим планом?
- Все, кто был в кабинете, испытующе смотрели на Рокоссовского. Дескать, пора бы уже и согласиться с мнением большинства.

Рокоссовский спокойно сказал: — Нет, я все снова обдумал и остаюсь на прежней точке зрения.

Сталин кивнул головой в сторону двери: — Ну, что ж, отправляйтесь туда и еще раз подумайте.

Провожаемый недоуменными взглядами присутствующих, Рокоссовский вышел и снова склонился над расчетами. В его поведении не было и доли упрямства, он был убежден в своей правоте и не мог ее отстаивать.

Но, может быть, лучше пойти и сказать, что он ошибся, не прав, согласиться с мнением членов Ставки, и все будет хорошо, все будут довольны: «Уломали, наконец, упрямого командующего фронтом».

Но Рокоссовскому на миг представился огромный, почти тысячекilометровый, проходящий по лесам и болотам Белорусский фронт, десятки тысяч солдат, которых он пошлет в бой, может быть, на смерть... Нет, не мог он отступить, отказаться от того, в чем уверен.

- Сталин третий раз вызвал Рокоссовского.
- Убедились, наконец, что мы правы?

Рокоссовский понимал, что дело зашло далеко, но все же сказал:

- Нет, товарищ Сталин, я убежден, что надо наносить удары по сходящимся направлениям.
- Наступила тяжелая тишина.

Сталин молчал, сжимая в руке потухшую трубку. Потом медленно подошел к Рокоссовскому и положил руку на его плечо. Тише, чем обычно, проговорил: — Настойчивость командующего фронтом доказывает, что организация наступления им тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха. Утвердим его план.

...Весна сорок пятого. Хроника событий на направлении наступления войск Маршала Советского Союза Рокоссовского.

26 апреля. Войска маршала Рокоссовского форсировали восточный и западный Одер, овладели Штеттином, заняли города Гартц, Пенкун, Казеков, Шведт.

27 апреля. Войска маршала Рокоссовского овладели городами Пренцлау, Ангериюнде.

28 апреля... Овладели городами Эггезин, Торгелов, Пазевальк, Штрасбург, Темплин.

30 апреля... Грайфсвальд, Трептов, Нойштрелитц, Фюрстенберг, Гранзее.

1 мая... Штральзунд, Гриммен, Деммин, Мальхин, Варен, Везенберг.

2 мая... Ростоки, Варнемюнде, Рибниц, Марлов, Лааге, Тетеров, Милов.

5 мая... Свинемюнде.

6 мая. Войска маршала Рокоссовского форсировали пролив Штральзундфарварсер, заняли города Берген, Гарц, Пубус, Заснитц, овладели островом Рюген.

Уже танкисты 3-го гвардейского танкового корпуса жмут руки английским солдатам в районе Висмара.

Уже конники 3-го гвардейского кавалерийского корпуса пьют своих коней из Эльбы.

Уже десантники добивают гитлеровцев на островах Воллин, Узедом, Рюген, Борнхольм...

Победа!

Из Берлина и Праги, из Вены и Будапешта, из Бухареста и Софии идут на восток воинские эшелоны, украшенные транспарантами и лозунгами, наполненные музыкой и песнями. Едут домой ветераны, победители. И из распахнутых дверей вагонов рвется песня:

...Грозный гром, салют московский,
В нашу честь гремел не раз.
Храбрый маршал Рокоссовский
Вел всегда к победе нас...

...У него было самое высокое (если не считать присвоенного И. В. Сталину звания Генералиссимуса Советского Союза) воинское звание, существующее в Советской Армии, он занимал ответственные посты. У него была слава защитника Москвы, героя Сталинграда, освободителя Белоруссии, Данцига и Гдыни. На его груди горели две Звезды Героя Советского Союза, значок депутата Верховного Совета СССР. Он был награжден многими орденами и медалями — советскими, монгольскими, польскими, английскими.

И он оставался все таким же безукоризненно

вежливым, деликатным, застенчивым, демократичным и доступным.

Ему уже семьдесят лет. Много, очень много позади. Можно спокойно и трезво взвесить и оценить прошлое. Ему незачем было перед самим собой скромничать, приедаться. Он знал, что сделал в жизни немало. Совесть его чиста.

Но почему странное чувство незавершенности все чаще и чаще тревожит его? Редуют ряды соратников, боевых друзей, ветеранов гражданской и Великой Отечественной войн.

Все чаще вспоминается весь жизненный путь — от августовских дней четырнадцатого года, когда по команде «По коням!» он молодцевато вскакивал на коня в драгунском полку, и до завершающих битв Отечественной войны...

Можно ли не написать об этом? Так появилось желание — нет, потребность! — рассказать о самом главном в своей жизни, поделиться своими мыслями, опытом. Хватит ли сил для такого труда? Труд непривычного, нового, за письменным столом...

Уже будучи больным, он начал писать свою книгу. Днем — служба, полный рабочий день: совещания, заседания, конференции, учения, инспекции. А по вечерам, до глубокой ночи, в воскресенье и праздничные дни с утра до вечера он сидел за письменным столом, воскрешал события военных лет, их высокий и яростный накал. Вновь вставали перед ним друзья и товарищи, начальники и подчиненные, живые и мертвые.

Он писал книгу три года. Делал вставки, исправления, переписывал главы, рвал и писал заново. Все от руки. Все сам. Помощником была память.

Когда в издательстве прочли его рукопись и консультанты сделали замечания, редактор книги приехал к маршалу. Рокоссовский был болен, и, как мы теперь знаем, болен смертельно. Выслушав все замечания по рукописи (очень незначительные), маршал спросил:

— Сколько времени вы мне дадите для доработки?
— Мы вас не будем торопить, хотя книгу очень ждут. Ну, скажем, месяца три...

— Я сделаю за три недели. Мне надо спешить...
...Через двадцать дней рукопись со всеми исправлениями, сделанными рукой Рокоссовского, была в издательстве.

Верстка книги попала к автору, когда он уже лежал в больнице, прикованный к постели. Но он не только снова внимательно вычитал всю книгу, сделал нужные исправления, но и написал новую главу — о счастье солдата. И, перечеркнув старое, дал книге новое название, известное теперь миллионам читателей: «Солдатский долг».

...Сигнальный экземпляр книги маршал перелистал с трудом и на титульном листе поставил подпись: Рокоссовский.

Через три дня Рокоссовского не стало.

...А типографские машины день и ночь печатали десятки тысяч экземпляров его книги. До всех уголков родной земли доходило живое слово маршала, обращенное к советским людям, к советским воинам. Доходило как совет, как наказ, как завещание. Так он совершил свой последний подвиг.

Ада РОКОССОВСКАЯ

ОТЕЦ

В последние годы он любил работать здесь, в небольшом, в два окна, кабинете, за просторным, под зеленым сукном столом. Сидел так, чтобы свет из окон падал равномерно справа и слева, распаховал штормы, и когда солнце и когда ненастье.

В кабинете ему было спокойно и привычно. Отец работал до последних дней, даже когда чувствовал, что осталось немного; продолжал писать друзьям, внукам, которых крепко любил, ни одним словом не выдавая своей тревоги.

Мне трудно говорить об этом, зная, что в памяти многих он остался только как военачальник, солдат своей Родины, коммунист. Для меня он прежде всего был и остается отцом, близким, любимым человеком, который чинил мои куклы, помогал мне решать задачи по алгебре, читал Пушкина, учил ездить на лошади, понимать и любить природу. Наверное, таквы почти все отцы, но мой все равно казался мне самым добрым, самым чутким, самым умным и веселым. И на сколько бы нас ни разлучала судьба, он всегда помнил о семье, обо мне, всегда

скупал по дому и близким и умел даже в самые трудные дни оставаться внимательным ко мне и моей маме. Но самое прекрасное его качество — отец уважал в каждом его личность, даже в детях.

Чего проще было бы отмахнуться от меня, когда я — десятилетняя девочка — просила его взять меня с собой в поездку по частям. А он брал, понимая, как безумно мне этого хочется. Как-то ему показалось, что я сказала маме неправду. Он отругал меня. Через несколько минут обнаружилось, что я была права. Отец не ушел на работу, пока не разыскал меня в саду и не извинился. Таким он был не только со мной — с товарищами, подчиненными. И если это не касалось его службы, он держался с каждым, как равный с равным: с солдатами, с соседскими мальчишками, с проводником в поезде. Когда я стала взрослой, он был прост и тактичен с моими друзьями, участвовал в наших спорах и никогда не впадал при этом в иравоучительство, не пользовался своим авторитетом.

Все это не значило, что отец не мог быть строгим и требовательным. После войны я, как и большинство моих сверстников, стояла перед выбором жизненного пути. Война помешала нам кончить школу, каково было садиться вновь за парту после того, как прошла фронт, видела рядом смерть. Отец же советовал учиться, несмотря ни на что. Я возражала. Тогда он поставил вопрос серьезно: я сажусь за парту или лишаюсь его уважения. Всю оставшуюся жизнь я буду благодарить его за тот ультиматум.

Война была тяжелым испытанием для каждого советского человека, много пережили в те годы и мы. Но как бы ни было трудно в первые ее месяцы, отец ни на мгновение не сомневался в том, что мы разгромим врага. Поддерживал он эту уверенность и в нас — своими письмами и беседами, когда он на несколько часов прилетал в Москву по вызову Ставки. До сих пор хорошо помню утро, когда началась война, надолго разлучившая нас с отцом.

Штаб корпуса, которым он командовал, располагался в небольшом приграничном городке. Я встала очень рано и побежала к Дому культуры, откуда должна была отправляться машина с участниками самодеятельности. Мы собирались давать концерт в одной из частей. На полдороге встретила отца. Он быстро шел к дому. Никогда прежде я не видела его таким встревоженным. Он спросил, куда я бегу. Я сказала, что в ДК.

— Немедленно домой. Война, дочура.

Через несколько минут он уехал в дивизию, и до самой осени мы не знали, что с ним и где он. Письмо отца нашло нас в Новосибирске, куда мы приехали после долгих скитаний в эвакуационных эшелонах. И хотя там было безопаснее, чем в столице, мама решила при первой же возможности переехать в Москву, где была надежда пусть изредка, но все-таки видеть отца. Такая возможность представилась в мае 1942 года. В то время отца ранило осколком в спину, и он лечился в одном из московских госпиталей. Как только смог встать, переехал из госпиталя домой с нетерпением ждал, когда врачи разрешат ему вернуться на фронт. Все попытки врачей извлечь осколок оказались напрасными. Он остался в теле отца навсегда и, наверное, отнял у него несколько лет жизни. Но и тогда, весной сорок второго, несмотря на мучительные боли, отец был таким же, как и прежде, веселым, остроумным, неунывающим. Он шутил с нами, пел любимые песни, которых знал великое множество. Причем пел он не только русские песни, а и польские, латышские, литовские. Он вообще любил пение. И очень бережно относился к людям талантливым.

Во время боев за Киев отец, обходя позиции, как-то услышал пение одного из солдат его фронта. Он тут же вызвал его к себе, записал фамилию и сказал, что после освобождения столицы Украины направит его учиться петь в Киевскую консерваторию. Солдат попытался отказываться, неудобно, мол, ему перед товарищами, они воевать будут, а он в тылу поедет песни распевать. Но отец, чуть улыбнувшись, сказал, что приказы в армии обсуждать не принято. И он сдержал свое слово: рядовой Кривуля был откомандирован на учебу в Киевскую консерваторию.

Узнали мы об этом случае спустя много лет после войны из письма самого Кривули, ныне солиста Ленинградской оперы. Немало отец сделал и для того, чтобы получил возможность учиться пению бывший сын полка, сейчас известный исполнитель русских народных песен Иван Суржиков...

Так вот сразу после подмосковного сражения отец не раз говорил нам, что наступил перелом, что теперь мы начали бить фашистов и обязательно добьем их до конца. Он был Коммунистом с большой буквы, человеком высокой идеи и, кроме того, военным стратегом, прекрасно знающим возможности Красной Армии, ее боевой дух, верящим в стойкость, наступательный порыв советских войск.

Мы с мамой знали, что вскоре он должен уехать под Сталинград, очень волновались и взяли с него слово писать нам как можно чаще. Обязательный и аккуратный во всем, папа сдержал слово: писал сравнительно часто и довольно подробно, понимая, что нам не просто интересно знать все о его военной жизни, но и намного спокойнее, если мы получаем от него письма. Вообще чувство семьи в отце было развито очень сильно. Как бы ни складывалась военная обстановка, он находил возможность известить о себе. Даже прилетая на два часа по вызову Ставки, он по дороге в аэропорт заезжал домой хоть на пять минут.

После войны, когда мы жили вместе, а отец работал в Генеральном штабе, любимым отдыхом для него была возня с внуками. Он мог часами играть с ними в их игры — с не меньшим, чем у них, азартом. Однажды, работая в саду, он оставил на земле косу. Мой младший сын Павлик, играя, наткнулся на нее и сильно поранил ногу. Отец страшно переживал этот нелепый случай. Просиживая у постели Павлика дни и ночи, он отдавал ему столько душевного тепла, сколько, казалось бы, не смогла отдать даже я — мать. Папа менял сыну повязки, кормил его, читал ему книжки. Вскоре мальчик поправился, но отец еще долгие годы не мог простить себе оплошности с косой.

Отец вообще был необыкновенно щедр душой. Он никогда не забывал ничьих дней рождения, до последних месяцев жизни был настоящим рыцарем по отношению ко мне, маме, нашим знакомым. Но как бы он ни любил нас, отец считал неудобным, например, отдыхать вместе с нами в санатории или разрешать нам пользоваться его служебным автомобилем. Он относился к таким вещам очень щепетильно и возмущался, если видел, что кто-нибудь в личных интересах использует служебное положение. Отец считал, что это бесчестно и настоящим человеком такого назвать нельзя. Вообще формулировка «настоящий человек» была для него высшей оценкой деловых и человеческих качеств кого-либо. Часто в разговорах со мной он говорил, что быть настоящим человеком может не каждый, для этого нужен талант.

Он умел ценить и защищать мужскую дружбу, считая ее одним из самых высоких проявлений человеческого духа. Время от времени у нас дома собирались его бывшие однополчане. Я поражалась, с какой преданностью, уважением они относились друг к другу, как стояли друг за друга в трудных жизненных ситуациях. Помню, как однажды отец вернулся домой чем-то очень расстроенный и заперся у себя в кабинете. Я хотела расспросить его, но мама не разрешила.

— Его фронтовой товарищ попал в беду, — сказала она мне.

Через несколько дней папа, звавший того человека много лет и поэтому уверенный в его невинности, добился приема в самых высоких инстанциях. Только личное поручительство отца спасло того человека от беды. Как выяснилось спустя какое-то время, обвинения против него были действительно неосновательными.

Вся его жизнь была постоянной деятельностью, он не умел находиться в покое, не любил бездельников, считая праздность одним из самых больших пороков. Я часто думаю о том, что питало его неистребимую жизненную энергию. Прежде всего природная увлеченность, он просто не умел ничего делать равнодушно, без этой самой увлеченности — играл ли он в шахматы с внуками, работал ли над военными трудами, пел или спорил с товарищами. И еще, пожалуй, спорт, физические упражнения, без которых он не начинал день.

Отец просыпался очень рано, обтирался холодной водой, прыгал, делал приседания, поднимал гантели. Он делал это каждый день, до последних месяцев жизни. Очень любил волейбол, теннис, а вот к футболу питал почему-то антипатию, считая его скучной игрой. Высокие физические нагрузки помогали ему держаться все время в форме. Я даже гордилась тем, что мой отец по сравнению с другими мужчинами его возраста выглядел молодым.

И еще отец страстно любил природу. Но любил не созерцательной любовью. Он мог часами бродить по лесу в поисках грибов, терпеливо объяснять нам лечебные свойства различных трав, ягод, обожал охоту и рыбалку, на которые брал меня с удовольствием, лишь бы у меня хватало терпения дожидаться, когда начнется клев. Уважение к природе он сумел передать и внукам, особенно младшему, в общении с которым проводил последние годы очень много времени.

Я могла бы говорить об отце долго, как, наверное, каждая любящая дочь о своих родителях. О тех, кто за главным жизненным делом, каким для моего отца была военная служба, находил время и душевные силы быть настоящим отцом, добрым и честным, старшим товарищем, наставником. Таким он был и таким останется для меня и тех, кто его знал.

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Виктор ИЛЬИН

РАССКАЗ

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Валерия Семеновича Кириллова назначили главным инженером крупного судоремонтного завода в Приволжье перед самым открытием навигации. Случилось это неожиданно для всех и в первую очередь для него самого.

После окончания института Кириллов работал рядовым конструктором на Иловатском заводе, там женился, мало-помалу обзавелся хозяйством, пошла дети. Минувшей осенью построил дом и поэтому из Иловатки уезжать не собирался.

Начальник Главводпути, доведенный до отчаяния ежедневными просьбами Волохина — директора Приволжского завода, оставшегося в разгар сдачи судов из ремонта без главного инженера (прежний уехал в долгосрочную командировку), — велел в отделе кадров главка подобрать нужного человека. Выбор пал на Кириллова, который оказался как раз в главке, куда его вызвали, чтобы утвердить начальником конструкторского бюро в Иловатке.

Приглашенный в кабинет начальника, Валерий Семенович пытался было отказаться, ссылаясь на неопытность, неумение руководить людьми. Начальник главка сухо сказал:

— Вот что, товарищ Кириллов, ты в душе речник или в лес смотришь? Кроме того, есть поговорка, помнишь? «Не знаешь — поможем, не хочешь — заставим».

Валерий Семенович почел за благо согласиться. В тот же день, дав жене телеграмму о том, чтобы забирала детей, упаковывала вещи и ехала в Приволжск, он отбыл из Москвы.

Как все слишком высокие люди, Кириллов стеснялся своего роста, ходил, сутуля широкие плечи, неуклюже подгибая ноги, пряча длинные руки за спину. Временами ему казалось, что и душой он так же неуклюж, как телом, так же неловок. «Размазня, трыпка, — бранил себя Кириллов в поезде. — Не сумел отказаться».

...Прямой, длинной улицей, протянувшейся от самого вокзала до берегов Волги, Кириллов на троллейбусе доехал до гостиницы, оставил чемодан и направился на судоремонтный завод. Маленькая, сухонькая секретарша молча пригласила его в директорский кабинет.

Короткий, тычком жест, каким Волохин протянул руку при знакомстве, не понравился Кириллову. Не понравилась и директорская манера разговаривать, закрывая время от времени глаза.

— Завод у нас хороший, — медленно говорил директор, — а еще лучше люди. С железом дело имеют, оттого и характер у них стальной.

Директор утомленно прикрыл глаза и провел рукой по волосам. Получилось это так, как будто он себя погладил за умные слова. Кириллов усмехнулся, но тут же сосредоточился, приготовившись слушать.

— Сейчас главное — сдача флота. — Директор прищурился. — Этим вам придется заняться в первую очередь. Надо торопиться. С одной стороны — весна, с другой — главк.

Бесшумно открыв дверь, вошла секретарша. Она молча положила на стол синенькую книжечку, на которой серебром было выгиснено «Удостоверение», и вышла, скользнув по Кириллову любопытствующим взглядом.

Директор размашисто расписался на удостоверении, протянул его Кириллову со словами:

— Ну вот вы и в новом качестве... Желаю оправдать доверие.

Слова, которые произносил Волохин, были избитыми, казенными. Он и сам, видимо, понимал это и, чтобы как-то сгладить впечатление, достал из кармана кителя свое удостоверение, заботливо обвернутое в полиэтиленовую пленку.

— Рекомендую и вам обвернуть. У меня вот второй год оно, а как новое... Посмотришь у иных: за месяц затаскают, затрут — стыдно в руки взять, а ведь это удостоверение личности!

Последние слова Волохин произнес с пафосом и снова пригладил аккуратную прическу.

— Так, если вы не возражаете, — заговорил Кириллов, силясь не рассмеяться, — завтра с утра на караван.

— Ну что ж, — Волохин приподнялся из-за стола, протянул руку, — приступайте! Вещи я прикажу перевезти из гостиницы в вашу квартиру. Ключ будет в домоуправлении.

Прошло несколько недель. Давно уже проплыли по Волге последние побуревшие льдины. Ушли из затона — узкого и длинного рукава, отгороженного от реки дамбой, — широкобедные баржи, приземистые буксиры, двухдечные «легкачи», катера, отогрившиеся на апрельском солнце. Только в дальнем конце затона высилась громада землечерпалки «Волжская-26». Ее переводили с угольного на мазутное топливо и поэтому задержали в затоне дольше других.

Сегодня землечерпалку было намечено выпустить из затона. Оставалось лишь проверить, как работают механизмы, а потому багермейстер, которому осточертела стоянка в затоне, не прекращал испытаний ни на минуту. Ковш за ковшом вползал вверх, опрокидывая в темное нутро грунтового колодца многопудовые жидкой грязи.

Скрип, лязг, тонкие пронзительные гудки, которыми багермейстер давал сигналы о пуске ковшов, раздавались над затоном. Было похоже, будто гигантские ножницы кромсают стальной лист.

Звуки эти долетали до распахнутого окна директорского кабинета, где собрались начальники цехов. Волохин оборвал речь на полуслове и, взглянув на главного инженера, страдальчески прикрыл глаза морщинистыми веками.

— Ну, а я что могу? — встрепенулся главный. — Что я могу? Идут испытания.

— Ты меня с ней в гроб загонишь! — слабым голосом произнес директор. — Уведи хоть подальше. Тут из обкома, понимаешь, должны приехать, а она стонет, словно шкуру с нее сдирают.

Главный инженер вышел в приемную и попросил секретаря:

— Караванного капитана, пожалуйста!
Директор приоткрыл глаза и вздохнул: вот, мол, братцы, каково мне, все сам да сам... Что за главный?

— Я узнавал, Борис Сергеевич, он дом-то в Иловатке еще не продал, — кивнув на нептлово прикрывшую дверь, за которой слышался простуженный голос Кириллова, доложил начальник инструментального цеха Черноусов.

— Выходит, гостем себя чувствует, — с полуслова подхватил директор. — И прифасонился, точно в гостях. Вот так-то позаботился о нас главк! Однако мы, кажется, отвлеклись, товарищи...

Кириллов на совещание не вернулся: караванный капитан сказал, что с землечерпалки приезжал багермейстер и просил главного инженера срочно прибыть. На заводском катере главный добрался до землечерпалки, разыскал багера. Капризничала помпа — огромный насос, перегоняющий по трубопроводу пульпу, смесь воды и грунта, поднятую ковшами землечерпалки со дна.

Старый котельщик Григорий Чувиллин, маленький, седоватый, широкий в плечах, сидел на борту землечерпалки, курил длинную самокрутку. Когда-то в молодости он свалился в трюм, сильно ушибся, а потом стал заикаться, не выговаривая звук «к». Он стыдился этого недостатка, а поэтому даже среди обычно малоразговорчивых котельщиков выделялся скупостью на слова.

Позади него на брезентовой робе лежал молодой сварщик Ванюшка Вихров. Они только что кончили заварку лопнувшего клапана грунтового колодца, оба устали, вспотели и нежились в холодке, дожидаясь почти неминуемой при сдаче судна какой-либо неотложной работы.

— В конце концов отдохнуть-то мы можем? — Чувиллин убеждал не столько Вихрова, сколько себя. — Разорвись надвое, скажут, а чего не начетверо? И то с пяти утра торчим здесь.

Ванюшка поморщился на затылок Чувиллина. Там, словно куриное яйцо в гнезде, отблескивала лысина. Ванюшка насмешливо сказал:

— Дядя Гриша, а ты плешиветь начинаешь.

— Годы, — сердито ответил Чувиллин и надел фуражку, ругнув сварщика глазастым чертом.

Повернувшись, Чувиллин заметил в узком проходе между надстройкой и бортом главного инженера.

Валерий Семенович стоял, прислонясь к надстройке. Издали было похоже, что глаза у него закрыты. И хотя Чувиллин знал, что главный инженер честно делит с ними все неудобства затянувшегося ремонта землечерпалки, знал, что не кто-то, а именно главный инженер сразу заметил лопнувшее звено у ковша, но все-таки, сердясь на Ванюшку, по инерции сорвал злость на главного инженера:

— Пригрелся... Вот уж кому лежать работать, кому стоя дремать!

— А ты ведь боишься его, дядя Гриша, — сказал Ванюшка.

— Ну уж, — заерзал Чувиллин, впрямь обеспокоившийся, как бы не услышал главный. — Что мне с ним, детей крестить?

— Кто о ком за глаза плохо говорит, тот того боится. Хочешь, сейчас ему скажу? — И Ванюшка засмеялся, наслаждаясь смятением котельщика.

Услыхав смех, Валерий Семенович обернулся, улыбающийся Чувиллину и Ванюшке. Темно-синий пиджак его с желтыми пуговицами распахнут. Под ним нейлоновая сорочка с растегнутым воротом, на котором чернеют следы от пальцев. Фуражку с белым верхом Валерий Семенович сбил на затылок, обнажив высокий, с залысинами лоб.

Скользнув взглядом по фигуре главного, аккуратный, бережливый Чувиллин успел увидеть в нем человека, не заботящегося о своей внешности, привыкшего с одинаковым небрежением носить выходной пиджак и простенький хлопчатобумажный китель.

Главный инженер полез в карман и вытащил оттуда портсигар и смятый черный галстук. Галстук, в просторечии именуемый «собачьей радостью» — с наглухо завязанным фабричным узлом на резинке и блестящим стеклянным орнаментом, — Валерий Семенович сунул обратно в карман. Щелкнув портсигаром, он развел руками и сказал Чувиллину:

— Угостите.
Чувиллин протянул кист и плотный рулончик бумаги, свернутый из газеты.

— Рационализация, — пошутил Валерий Семенович, разглядывая рулончик.

— А чтобы, значит, не мямлась зря бумажка-то, — пояснил Ванюшка. — Он у нас, дядя Гриша-то, мастер на выдумки... Иной раз сморозит такое. — Он опять закатился хохотом, а Чувиллин беззлобно обругал его:

— Пустобрех!

Мусоля губами шершавый лоскуток самокрутки, Валерий Семенович осторожно присел на коленки — торчащие на палубе чугунные столбики. Коленки были в грязи, Чувиллин сожалеюще закричал и укоризненно проокал:

— Не по работе вы одеты, товарищ инженер.

— Да, действительно, — согласился Кириллов. — Жена заставила. — Он улыбнулся, блеснув металлическими зубами. — День рождения у меня сегодня.

— Праздник, выходит? — понимающе кивнул Чувиллин и, не найдя больше, чего бы сказать, согласился: — Бывает.

Ванюшка смешливо фыркнул, но тут же оборвал смех, сказал:

— Поздравляем. Желаем, значит, и так далее.

Инженер негромко ответил:

— Спасибо. Что-то с помпой не ладится, пойду в машинное. — И, уже стоя одной ногой на трапе, крикнул: — Если дел больше нет, можете на лодке перебраться на берег!

— Нет, — Ванюшка замотал головой, — через час катер подойдет. Пока на лодке добираться да пешком топаешь, столь же время пройдет.

— Ну как хотите, — согласился главный инженер и, угнув голову, исчез за полукруглой дверью машинного отделения.

— А он ничего вроде мужик-то, — произнес Ванюшка, — неуклюжий только с виду... Жена старалась, сорочку выстирала, а он ее за день уделал — в неделю не отмоешь...

Чувиллин покосился на Ванюшку маленькими, острыми глазками из-под мохнатых бровей, сказал не спеша:

— Которые люди вроде бы глазастые, все подмечают, энтих и верхоглядами считаю. — Он с удовольствием затыкнулся. — Покрутят, зевтят своими зенками, все вроде бы заметили, а самого нужного и не увидят.

— Ты, небось, видишь? — обиделся Ванюшка.

— Зеленый ты еще, — съязвил Чувиллин, поправ в самое уязвимое Ванюшкино место (парню шел восемнадцатый год), — это я вижу.

Ванюшка, подперев круглое, с розовой кожей лицо, густо усевшее веснушками, как будто прожженное искрами от сварки, смотрел на Чувиллина снизу вверх. От этого его уморю было видна худая, жилистая шея котельщика, на которой размеренно катался огромный кадык.

— Душа у него неуклюжая, вот что скажи, парень, — неторопливо, словно вслух говоря сам с собой, ронял слова Чувиллин. — Их с директором словно нарочно свели. Нашего-то Волохина к критике приучить все равно, что дите малое к касторке... Заведет глаза, — Чувиллин очень похоже передразнил директора, — как старый воробей, и баста. А этот, чувствую, нет: до всего сам доходит, да и не трус, видать... Неудобный он для директора-то.

Высоко над затоном, над забредшими в воду прибрежными тальниками, над неподвижно застывшей серой громадой землечерпалки толпились облака. Ванюшке, лежащему на палубе вверх лицом, казалось, что это валит дым из трубы землечерпалки и она медленно движется куда-то.

Ванюшка задремал.

Проснулся он от тонкого, визгливого гудка катера, пришедшего за рабочими. За эти полчаса погода изменилась. Солнце закуталось в облака, которые из белых стали серыми. Края их светились нестерпимо ярким светом.

Ванюшка поежился: стало прохладно.

Мерно подрагивала под ногами металлическая палуба землечерпалки. Далеко, на последнем понтоне кольшк — так называют трубопровод, по которому идет пульпа, — из широкого, загнутого кверху зева хлестала коричневая жюка. Ванюшка проворно смотал кабель, сунул в середину бухты ящик с электродами, щиток, полез с землечерпалки на катер. Следом за ним тяжело перевалился Чувиллин, еще несколько котельщиков.

— Слесарей придется оставить, — сказал кто-то на палубе землечерпалки.

Ванюшка узнал в говорившем Черноусова — начальника инструментального цеха. Этот маленький, круглый человек не нравился Ванюшке. Он и сам не понимал, чем не нравится ему Черноусов. Может, потому что ходили на заводе слухи, будто Волохин протащил его в начальники за наупничество. Но ведь мало ли что говорят зря.

Возле высокого Кириллова Черноусов выглядел еще ниже ростом. От этого он злился и норовил быстрее ступить на катер. Очутившись на катере, Черноусов почувствовал себя увереннее.

— Так я доложу Борису Сергеевичу, что с помпой не ладится! — приложив ко рту ладони, крикнул он.

Валерий Семенович нерешительно пожал плечами.

— А может, не стоит? Я здесь останусь, пока не наладим.

— Мы обговорим! — снова крикнул Черноусов.

— Катер пришлите через два часа, — неприязненно попросил Кириллов. — Думаю, к этому времениотрегулируем помпу. Кстати, одолжите папирос, у меня все вышло.

— Ладно, — кивнул Черноусов, протягивая две тоненькие папироски, вынутые из пачки с надписью «Север».

Когда катер отошел от землечерпалки и не стали видны лица людей, оставшихся там, Черноусов, подмигнув Чувиллину, язвительно произнес:

— Ишь, разоделся как именинник, а на курево денег жалеет. Сразу видно — скопидом.

Он вынул из кармана портсигар и широким жестом протянул его Чувиллину. Котельщик деликатно взял толстую папироску. «Беломор» — синенькими буквами вилась на ней надпись.

— Двух сортов носишь, — усмехнулся Чувиллин.

— А как же? «Север» для знакомых, а «Беломор» — друзьям... Главный-то, говорю, гляди, как вырядился, а?

— У него день рождения нынче, — хмуро сказал Чувиллин и положил папироску Черноусову в кармашек.

— Ты что же? — вскинул белесые брови тот. — Брезгуешь?

— Кашель с них мучает, — ответил котельщик.

Отказавшись от папироски и Ванюшка. Раздосадованный Черноусов спустился в кубрик. А Чувиллин, втиснувшись в узкую застекленную рубку, вынул из кармана кист, рулончик бумаги и отдал все это рулевому со строгим наказом передать главному, как только катер вернется к землечерпалке.

Проводив катер, Кириллов спустился в машинное отделение землечерпалки. Черные стрелки манометров, тахометра и других приборов еле заметно шевелились.

«Зря не уехал», — на минуту пожалел себя Валерий Семенович, успокоенный показаниями приборов. Об этом же ему сказал механик, озабоченно копавшийся возле динамо-машины:

— Что же вы, Валерий Семенович, или не доверяете?

— Да нет, просто хочется до конца довести испытание. Давайте-ка на форсированном режиме попробуем, а потом посмотрим.

Механик повернул вентиль, перекрывавший паропровод, который питает помпу. Палуба задрожала сильнее. Машина заработала на полную мощность. Стрелки приборов полезли вверх.

Оба внимательно вслушивались в работу механизмов. Кириллов почти втяв представил себе, как сосун всасывает пульпу, подает ее к лопастям помпы и лопасти непрерывно выдавливают ее, густую, царапающую, как наждак, в трубопровод.

Через сотню метров на концевом понтоне масса воды и грунта с ревом и шумом извергается толстым, в обхват, столбом. Шестьсот кубометров в час, пятнадцать с половиной тысяч в сутки...

От сырой и кислой папироски саднило во рту. Кириллов встал, швырнул окурок в иллюминатор, махнул рукой механику: кончай.

Лопастей помпы, по инерции покрутившись еще немного, остановились.

— Зови слесарей, надо вскрыть, посмотреть, — сказал Кириллов механику. — Если все в порядке, завтра выпустим вас.

Слесари работали спорно: сноровисто отдали гайки, приготовились снимать переднюю щеконину помпы. Кириллов подошел поближе. Механик, взяв в руки лампочку-переноску, приготовился осветить стальное нутро помпы.

Все остальное произошло буквально в какие-то доли минуты. После Кириллов много раз пытался представить себе, как это случилось, но память сохранила лишь одно: ставшее белым лицо механика и его темные, выпученные от испуга глаза.

Вода, оставшаяся в стометровом трубопроводе, хлынула из помпы в машинное отделение: механик забыл перекрыть трубопровод перед разборкой. Кириллов подался вперед, подхватил руками щеконину помпы. Ему почудилось, что затрещал позвоночник, — с такой силой Кириллов уперся в холодную чугунину, но тут же он ощутил, что его ноги в кожаных, почти ненадежных полуботинках скользят по стальному настилу.

«Сейчас рухнет и придавит», — колотилась мысль. И следом другая: — Разве можно удержать такую тяжесть?! Тебя же прихлопнет, дурень!» Но тут его ноги, несуразно длинные ноги нескладного человека и мямли, уперлись в шпангоут. Кириллов изогнулся на манер укосины и отчаянно крикнул:

— Задвижку!

Кто-то из слесарей принялся бешено крутить штурвальчик задвижки. Еще двое бросились к Кириллову и помогли прижать щековину. Последние струйки веером брызнули по поверхности воды, успевшей расцвести радужными пятнами мазута.

И только тут Кириллов почувствовал страх. Стараясь унять противную дрожь в коленях, он шагнул к табурету и опустился на него. Пятдесят тонн воды, которые оставались в трубопроводе, могли бы утопить землечерпалку.

— Включи насос,— устало сказал Валерий Семенович механику.— Если завтра в девять буксир пришьем, не рано будет?

Механик ответил, что в самый раз. Кириллов кивнул и полез в сухопарник, оставляя на палубе мокрые следы.

Кириллов разулся, снял брюки и пиджак. Все было мокрое, тяжелое; он начал выжимать одежду. В кармане пиджака нащупал твердые корочки удостоверения. Чернила расплылись, фотокарточка оторвалась. Валерий Семенович усмехнулся, вспомнив слова Волохина: «Беречь надо».

...Стуча мотором, к землечерпалке подходил заводской катер. Кириллов, успевший к тому времени высушить одежду на жарком асбестовом боку котла, обул сморщившиеся от жары ботинки и спустился на палубу катера. Рулевой, отыскав его, вытащил из кармана клетчатый кисет, сказал:

— Наказывали вам передать, Валерий Семенович.

— Кто? — спросил Кириллов, но, увидев рулончик в кисете, догадался. И только тут почувствовал, как хочется курить.

— И еще караванный велел сказать: звонила ваша супруга. Очень беспокоится.

Валерий Семенович взглянул на часы. Они стояли. Очевидно, в них попала вода.

— Который час?

— Скоро восемь.

— Да, брат,— рассмеялся Кириллов,— влетит мне нынче. Опоздал, понимаешь, на собственный день рождения.

Рулевой вздохнул, посочувствовал:

— Обойдется... Если от мужа ветром пахнет, а не водкой, ругаться не станет.

Через полчаса катер с размаху ткнулся носом в пологий глинистый берег и остановился, покачиваясь на подоспевших сзади волнах. Валерий Семенович легко спрыгнул на землю.

Шагая по Затонской улице, прижатой к реке высокой громадой горы, Кириллов чувствовал себя легко и бодро. Заходящее солнце, светившее ему в спину, бросало на дорогу длинную, нескладную тень.

Через палисадники и заборы свешивались над улицей ветки цветущей сирени. Не удержавшись, Кириллов машинально потянулся рукой за особенно пышной гроздью, сорвал. Усмехнулся, пристыдил себя: как маленький! Хотел было идти дальше, но чей-то голос остановил его:

— Чего же мало рвете?

«Тьфу, черт!» — подсадовал Кириллов, только сейчас разглядев сидящего на скамейке мужчину. Тот подошел к изгороди. Краска смущения залила лицо Кириллова. Это был Чувиллин.

— Чего мало, говорю? — повторил котельщик. — А я вот тут сижу, поджидаю.

— Ах, да, кисет,— спохватился Валерий Семенович.

— А вы рвите, рвите, у вас же праздник сегодня,— сказал Чувиллин.

— Спасибо,— смущенно поблагодарил Кириллов и сорвал еще.

Откуда-то издали донесли переборы гармошки.

— Хорошо играет,— одобрил Чувиллин.— Вон там, на горе,— показал он Кириллову,— усядется над обрывом и наяривает.

— А кто это?

— Вихров. Ну, который с нами давеча на землечерпалке был... Смешки у него все на уме да девки. Сейчас он их подманит, собираться начнут.

— Дело житейское,— ответил Валерий Семенович и посмотрел на гору.

Высоко над красным глинистым обрывом виднелась маленькая черная фигурка, и отсюда лилась простенькая, знакомая с детства мелодия. И Кириллову вдруг показалось, что когда-то уже было все это: и этот многосаженный обрыв, и набухающее синевой предзакатное небо, и мельтешение птичьей стаи, и этот старый котельщик с доверчивым, добрым лицом, показавшийся вдруг давным-давно знакомым и удивительно похожим на кого-то из его родни, которой он обзавелся в Иловатском затоне.

И от этой похожести, от этого ощущения давнего знакомства Кириллов вдруг почувствовал себя никаким вовсе не главным инженером, а просто давним приятелем котельщика, и ему захотелось сказать Чувиллину какие-то необычайно теплые слова. Но он тут же прогнал эту мысль: еще не хватало, понимаешь, прослыть малахольным, чудиком долговязым.

В небе, над обрывом, все гуще и бесполовее вились галки. Они сбились в кучу, гомонили, как бы советуясь, куда лететь на ночлег, наконец уговорились. Выткнувшись длинной дробной лентой, стая полетела за хвосты Зеленого острова, туда, где садилось солнце.

— У последней галки гнездо горит! — раздался отчаянный мальчишеский крик из сиреневой чащобы возле дома.

И тотчас же этот крик подхватили в других дворах. Чувиллин рассмеялся и сказал:

— Вот огольцы чего придумали... Спрашиваю своего: чего зря горло дерешь? Разве птицы понимают? Понимают, говорит...

— Понимают,— подтвердил Кириллов.— Вон, смотрите, две последних как жмут! — И он, не выдержав, расхохотался.— Раз верят, пусть кричат. Они ведь добра желают... Понимают, нельзя от стаи отбиться.

— Вон вы как повернули,— сказал Чувиллин.— Выходит, правда это.— Он, видимо, хотел добавить что-то еще, но умолк, услышав шум автомашины.— Волохин едет,— определил Чувиллин.

Взвизгнув тормозами, «газик» остановился возле палисадника. Приоткрыв дверцу, директор завода критическим взглядом окинул Кириллова, пригласил: — Залезайте, Валерий Семенович! — И, прикрыв глаза, словно ему было невмочь видеть главного инженера в такой мятой одежде, добавил: — Это надо же, как вас утразило! — Директор покосился на Чувиллина и снисходительно обронил: — Даже котельщики в таком виде не рискуют на улице появляться.

С заднего сиденья машины раздался заискивающий голос Черноусова:

— Садитесь, Валерий Семенович! В ногах правды нет, верно ведь?

Кириллов, неуклюже согнувшись, влез в темное нутро газика. Он хотел было закрыть дверцу машины, но Чувиллин протянул ему букет и негромко сказал:

— Как приедете — сразу в воду...

— Поехали,— распорядился директор. Откинувшись на спинку сиденья, он усмехнулся и укорил: — Кажется, кое-кто начинает завоевывать популярность?! Кириллов хмуро промолчал.

Ренат ХАРИС

Русские ворота

От бурь, летящих напролом,
от злого умысла кого-то
уберегут татарский дом
простые русские ворота!

Щеколда, крыша, два столба,
резное солнце посредине.
От них восходит свет добра,
от них исходит ток теплоты.
Для друга — настежь,
чем сродни

безбрежности природы русской.
В беде становятся они,
как у прицела, щелью узкой.
В нее не въехать, не пролезть
ни уговором, ни обманом.
Узнают сразу, кто ты есть:
старинный друг или гость незванный.
Пусть враг, взглянув на них, поймет,
глухую ненависть смиряя,
что в них нельзя войти, ломая,
— резное солнце пришибет!

У каждого народа — свой герой,
бесстрашный, мудрый и великий.
Зачем же так бессмысленно порой
мы сравниваем Муромца с Альпом?²
Нет, не князя — крестьянские сыны
в лихие дни тревоги и печали,
сев на коней, за честь своей страны
свои мечи из ножен вынимали.
Горела степь. Красна была вода.
Звенели стрелы, в грудь входя упруго.
Не их вина, скорее, их беда,
что шли они порою друг на друга.
Не сравнивай! Неважно, кто какой!
Забря батыров обижать не нужно,
иначе могут в ярости слепой
они по камню бросить в нашу дружбу...
У каждого народа — свой герой!
Он всех сильнее, он всех мудрей на свете.
Плечом к плечу стоят Альп с Ильей —
одной земли, одной Отчизны дети!

¹ Ворота с крышей, навесом татары называют русскими воротами.

² Альп — герой татарского фольклора.

Серую мысль я швырну в облака.
Синюю мысль подхватила река.
Черная в землю забила пока.
Белая мысль расцветает.

Серая мысль породила туман,
синяя — вскинула чувства океан,
черная — тихо свернулась в аркан.
Белая мысль расцветает.

Серую мысль растрепал ветерок.
Синяя — в море свой кончила срок.
Черная — сделала мертвый бросок.
Белая мысль расцветает.

Белая мысль — о друзьях...

В смущении он похож на кумач,
в упрямстве — на дикую кручу.
Когда улыбнется — на сдобный калач,
когда помрачнеет — на тучу.
Всегда человек на что-то похож,
с рождения до смертного вздоха:
на дом, на осину, на лето, на нож,
на степь, на страну, на эпоху.
В лице человека — будь свет или тьма,
— сквозь маски его и доспехи,
как в зеркале, видит природа сама
ошибки свои и успехи.

Безумствуй, море!
Бей о скалы строже,
иначе будешь ты на озеро похоже.

Пустыня!
Жги налево и направо,
не то умрет твоя дурная слава.

Шуми, лесок!
Качни сосны верхинку,
не походи на детскую картинку.

Люби, мой друг!
От века и до веку
дано такое счастье человеку!..

Перевел с татарского
Вадим КУЗНЕЦОВ.

Евгения ЯНИЩИЦ

Приди же в край мой тихий —
Здесь предков голоса,
И в белом — аистихи,
И мудрые леса...

Хватает на Полесье
И солнца и воды.
Здесь что ни двор, то песня,
Везде сады, сады.

По травам светлым, гонким
Пойдем мы вдоль реки.
Тут водят песню женки,
Свое поют вальсы.

И будет в песне этой
О счастье и беде,
О том, как скоро лето
Уйдет по той воде.

Приди же в край мой тихий —
Здесь предков голоса,
И в белом — аистихи,
И мудрые леса...

Я не боюсь, что посетит меня
Опустошенность головы и сердца:
Живет во мне зеленая земля —
Она сильнее слабости и смерти.
Звучит во мне глубинная струна —
Правдива и несуетна она.
Мозоли есть на пальцах у меня —
Мозоли от любви к тебе, земля.

Рано встали молодцы
Да к колодцу за водой —
Свет весны у всех на лицах
В той сторонке луговой.

Родины неповторимость,
Этих сел и большаков...
Хоть февраль лютует — зрима,
Зрима в нем весна легко.

И, охвачена смятеньем,
Убегаю вешним днем
В таинство переплетенья
Звуков, красок за селом.

Я думала: приду в зеленый сад —
Безмолвие, деревья в лунном свете,
И я запомню все мгновенья эти,
Пока на дол не выпала роса...

Я думала: в зеленый сад приду,
Перерасту с деревьями невзгоды,
Прикину к древней мудрости природы...
Да загляделись все деревья в воду.

Какой простор охватывает взгляд,
Слова девятым валом набегают...
Пришла я в сад, который облетает...
А думала: приду в зеленый сад...

Перевел с белорусского
Вениамин ЭЛЬКИН.

Красота родной земли

ОЖЕРЕЛЬЕ ПОСЕЙДОНА

Владимир МАТРОСОВ
Фото Альберта ЛЕХМУСА
Специальные корреспонденты «Смены»

Издвеле русские люди-землепроходцы шли «встреч солнцу». Любопытно было узнать, а какие такие земли лежат там, где родится солнце. Ставили остроги у студеного моря Охотского. А дальше? Неужто и впрямь край света?! Что же солнце, так и родится из моря-океана?

Нет, говорили местные тунгусы. И за морем есть земли. И там живут люди. Ладили казаки посудины-кочи «по осьми сажен», сталкивали их на волну, становились мореходами.

Те, кто отваживался плыть с огненной земли—Камчатки, первыми открывали один остров прелестнее другого—Шумшу, Парамушир, Онекотан, Уруп, Итуруп... Так и прошли все 56 островов-жемчужин, образующих в океане своеобразное ожерелье, которое и положили в середине XVII века на алтарь государства Российского. Ожерелье то, по-нынешнему говоря, называется Курилами.

Словно армада кораблей, вытянулась с севера на юг на 1200 километров Большая Курильская гряда. Она постоянно дымит трубами-вулканами, в недрах которых сотрясаются, бурлят

и Ивана Козыревского. На берегу братались казаки с туземными айнами—курильцами, людьми суровыми да крепкими, а по характеру радушными. С тех пор и ступают сюда доброты со всех концов России. От первопроходцев наследовали они не только острова, а и тягу к красе земной, местам незнакомым.

Современные «казаки», правда, странствуют по-иному: теплоходом да самолетом, но так же удалы и восторженны, любознательны и мужественны. Кто в морских форменках, кто в робах с эмблемами студенческих отрядов, кто в нейлоновых куртках—высыпают на палубу, волоча рюкзаки и штативы, ящики, кованные хромированной сталью, этюдники,—смотрят на приближающийся скалистый берег с надеждой и ожиданием.

Каждый из островов Большой Курильской гряды неповторим, каждый имеет свой характер, свое лицо. Наиболее крупный, Парамушир, по-суровому спокоен и холоден. Итуруп, напротив, горяч и грозен. Кунашир щеголевато разодет в роскошные леса, а остров Зеленый довольствуется лишь травами.

ФАНТАСТИЧЕН ЛЕС НА ОСТРОВЕ: ТУТ УЖИВАЮТСЯ КАМЕННАЯ БЕРЕЗА С ТРОПИЧЕСКИМ БАМБУКОМ.

ОСТРОВА ПРИТЯГИВАЮТ К СЕБЕ УЧЕНЫХ РАЗНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ.

невидимые подземные котлы. Вокруг все кипит, клубится туманами—океан неумолимо стремится в многочисленные проливы, сшибаясь со студеными водами Охотского моря. И будто от этого забеспокоится вдруг, завздыхают подводные вулканы, заворачиваются бока мощных глубинных разломов. Тогда всеокрушающие волны вздымают океан ввысь, а вслед за тем с такой же неумолимой силой низвергают его в пропасть—это идет грозный цунами. Стихию его научились предсказывать специальные береговые службы, чуткие приборы которых всегда начеку.

И все же величие океана в этих краях сильнее всего ощущается тогда, когда он спокоен. В дремоте его глубинное, ровное дыхание порождает бесперывное шествие покатых валов. Они идут и идут к затаившимся в сизой дымке островам. Краски еще притушены, еще не опали звезды. Но с каждым вздохом океана становится вокруг светлее, ярче, просторнее. Волны несут на своих пенных плечах мягкие блики солнечной зари. Они, эти блики, играют на

гребне прибоя, подсвечивая прибрежные скалы, и кажется, что солнце встает прямо из морских глубин. Сначала оно обогреет острова, а уж потом понесет свое тепло и на материк.

Курильская гряда как бы прикрывает собой своего старшего брата—остров Сахалин, а заодно и двух меньших братьев—острова Тюлений и Монерон. А вместе все 56 островов составляют единственную в нашей стране островную область—Сахалинскую. Живут в ней и трудятся люди более двадцати национальностей. Они валят лес и разводят скот, обрабатывают землю и ловят рыбу, добывают полезные ископаемые и охраняют государственную границу. Они первыми из советских людей встречают восход солнца и первыми начинают трудовой день страны.

Пассажирский теплоход, соперничая белизной с облаками, степенно сбавляет ход и доброжелательно кланяется берегу. Вот так же, видимо, кланялись островам и казачьи кочи русских землепроходцев Федота Попова и Михайлы Стадухина, Владимира Атласова

ВЕЧНАЯ МОЯ МАТЕРЬ

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

Мать умирала не в палате больницы, пахнувшей тоской. Она лежала на кровати в квартире сына городской. Не в силах пальцем двинуть резко, она смотрела, как питье со льдом готовит ей невестка, хозяйка младшего ее. Напоминаешь терпеливым был полон материнский взгляд. Так в ожидании полива цветы домашние глядят. Струю студеную глотая, в стакане льдинками звеня, слабела мать, заметно тая час от часу, день ото дня. В наплывах жара и остуде, сколь поумерить их ни тысь, в ней, как в надколоте сосуде, на самом дне мерцала жизнь. Кружила голову усталость. От нас, домашних, отстранясь, мать как бы в дрему погружалась, незряче вглядываясь в нас. Ей представлялась пядь земли, где на распаханной аллее над нею яблони цвели, ветвями пышными белея. Пчела звала ее баском, она пчеле не отзывалась, под белым свеем лепестков, как под сугробом, просыпалась. Из детства, взгляд ее омыв, входили к ней виденья эти. И снова к ней клонились мы, ее седеющие дети. И снова мать, как встарь над зыбкой, взорлив из немощи своей, веселья трудного улыбка приободряла нас, детей. Мечтой, заведомо обманной, ей чьялось: сама собой отскочит пуговкою малой в боку пришипленная боль.

Ей хорошо давалась шутка. Могла и перед смертью мать все знать, но доводы рассудка усиьем воли подавлять. Ни слезки малой в дни хворобы. Так из своих былинных дней отцы и деды — хлеборобы себя означивали в ней. И нрав орлиной этой стаи мать нам являла в свой черед. Так лед, до капельки истаяв, себя колодцам отдает. И понимающих значенье прощальных материнских дней порывом самоотреченья светлило души сыновей. Заботой, впрямь неугаимой, их проникалось бытие во имя матери, во имя остатней стойкости ее.

II
Всю жизнь свою не отдыхала. Еще в девичестве своею на ниве жала, красны ткала и обихаживала дом. Всю жизнь трудилась, колотилась. И, замуж выйдя в добрый час, с великими оборотилась заботами на малых нас. Хлебнуть досталось ей до донца всех жгучих горестей земли, покуда мы, ее питомцы, в свой зрелый возраст не вошли. Все, чем с лихою был заполнен мир в эти годы, чем он жил, я сам без матери не помню. А вот войну — не позабыл. От мук, которых горше нету, сходили женщины с ума. Сошла б и мать, когда б не это мое: «Не надо, мама, ма!»
В давяще-мялке небывалой, которую не укротить,

мать с тем и выжила, пожалуй, чтоб только нас не сиротить. Не льнула слабость к ней и снулость. Но вот в глазах всего села, как бы от ветра, покачнулась мать в полдень некий. И слегла. И тут позвал ее, сосватал тот город, славный днесь и впрямь, куда она сынов когда-то и жить отправила и петь.

III
Не шел ни лифт, ни эскалатор к квартире чуть не в облаках, куда с земли больную мать я нес на собственных руках. Сам говорил: «Не плачь, ну что ты? Ты тяжелей знавала груз — о нас, бездельниках, заботы. А я, мол, что, — не надорвусь...» Так шел я с ношей — над веками. Меж тем у мига на краю моя родимая руками клонила голову мою. Я думал: боль томит больную. А сам узнал, смущенный в дым, что плачет мать, меня вплотную узрев — подумаешь! — седым. Вот так, во всем она такая. Я рассмеялся, полон сил. Звучанье буден рассекая, я праздник в гору вознесил. И наша скромная квартира, сколь кубатура ни мала, моделью города и мира сполна и стала и была. С соседями и земляками я поражался день-денской живому матери вниканью во все, что есть в судьбе людской. Меня в пласте моем природном она вернула в прежний чин к вещам, действительно народным — вне всяких дутых величин.

Шикотан встречает всех одинаково. Даже в ненастную погоду он приветлив и ласков. «Шикотан» в переводе с айнского что-то вроде «лучшее место», «счастливая земля». Говорят, название это происходит из следующей народной легенды.

В лазоревой пучине, во владениях бога морей Посейдона жили-поживали 56 дочерей, и все, как одна, красавицы. Но самой прекрасной была Голубая Жемчужина. Обитала она в огромной перламутровой раковине-тереме в окружении дельфинов, медведей и слонов... Любил и лелеял ее отец, берег, из раковины не выпускал, потому как знал: коснись ее луч солнца — беда. Так бы и заскучала красавица в своей раковине, да подарил ей однажды отец гусли янтарные. Тронет, бывало, она струны, и так они зазвучат, запоют, что и океан притихнет. А так как от нечего делать играла Голубая Жемчужина неделями, то и океан прослыл не только Великим, а и Тихим.

Как-то в звуки ее струн влилась незнакомая чудесная песня. Доносилась она сверху, со стороны солнца. И так тревожила и звала, что не смогла Голубая Жемчужина усидеть в своей раковине, вышла и видит: наверху кораблик плывет, покачивается под парусами, а на нем — люди. И пели они грусть-тоску по родной земле, да так складно, что и сама владыка заслушалась. Голубая Жемчужина поднялась, да только и успела крикнуть: «Какое счастье!»

Что случилось дальше, рассказывать нет нужды. Поутру, если миновать на катере бухты Дельфинную и Церковную и попристальнее всмотреться в отвесную крутизну берега, в розовых прядях струящегося тумана непременно «оживет» лик Голубой Жемчужины, удивленный и улыбающийся. Плечи красавицы оплескивают кремевые кружева пены, сама же она под водой.

В сотне-другой метров встанут оглаженные ветрами скалы, причудливые, напоминающие животных. Потому и дали им люди такие названия: Медведь, Кентавр, Слон, пьющий воду, Играющий дельфин. В компании базальтовых исполинов невольно защемят на душе от одиночества, забеспокоит безмолвие остановившейся жизни.

На самом деле жизнь на острове, как и повсюду, в извечном движении. И поколения людей сменяются здесь с незапамятных времен. Историю Шикотана не прочтешь по летописям, архитектурным достопримечательностям, памятникам старины. Их нет. Но на соседнем острове Юрия ученые недавно обнаружили необычный клад: затейливые поделки из керамики, яшмы, агата перемешивались с россыпями блестящих из вулканического стекла — обсидиана, которое могло быть доставлено сюда только с острова Хоккайдо. Обсидиановые блестяки различного достоинства, вполне вероятно, играли у древних жителей Курил роль монет.

Ступившим на землю Шикотана при-

ходит неустанно раздвигать руками густые, как медвежья шерсть, заросли бамбука, чтобы различить тропу, ведущую к мысу Край Света, и почти все время подниматься в гору. От утренней росы свежо и сыро. Завораживают журчание в расселинах речушки. Вода в них быстрая, ледяная. В омутках кружатся листья. Присмотришься — в высвеченной солнцем водной круговерти играет нарядная форель. Любой жучок-паучок для нее приманка. Насадишь его на крючок, и не успеет поплавок приводниться, как сразу тонет: 10—15 минут — и уха. На последнем перевале к Краю Света прихватывает густой, прощенный ветер. С утра до ночи он уложит цветину бамбука, перекручивает ветви каменных берез. А в долине — тихое царство цветов. Ирисы, нарциссы, гвоздики переливаются живой гаммой всех оттенков. Только первая пороша в силах приглушить эти переливы, но не краски. На снегу они еще контрастнее, ярче.

Долину цветов венчает белая в розовато-голубом освещении башня, подпоясанная терраской. В стеклянном куполе дробятся тысячи солнц знаменитого мажика Шпанберга. Ревут, мечутся под ним волны, вылизывая торчащие из воды скалы. Это и есть мыс Край Света. Отсюда стальная отлив океана уходит под самый горизонт. Дальше — ни городов, ни сел. Разве только Гонолулу? Но до него 7 тысяч километров.

Легенду о происхождении Шикотана

придумали. На самом же деле Шикотан, как и другие острова Курильской гряды, рожден из огненного чрева земли. В грохоте извержения потоки раскаленной лавы превратились в утесы. Мысы Край Света, Краб, Непокорный — исковерканные ободы кратеров, которые заполнились водой и образовали бухты — уютные прибежища для кораблей. И если поговорить с моряками и рыбаками, то окажется, что именно за эти бухты называют они свой Шикотан Жемчужиной. А еще благодаря сайре. «Сайра» здесь магическое слово. Оно приводит в движение людей, суда, автоматизированные линии рыбозавода. Во время путины ни одно слово не повторяется на Шикотане так часто.

Во влажной, обволакивающей тьме ночи кружатся, вздрагивают, складываются в гирлянды десятки ослепительно белых и лучисто-красных огней. То там, то здесь вытягиваются и сокращаются, словно шупальца осьминога, прожекторы. Никакая, даже самая сногсшибательная световая реклама, самая красочная иллюминация не может сравниться с ночной феерией, разыгрываемой в путину в морских квадратах Шикотана. Сейнеры мечутся туда-сюда в поисках рыбы. С бортов на шестах к самой воде свешиваются люстры, унизанные лампочками, — сайра идет только на яркий электрический свет.

В высвеченной купоросной воде мельтешит голубовато-жемчужная остроно-

IV
Я вспоминал базарный выезд,
съезд полушалков всех цветов,
когда в Касторном становилось
тесно от дуг и хомутов,
когда наш дом трещал от люда
звездных вестников-гонцов
из деревеньки той, откуда
переселились мать с отцом.
Таинственный и дивноликий,
сидел, громадясь за столом,
народ, на чью судьбу великий
как раз пришелся перелом.
Еще вояку давил на нервы
развороченный сельский быт
и не был ропот самой первой
весны колхозной позабыт.
В пенсне, придавленном к шнурочку,
читаты сыпал книжочей,
и все в одну глядели точку
от книжочевых речей.
В зенит, чуть видимый из окон,
из-за убогого стола
к мирам прекрасным и высоким
мечта работников звала.

V
Еще до первых хрестоматий,
до самых светлых в мире книг,
моя единственная мати
мне огласила все из них.
Стихи, просмишавшись петься,
она читала нам не раз,
как будто собственное детство
свое озвучивала в нас.
В таком касании искусство,
судьбы мелодию творя,
во мне высвечивало чувство,
что это все со мной не зря.
Участья светлая уместность,
творимая как благодать,
во мне проснулась и запелась,
конечно, только через мать.
В ней будни высь не умаляли:
домть корову шла в обед,
а с луга в дом несла на марле
поверх подойника букет.
Казалось, жили неба глуби
по слову матери в веках:
тогда, мол, знают счастье люди,
когда витают в облаках.
За стаяй птиц она любила
свой взгляд вздымать под небеса
и тем волшебю голубила
веселья полные глаза.
Взлетало вверх все то, что пело,
а то, что силилось взлетать
и петь в полете не хотело,
на землю падало опять.
Такой и шла она сквозь годы

по тверди матушки-земли,
хоть все житейские невзгоды
ее сгибали, как могли.
Но лишь рассветного светила
всплывал над миром алый диск:
«Все к лучшему»,—она твердила,
задлый самый оптимист.

VI
И вот, как зорька на закате,
сбираясь в дальние края,
лежит на горестной кровати
отрада светлая моя.
И душу болью защемило
на том высотном этаже,
куда глядит еще светило,
с земли не видное уже.
Взгляд в глубь себя оборотивши,
впервые объявлялась мать
уже не вечной богатырей,
могущей жизни даровать,
а лишь страдальцей, не вдоволь
испившей с ложечки питья,
что без моих была ладоней
сама как малое дитя.
Уже не здешнему чему-то,
что подступало с забытьем,
невнятный задан был и смутный
вопрос ее: «Зачем живем?..»
И в двух минутах от несчастья
уже едва могла она
поднять иссохшие запястья,
морщинистые, как луна.
С утра прощенья попросила,
сказала: «Будет, нажилась...»
Чтоб от забот избавить сына,
с последней волей собралась.
И в сон ушла, в котором сводят
все счеты с шумом вешних трав.
Так с головою в воду входят,
побольше воздуха набрав.
Теперь ничем не потревожит
ее сознание этот свет.
И на вопрос ее, быть может,
уже не надобен ответ?
Какому, мама, пересверку
внимаешь смутной гладью лба,
каким раздумьем снизу вверх
законвертована губа?
Нас в белый свет, как письма, бросив,
ты предоставила сынам—
«Зачем живем?»—вопрос
нести грядущим временам.
Но если вдруг ответ добудем
всей жизнью, верной матерям,
что мы с добытым делать будем,
обратный адрес утеряв?
Ты в детях можешь повториться
улыбкой, голосом твоим.
Но не напрасно говорится,

что человек неповторим.
И мы замены не отыщем
тому, кто умер, в ту же стать.
Так в новый срок над пепелищем
былому дому не восстать.
Как тяжко с матерью прощаться,
спускаться с заступом на дно,
туда, откуда возвращаться
однажды легшим не дано.
И утешенья не прибавят,
хоть в сто метафор разверни,
слова, что утро солнцем явит
ее улыбку из земли...

VII
...Давным-давно в пластах родящих
сокрыла глина, как вода,
сосновый гроб—почтовый ящик
с письмом неведомо куда.
Но прежней службы не меняя,
творит все тот же добрый свет
в сыновней памяти родная
уже и пять и десять лет.
Моя родимая сторонка
живет, не ведая того,
что в Запорожье два орленка
растут у брата моего.
Он им рассказывает были
про мать, про детство, про войну,
и власть ребята полюбили
рассказ про нашу сторону.
Рюкзак купили. Компас спрятан.
Чтоб детству старших подражать,
хотя в Касторном ребята,
как мы к челюскинцам когда-то
или к папанинцам, бежать.
Так необычно обернулись
те годы, чудо сотворя,
что мы в пределах наших улиц
прожили, видимо, не зря.
Уже и внукам-оптимистам
тон задает фамильный ген.
На свете есть цепочка истин,
не признающая измен.
Отцам—деды, а деду—прадед,
а сыну мать дарует высь—
бессмертия этакое ради
мы все на свет и родились.
Пускай не формулой литою,
живя и просто жизнь любя,
мать с величайшей полнотою
сумела выразить себя.
Для нас судьбы, ее заветней,
уже не явит белый свет.
И на вопрос ее последний
она сама дала ответ.

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

сая рыбка. Серебристые пятнышки, словно монетки, то таят в глубине, то всплывают. Бархат океана прошивается золотыми нитями. Белый свет сменяется красным, а от него сайра цепенеет, образуя плотный тяжелый шар. Проворны руки рыбаков в оранжевых куртках. Минута, другая—и шар, поднятый из воды, ртутью переливается в трюм.

Утром под позывные маяка Шпанберга сейнеры швартуются в Крабовой борт к борту, образуя чудо-городок, где площадки—палубы, жилища—каюты. То там, то здесь сквозь хрипоту динамиков прорывается музыка. Уставшие от многотрудной и бессонной ночи парни неторопливо сбрасывают ящики с уловом на лоснящуюся ленту транспортера. В цехах рыбокомбината хлопочут девчата, похожие друг на дружку, потому что все как одна в белых халатах и шапочках. Парням отдых, девчатам—вахта. Надо ли считать, сколько банок консервов выходит из-под их рук? Шикотан подает свои деликатесы на обеденные столы жителей многих городов страны.

В картинах сайровой страды проявляется колорит жизни всего нынешнего населения Курил, прописанного здесь постоянно, но постоянно же прибывающего в экспедиции. Деятельность людей тут определяется особенностями островов, обладающих поистине магнетическим свойством притягивать к себе и романтиков и прагматиков. В чем же заключается этот магнетизм?

Курилы лежат на границе двух глобальных структур—континентов и океана. Слово эскадра кораблей вытянулись они с севера на юг, дымя трубами-вулканами. То и дело вулканы сотрясаются от подземных толчков. Небо, земля, океан—все находится в первоизданном единстве и в извечном противоборстве.

Острова Тихоокеанского побережья—словно лаборатории живой природы, хранители многих тайн. Здесь, на Курилах, что ни шаг—открытие, что ни взгляд—загадка. Чем, скажем, объяснить, что именно в Курильской впадине на глубине почти 9 тысяч метров обнаружены странные нитеобразные существа, неизвестные до сих пор зоологам мира? Или еще: в термальных водах кипящих озер, оказывается, есть бактерии, которые живут при температуре 95 градусов выше нуля. Белки же, составляющие основу жизни, гибнут при более низких температурах!

А откуда взялся сам Великий, или Тихий, океан? Одни ученые утверждают, что глубокую впадину, изначально существовавшую на Земле, постепенно заполнила вода, другие предполагают образование чаши океана более дерзновенно: это, мол, при рождении планеты под воздействием сил Вселенной из Земли выростилась масса, ставшая впоследствии Луной!

Так или, иначе ли, но именно самобытная красота островов, окружающие их на каждом шагу тайны и притягивают

сюда людей разных профессий и интересов.

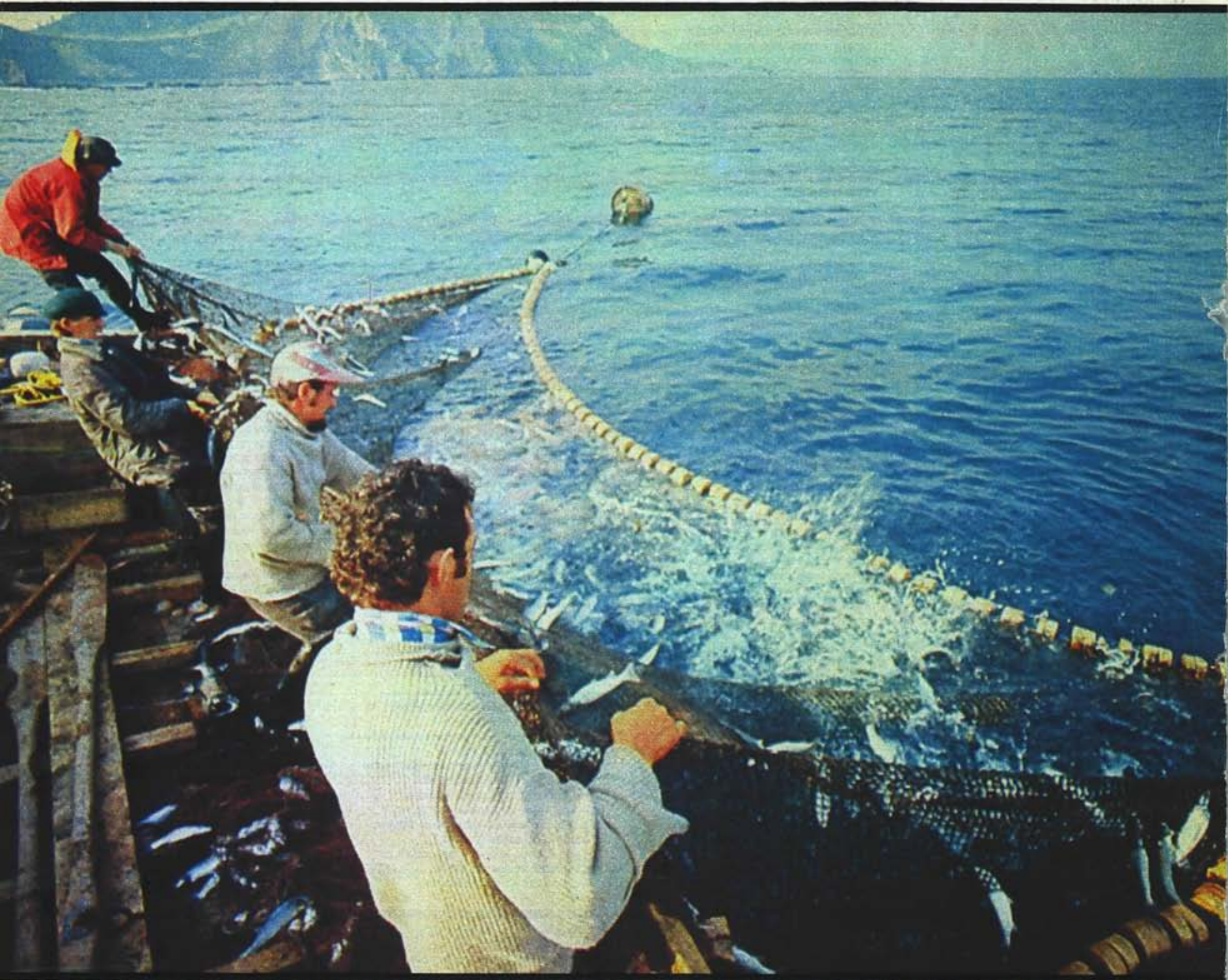
Из самой Москвы, например, занесло на Шикотан молодого живописца Владимира Владыкина. Из года в год прилетает он на остров, где его считают своим, курильчанином. Художников привлекает не только природа, но и люди островного края, его романтическая и героическая история. Часто приезжают на Курилы художники с Сахалина. На выставке в Южно-Сахалинске экспонировалось панно В. Никитина: летящая под парусами «Диана». Тот самый шлюп, на котором ходил от острова к острову Василий Головинин—офицер русского флота, отважный мореплаватель, ученый-энциклопедист, составивший карту Курильских островов.

«Журнал капитана Головинина,—писал И. Ф. Крузенштерн,—по многим отношениям заслуживает внимания департамента. Он содержит особенно любопытные и совсем новые известия касательно географии Курильских островов, касательно народа, населяющего оные... Один только искусный и более нежели в одном морском деле сведущий офицер, как капитан Головинин, мог вести столь подробный и полный журнал во время трудного и опасного плаванья».

А плавание «Дианы» было не просто опасным. Поборов многие штормы, она бросила якорь в южном заливе Кунашира, чтобы пополнить дровами и провиантом. Японцы пригласили капитана в

гости. Моряки прибыли без оружия. Во время отлива, когда их шлюпка оказалась на мели, японцы связали гостей. «От чистого сердца и от желания им добра поехал я к ним в крепость, как друг их, а теперь что они с нами делают? Я менее мучился бы,—вспоминал в своих «Записках» Головинин,—если бы был причиной только моего собственного несчастья, но еще семь человек подчиненных также от меня страдают».

Залив, где стояла «Диана», назвали заливом Измены. Теперь это название, конечно, как-то не вяжется с безмятежной частицей океана, охваченной лесистыми мысами. На берегу—простенькие домишки рыбацкого поселка Головинино, названного так в честь мореплавателя. А за поселком, будто валы океана взметнулись к небу, застыли малахитовой грядой леса. Поднимаясь из долин, они со всех сторон одевают конусы вулканов. Недавно один из них—вулкан Тятя—«рванул». Более 150 лет спал, казалось бы, беспрудным сном. И вот прорвало. Через каждые полторы-две минуты вздымались к небу высоченные фонтаны раскаленных камней, огня и пепла. Дым окутывал все на десятки километров. Черные шлейфы пыли и гари потянулись даже к Шикотану. Жители привулканых поселков Круглово, Докучаево, Уревитово эвакуировались, а на их место, поближе к раскаленным потокам лавы, выдвинулись отряды ученых. Надо было видеть, как встретили вулканологов ошалевшие от грохота и

тряски домашние животные. Они тянули к людям обрадованные морды, просили защиты. Хозяева не смогли их взять с собой—корову или хавроню в люльку мотоцикла не усадишь. Вот и пришлось ученым коров доить и свиней кормить.

А в островной столице Южно-Курильске, двухэтажном городке с горбатыми улочками и бесконечными мостками и лесенками-переходами, жизнь шла своим чередом. Рыбокомбинат продолжал отгружать деликатесы из даров океана, электростанция давала свет, строители возводили новые дома. В те дни мрака и грохота, пожалуй, самой большой неприятностью был пепел, который перекрасил весь остров в черно-серый цвет. Больше всех охали хозяйки, глядя, как пестрое разноцветье лилий, пионов, гвоздик и анютиных глазок становилось однотонно грязным. Когда же Тятя, наконец, утихомирился, первый же тайфун омыл Южно-Курильск. Дома снова посвежели, цветы во дворах стали еще наряднее.

Никто из островитян в страхе перед стихией не покинул Кунашира, напротив, сплотились, гордясь тем, что пережили, пересилили многодневную вулканическую напасть, еще одну встряску. Такова уж жизнь на вулкане. Улицы Южно-Курильска выходят прямо к подножию вулкана Менделеева, из щелей

которого веками клубятся пары, кипят, пузырятся фумаролы. Постоянно внутри него что-то вздрагивает, ворочается, просится наружу. Курильчане думают, как приспособить эту неумную силушку для своего же блага: проектируют геотермальную электростанцию, мощное тепличное хозяйство, мечтают о том, чтобы энергия вулкана отапливала дома, чтобы домашние ванны наполнялись целебной минеральной водой.

С одним из таких мечтателей, Петром Миличкиным, нам приходилось много раз лазить по острову. Он лесник, в свое время служил на Сахалине да так и остался в Южно-Курильском лесхозе. За двадцать лет много троп исходил да и своих проложил немало. Лес Петр любит безумно, бережет его грамотно и потому не терпит любителей побродяжничать по тайге: «Того и гляди, лес подожгут или сами куда-нибудь запропалятся». Он не против того, чтобы люди любовались лесом. Но он «за культурных посетителей». Для них и тропинки подчищает, указатели ставит, беседки. По его инициативе поднимают дендрарий: уже пошли в рост первые новоселки—сосны из Горьковской области. Сопровождая экспедиции или экскурсии, рассказывает, чем отличаются реликтовые диморфант и аралия, которые «в лесу держатся друг друга, как

жених и невеста», обязательно предупредит, чтобы остерегались коварной ипритки—так называют на Кунашире сулах ядовитый, лиану, от прикосновения к которой тело воспаляется.

Быстрый, цепкий взгляд Миличкина то и дело что-то отмечает в лесу. Лицо его помечено глубоким шрамом, по поводу которого он неохотно буркнет: «Машка приласкала». Видимо, шрамом многие интересуются, надоели. Нам он сказал: «Если человек уважительно ведет себя в тайге, его ни один зверь не обидит. А у меня как вышло? Шел по тайге, вижу, медвежонок в траве копошится, махонький, хоть в фуражку клади. Я его и подобрал. И рассмотреть не успел, как на меня медведица двинулась. Ревет. Отдай, мол, дитя! Мне бы сразу его выпустить да бежать, а я остолбенел. Ну, и смазала по физиономии. В лесу зря ничего не трогай!»

Леса на Кунашире красивы необычайно. Породы хвойные, с голубовато-малахитовыми переливами. Такой фон дает им ель Глена. Знатки утверждают, что кунаширской ели Глена цены нет: древесина ее—преотличнейший резонатор. Музыкальное дерево. Да и сам лес наполнен музыкой. Мелодия ее складывается из песнопений пернатых, журчаний источников, грохота водопадов.

Лес всегда загадочен, если даже он исхожен вдоль и поперек. А здесь, на Кунашире, лес еще и фантастичен. Природа тут умудрилась смешать и перепутать север с югом так, что нежная тропическая магнолия вполне уживается с северными жительницами елью и пихтой, суровая каменная береза простирает корявые ветви к «поющему» диморфанту, а детище теплых стран бамбук, несмотря на ледяные ветры и промозглые туманы, набирает четырехпятиметровую высоту. Войдешь в заросли бамбуковой роци, все кругом шеле-

стит, скрипит, и ничего не видно, сплошной зеленый сумрак. Словом, «там чудеса, там леший бродит...».

Попетляешь в бамбуковых куцах и очутишься среди каменных берез, которые цепко схватят за рукава своими перекрученными ветвями. Вдруг на темной хвое увидишь сверкающие звездочки выщепленной гортензии. Еще шаг, и из-за шатра пихты, будто ладони, протянет свои сочные, гляцевитые листья длинной с локоть магнолия — могучее дерево двадцатиметрового роста с серебристым стволем и раскидистыми

ветвями. Ее белые с чуть розовым или желтым оттенком цветы великолепны. Под лучами солнца они горят, как свечи, и источают головокружительно-приторный аромат.

Магнолия — первое на земле цветковое растение. Когда-то магнолиевые леса выходили и за Полярный круг. Зная это, невольно думаешь: может быть, эти деревья на Кунашире вовсе и не тропические, а чудом уцелевшие при отступлении из арктических широт? Как вообще южная флора сохранилась и выжила в этом суровом климате? Почему неприметная на материке медвежья дудка вымахивает здесь такой, что скрывает всадника, а листом белокопытника можно укрыться от дождя, как зонтом? Почему даже поздней осенью до самого снега держатся цветы? На эти и десятки подобных «почему» пытаются ответить ученые самых разных профессий, работающие на островах Курильской гряды. Больше всех здесь бывает в разные времена года геологов.

Вырвавшись из многослойной толщи тумана, их вездеход остановился на перевале. Долина реки Хвойки, тайга, голые вершины гор — все застлано матовыми облаками. Водитель вездехода — крупный, рыжий бородач — выключил мотор и откинулся на спинку сиденья. Его пышная борода теперь не тряслась, перестал дрыгаться на раме переднего стекла и брелок — фигурка белого медведя. Прищурился голубые глаза, водитель цепким взглядом примечал каждую складку на карнизах, уходящих ввысь винтовой лестницей. Наконец, он вздохнул и включил мотор. Вездеход медленно двинулся по краю крутого карниза, а над ним нависали «камешки» объемом с двух-, а то и с трехэтажный дом. Наконец, вся группа благополучно добралась до края кальдеры — так называется жерло потухшего вулкана.

Кальдера похожа на огромный горшок с отбитыми краями. Когда-то в этом горшке бурлило варево, остро приправленное серой. Теперь впечатление такое, будто варево кто-то вычерпал, остатки же серы застыли на стенах. Пепельно-серые выходы породы выглядят свежо, чередуясь с желтыми, оранжевыми подтеками. На дне кальдеры уютятся балки геологов, по краям торчат буровые вышки. Даже здесь люди ищут, точнее, определяют залежи серы.

Если же говорить вообще о полезных ископаемых, то каждый остров в Курильской гряде — своего рода «пирожок» с начинкой. Начинка — промышленно ценные минералы: магнетит, титаномагнетит, содержащий, кроме железа и титана, ванадий. Для геологов Курилы — прекрасный исследовательский

полигон, вместивший полезные ископаемых, своеобразный котел, в котором постоянно бурлят термальные воды.

А вот примечательностью острова Итуруп служит вулкан-исполн Иван Грозный. Уже многие годы он молчит и курит свою извечную трубку. Белое облако над его вершиной сидит мохнатой палахой, а кедровый стланник на склонах напоминает бурку, сброшенную на плечи удалого казака. С вершины Ивана Грозного хорошо просматриваются просторные, с песчаными отмелями бухты. В начале прошлого века в них заходили легендарные корабли «Юнона» и «Авось» под командованием русских офицеров Николая Хвостова и Гавриила Давыдова. Задачу одной из экспедиций Хвостов определил так: «Вторичный поход на Сахалин принесет те пользы, что получим богатый приз и освободим островитян от тирании Японии». Открытые и освоенные русскими людьми, Курильские острова с 1855 по 1945 год находились под чужеземным господством. Высадив десанты на Кунашире и Итурупе, японцы расправились с русскими поселенцами, уничтожили государственные знаки России, стали грабить и притеснять айнов, принявших российское подданство. Когда горстка русских моряков высадилась на Итуруп, чтобы все решить подобру-поздорову, их встретили пулями. Приняв неравный бой, моряки разгромили японский отряд из трехсот солдат и восстановили государственность на острове. То был первый урок захватчикам, первая зарница славы русского оружия на Курилах. Она, эта зарница, не померкла за давностью лет. Она светила и тем советским воинам, которые спустя девяносто лет высаживались в туманных бухтах Курил и шли на штурм японских укреплений, чтобы окончательно вернуть Родине драгоценное ожерелье.

В память об этом на побережье высится, сверкает в лучах солнца, как трехгранный штык, обелиск из стали. На нем надпись: «Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины. Память о вас, вернувших Родине Курильские острова, переживет века». Со всех сторон катит к обелиску свои могучие валы седой океан, как бы склоняя голову перед павшими героями. И корабли, что друг за другом отдают якоря в Курильских бухтах, словно связующее звено между островами и Большой землей, это во многом благодаря им жизнь здесь пульсирует и бьется в едином ритме со всей страной.

ЮНЫЕ ЖИТЕЛИ ПОСЕЛКА ГОЛОВНИНО.

КИПЯЩЕЕ ОЗЕРО У ПОДНОЖИЯ ВУЛКАНА ГОЛОВНИНА.

РЫБАКИ КОЛХОЗА «РОДИНА».

ДАРЫ ОКЕАНА.

САМАЯ КРАСИВАЯ ПОРА НА ОСТРОВЕ — ОСЕНЬ.

Старая истина гласит, что всякий человек отличается от другого и с каждым прожитым днем — от самого себя...

Может быть, она излишне категорична, однако в отношении некоторой, вполне определенной части человечества, безусловно, верна. Речь идет о мальчишках и девчонках, вступивших в тот самый возраст, который недаром называют переходным.

Удивительная и, пожалуй, самая сложная в жизни у каждого пора, когда в характере уживаются несоединимое, когда в настроении, казалось бы, необъяснимая злость соседствует с беспричинным весельем, когда бессердечие в поступках сменяется вдруг щедростью и добром... Вчера он — трусишка и мелкий обманщик, сегодня — храбрец и беззаветный правдолюбец. А каким будет мальчишка завтра? Послезавтра?.. Каким — в будущем?

Размышляя о подростках, мы, как правило, чаще говорим о «трудных» и с большим упорством, бывает, доискиваемся причин, приводящих к моральному падению, нежели к духовному взлету. Но разве это менее важно — заметить, как рождается в юной душе, как проклевывается в сердце то, что в конечном итоге является высокой человеческой сущью!

Взаимоотношение с подростком — тонкая и сложная нравственная проблема. Ей и посвящены размышления, с которыми читатели познакомятся в этом номере.

Пишет вам матрос Балтийского флота Сафонов Сергей.

Пишу вам впервые в жизни, да и не только вам: вообще никогда раньше в журналы не писал. Я решил написать о себе, своих друзьях и подругах, о своем городе.

Родом я из Донбасса, из Ворошиловградской области. На юго-востоке области есть небольшой шахтерский городок. Туда я приехал в 1965 году. Учился в средней школе, окончил 8 классов, и тут передо мной встала проблема выбора: учиться дальше или идти работать?

Решил поступить в Кадиевский техникум, получить профессию горного механика.

Уже учась в техникуме, пристрастился к вину. Через год бросил учебу. Приехал домой. Нужно было чем-то заниматься. В школу не взяли, даже в 8-й класс. Работать нигде не принимали: не было 16 лет. И вот в течение четырех месяцев я всецело был предоставлен самому себе! Нашлись друзья: трое парней, таких же по возрасту, как я. Наступило лето, и я вместе с ними стал завсегдадаем танцплощадки и... одним из зачинателей всех драк и беспорядков. Мы очень хотели чем-то отличаться от своих сверстников. Отпустили волосы до плеч, носили очки «а-ля биттлз», одевались на манер западных «хиппи» и, конечно же, пили. После этого шли на танцы и — не

ПРОЗРЕНИЕ

Владимир АМЛИНСКИЙ

Я не знаю, приходилось ли Сергею Сафонову читать мой роман «Возвращение брата». Скорей всего, нет. Потому что, насколько я понял из его письма, ни сам он, ни его друзья никогда всерьез не интересовались литературой.

А между тем само письмо Сергея как-то властно, жестко вернуло меня к тем переживаниям, которые я испытывал во время работы над своим романом.

Неуправляемая сила юности...

Я столкнул главного героя своего романа Ивана Лаврухина, бывшего преступника, именно с этой неуправляемой силой. Лаврухин потерпел поражение. И в этом я вижу трагедию не только Ивана, но и тех юнцов, которые жестоко расправились с ним, растоптали его мечту жить праведно. Не какие-то матерые преступники, не бывшие друзья, не давние «кореша» расправились с Иваном Лаврухиным, а совсем еще зеленые юнцы, которые так похожи на ребят из письма Сергея...

Да, конечно, письмо это казалось мне интересным. Приплекла искренность автора и то, что он рассказывает о своей компании без желания «приподнять» себя и друзей.

Рассказывает все, как было. «Сладкая жизнь» вечерних компаний, в которых забываются имена, фамилии, в которых главное — желание самоутвердиться, выросшее, к несчастью, на весьма зыбкой почве. Жизнь без книг, без библиотек, без желания прикоснуться к богатствам, накопленным человечеством за многие века, быстротекущее, тусклое существование...

Впрочем, я думаю, что друзья Сергея и их подруги — 16—17-летние девчонки — при всех достаточно банальных издержках поведения (начиная от внешности: очки «а-ля биттлз», грива волос до плеч, одежда на манер западных «хиппи», — хотя какое отношение все это имеет к подлинным «хиппи?»), в сущности, не безнадежно испорченные люди... Но если взглянуть в них пристальней, то увидишь всю никчемность выдуманного ими мира, в котором они живут. Это, в сущности, не мир страстей, очарований или разочарований, а мелкая пьяная суэта, игра «в отношения», подогретая водкой: «Мы пили. После этого шли на танцы и — дай бог нас кто-нибудь заденет — сразу начинали драку». Вот тут-то и могло произойти самое страшное: «милые мальчишки» «а-ля биттлз», с волосами до плеч, районные гуляки и жуиры, любители «сладкой жизни» превращаются вдруг в зверей. Ни за что ни про что способны ударить человека, а то и «измельчить» впятером одного.

Откуда же они берутся, эти «милые мальчишки», о которых с такой прямотой написал Сергей Сафонов?

Я думаю, главный их прародитель — бездуховность, а следствие ее — агрессивность.

Бездуховность — вообще одно из самых страшных зол на земле. Человек, соприкоснувшийся с неисчерпаемой глубиной духовных исканий и открытий, начинает больше ценить отдельную чело-

дай бог нас кто-нибудь заденет — сразу начинали драку.

Нас побаивались. Впрочем, может быть, не нас, юнцов, а наших покровителей — 19—20-летних ребят, которые поощрительно хлопали нас по плечу, когда кто-нибудь из нас выпивал стакан водки залпом, даже не скривившись. С этими «покровителями» однажды встретились мы и в милиции, где они уже давно бывали, а мы лишь становились заведомыми.

Вы спросите: «А куда родители смотрели?» А что нам родители? Домой мы приходили поздно и на вопрос: «Где был?» — отвечали коротко: «На танцах!» И, стараясь не дышать, быстро ложились спать.

Время шло. Мы считали себя уже «асами», «старыми волками», и те, кто слушал раскрыв рот о наших «похождениях», тоже считали нас «опытными людьми». Звали мы их «малолетками». Вместе проводили время: собрались, сложились, выпили, подрались, угодили в милицию, поклялись: «Честное слово, больше не будем».

Познакомился на одной из вечеринок с девушкой, она была старше на год. В то время я уже учился в торговом училище, а она работала продавцом в универсаме. Она нравилась всем моим друзьям — красивая, добрая, веселая, короче, «своя в доску». Нас называли мужем и женой, хотя «мужу» было лишь семнадцать с половиной!

Я мог прийти к ней домой в любое время, переночевать, не сказав ни здравствуй, ни до свидания, мог взять деньги у нее в кассе универмага, как она давно делала сама. Даже мог уйти с другой. Она не упрекала, говорила: «Я не жадная!» Бросил ее, надоела...

И вот наступил один из самых страшных вечеров. В тот день мы получили стипендию. Было нас пятеро.

Мы с другом решили отнести деньги домой, а трое других, взяв со всех по 10 рублей, пошли в магазин. Наверное, спасла меня та девчонка, что отозвала на «пару минут». Я опоздал к магазину. Когда я пришел, приятелей забрала милиция. Оказалось, в драке они выбили глаз мужчине.

Мы тяжело переживали это. Но шло время, о драке постепенно забыли. В нашем окружении появились так называемые «малолетки». Это были совсем молоденькие девушки со «стильными» прическами, модно одетые, а юноши — с волосами до плеч, в углу рта — папироса, в широченных полосатых брюках — «траузерах», в туфлях на платформе.

И вот эти «малолетки» все чаще стали встречаться нам. На танцах — в одном кругу, в кино — в одном ряду. Стали вместе пить, они приходили всей компанией ко мне домой, включали музыку, танцевали, снова пили. Среди этих девчонок — «малолеток» была одна — Ира. Тут уж я думал: все — любовь! Я ее

оберегал ото всего, кроме одного, самого опасного. — нашей жизни! Придя в нашу компанию, она стала пить. Правда, курить не курила, а вот произнести словечко, от которого даже у меня уши краснели, она могла. Остальные были такие же — веселые, как на подбор, красивые, стройные, все пели, любили смеяться и... пили.

Наша компания в этом составе продержалась до моего ухода в армию. Последнее, что сказала мне Ира на прощание, — это: «Служи — я дождусь!»

Я попал служить в Военно-Морской Флот. Очень доволен. Хотя вначале побаивался. Пошли письма — из дома, от друзей. Писала и Ира, но лишь до сентября. В сентябре перестала писать, и, только получив письмо от матери, я узнал, что она встречается с другим. Не дождалась... Ее окружение — мое бывшее окружение! — оказалось сильнее нашей любви.

Но не это известие меня потрясло. Двое моих друзей совершили преступление и попали под следствие. Один из них был осужден на 5 лет!

И вот сейчас я думаю: что будет дальше? Не со мной: я переменялся, и очень сильно! Что будет с ними — с приятелями, которые продолжают вести прежний образ жизни? Кто им поможет? Сумеют ли они сами помочь себе?

Сергей САФОНОВ

веческую жизнь. Ведь гуманизм не теория, а практика, практическое проявление тех качеств, которые принято называть «человеческими», то есть гуманными.

Вспоминаю историю, рассказанную мне в одном украинском городке. История о том, как веселые и бездумные юнцы пристали к пожилому человеку, великолепному механику, которого они встретили на вечерней улице. Пристали к нему: дай на выпивку. Он их убеждать начал: «Зачем вам пить, ребята? Ведь вы совсем еще молодые. Зачем вам?» И тогда они начали бить его. Избили до полусмерти. Но и этого им показалось мало. Рядом кладбище, там вечерами они нередко устраивали попойки меж крестов и памятников. Они потащили его на кладбище, привязали к скамейке и подожгли.

Молодые люди...

Люди?!

Самое страшное в том, что эти юнцы еще не совсем люди по своему возрасту, но они уже не люди по своим поступкам, своей жестокости.

Что это — неуправляемая сила юности?

А ведь она управляется. Управляется изнутри. Либо духовностью, либо бездуховностью. И это одна из самых «горячих» тем наших общих раздумий: забота о духовности молодежи...

И тут мне снова хочется вернуться к письму Сергея Сафонова. В нем есть мотив тревоги, именно тревоги, а не только раскаяния, и это хорошо. Это, может быть, главное, почему мне захотелось ответить на письмо. Мы слишком часто встречаемся с дежурным раскаянием наивного образа: «Я больше не буду». А ведь настоящее, истинное раскаяние дается дорогой ценой. Герой моего романа Иван Лаврухин заплатил за него своей жизнью. Именно в тот момент, когда он познал, кажется, всю полноту счастья, когда познал любовь — а любовь, я глубоко верю в это, одна из счастливейших наград за пробуждение в человеке духовности, — так вот, когда Иван начал, наконец, жить истинно человеческой жизнью, его настигла расплата. Это трагично. Это, может быть, даже жестоко. Но это, видимо, справедливо. Хотя писать мне сейчас об этом совсем нелегко: я полюбил своего героя, полюбил его за тот сложный и мучительный путь, за ту глубокую изнурительную борьбу зла и добра в его душе, за ту искренность раскаяния в самом себе, которые и стали в конце концов его судьбой. Его трагической судьбой.

Расплата настигла моего героя совсем не с той стороны, с какой он мог бы ее ждать: только за то, что он совершенно случайно вступился за невинного человека, юнцы хулиганы разделались с ним, пырнув его несколько раз ножом.

Что ждет этих юнцов? С виду вполне нормальных, похожих на всех своих сверстников? Надеюсь, их все-таки ждет то, чем закончил свою жизнь Лаврухин, — раскаяние. А ведь раскаяние — это когда ты сам, без всякого постороннего принуждения, искренне хочешь поставить крест на том, чем жила раньше. Крест на своей собственной жизни. Пусть прежней жизни. Но жизни твоей. Только твоей.

Разве мала цена у такого раскаяния?

Вот почему мне показалось интересным письмо Сергея Сафонова. Он не только раскаивается сам, он тревожится за других — за своих друзей, за своих подруг: «Что с ними будет?!» Речь идет о мальчишках и девчонках, которые переживают прекрасную пору вступления в жизнь, приобщения ко всем ее ценностям. И я, честно говоря, рад, что один из них — сам автор письма — уже выздоровел. Или выздоравливает.

А что будет с остальными?

Увы, судьба их представляется мне тревожной. Уж так случилось, что не один раз я сталкивался с подобными судьбами. Именно о таких ребятах я написал документальную работу «Мальчишки без девчонок», где постарался исследовать их психологию, манеру говорить, держать себя, попытался разобраться в их отношениях друг к другу, к взрослым, к родным. И должен сразу сказать: дорога от проступка до преступления намного короче, чем дорога от нормальной жизни к преступлению.

Не будем закрывать на правду глаза — судьба Сафонова хранила: избежать участи своих дружок ему помогла армия. Там он встретил настоящих ребят, там ощутил тот высококонтрастный микроклимат, который так необходим любому коллективу.

Давайте внимательнее прочитаем в строки письма Сергея. Ведь удивительное дело: он учился в школе, в техникуме, потом в торговом училище, но в письме ни разу, ни полсловом не обмолвился, какие же там были ребята, какие учителя. Создается впечатление, будто он и не учился там никогда. Откуда же в противном случае быть духовности? Духовность — и я в это глубоко верю! — еще и те особые отношения между людьми, которые возникают в подлинном коллективе, еще и тот особый нравственный микроклимат, который так влияет на формирование человека. В самом деле: быть честным, справедливым, смелым, добрым — разве это не первейшие признаки духовности? Ведь духовность — богатство нравственного мира человека, и где же, как не в коллективе, выкристаллизовывается духовный мир человека, его нравственное кредо, его гуманная суть?

Ни о каком коллективе ни в школе, ни в училище, ни в техникуме Сергей даже не упомянул. И как бы жирной чертой подчеркнул для нас грустные причины бездуховности — как собственной, так и своих друзей.

Все это я пишу для того, чтобы выделить одну мысль. Бездуховность развивается незаметно; понять и ощутить, в чем ее корни, почва, — это наша общая задача. И чем скорей мы разберемся в ее конкретных причинах, тем скорей сможем направить общие усилия на развитие духовности у молодежи...

Я убежден, Сергей Сафонов в армии познает истинную цену коллективизма, товарищества, взаимовыручки, справедливости, честности. Ну, а как быть его друзьям? И как быть нам с ними? Ведь не всякий из них может надолго отключиться от своей среды, которая действует на него пагубно.

Может быть, кому-то это покажется слишком упрощенным, но, по-моему, главное — вести с ними открытый и прямой разговор. Родителям и педагогам, наставникам и комсомолу, мастерам литературы и искусства надо вести с ними постоянный диалог, надо не только осуждать их, «прорабатывать», воспитывать (иной раз такое «воспитание» порождает силу отталкивания), надо их понимать. Поняв, мы поможем им самим понять и ощутить себя, увидеть страшную пустоту и бесперспективность той среды, в которой прожил несколько лет Сергей Сафонов. Только сам человек может определить свой дальнейший путь, никакие советчики, друзья не вычертят ему прямую, по которой идти. Он может опереться на друзей, прислушаться к советам, осмыслить чужой опыт, но пойдет он сам. И самое главное, с кем он пойдет и куда пойдет.

Я не ханжа и не склонен сразу осуждать некоторые юношеские поступки, которые проистекают из желания быть неординарным, ярким, весело проводить время. Есть ведь и нормальное озорство юного возраста. А стало быть, есть как бы «нормальные», естественные для подростков нарушения порядка. Я не верю в паинек и даже, честно говоря, побаиваюсь их. Поэтому я и допускаю эти «нарушения». Это может быть дерзость, даже своеволие, но не подлость. Порой иная юношеская драка — это всего лишь проступок. А вот избиение несколькими одного где-нибудь в темном закоулке — это уже преступление. Это подлость. Главное — не перейти грани...

Друзья Сергея перешли ее. И один из них поплатился за это довольно жестоко: осужден на пять лет. Пять лет лишения свободы! Кроме всего прочего, это говорит и о том, что человек никогда настоящего не задумывался о ценности и невосполнимости человеческого времени. Колония или тюрьма — форма наказания. Но колония — все-таки внешнее наказание. А есть и наказание внутреннее. Оно еще страшнее. Недаром в народе говорят: «Человек казнится». То есть казнит себя сам. Это самое страшное и бескомпромиссное наказание, какое только выпадает на человеческую долю. Вот почему хочется, чтобы друзья Сергея Сафонова и им подобные как бы со стороны взглянули на свою жизнь, ощутили бы вдруг холодок тревоги: «Что же будет дальше?»

Тревога, неясная тревога за будущую жизнь, ощущение того, что все не так, как хотелось бы, как верилось когда-то, когда жизнь только-только начиналась, тревога и сомнение — вот первые сигналы душевного прозрения.

Душевное прозрение... Вот на что я надеюсь, прежде чем для человека возникнет эта страшная возможность — возможность раскаяться в собственных подлостях и преступлениях. И, конечно, я глубоко убежден, что Сергей Сафонов обратился со своим письмом не столько в редакцию журнала, сколько ко всем своим сверстникам, которые так или иначе запутались в жизни. Запутались, может, даже сами не подозревая об этом. А еще точнее — Сергей просто обратился к себе самому, к своей душе, чтобы разобраться в ней до конца честно и мужественно.

Зиновий КОРОГОДСКИЙ,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
профессор,
главный режиссер Ленинградского
театра юных зрителей

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

МАЛЬЧИШКА, УБЕЖДЕННЫЙ В ПРАВОТЕ

Одна из важнейших особенностей Театра юных зрителей состоит в том, что ТЮЗ—это, по сути дела, четыре театра под одной крышей—для младших школьников, для младших и старших подростков и, наконец, для юношества. И у каждого из этих театров свои проблемы, свои нравственные и художественно-эстетические задачи.

В этой статье мне хотелось бы поделиться некоторыми соображениями относительно театра для подростков.

Любопытный эксперимент был проведен недавно лабораторией социологических исследований Института художественного воспитания Академии педагогических наук СССР. Школьники 5—10-х классов разбили на пять групп «по увлечениям» (литература, кино, театр, музыка, изобразительное искусство). В результате исследования выяснилось, что повышенный интерес к театру возникает именно в подростковом возрасте и что «театральная» группа превосходит другие в художественном развитии...

Научно-техническая революция оказала огромное влияние на тех, кому одиннадцать—тринадцать и особенно четырнадцать—шестнадцать лет. Подростки мгновенно освоились—на своем уровне, разумеется,—с ее достижениями. Их уже не удивляет покорение космоса: «Так и должно быть». Телевизор, магнитофон, транзистор стали для них не только привычными, но и необходимыми деталями быта: «А как же без них?» В школе они изучают основы математического анализа, теорию относительности, дома впитывают разнообразнейший поток информации, который излучает телеэкран.

Наши дети стали умнее, образованнее. Но, радуясь этому, мы не должны забывать еще об одной крайне важной стороне воспитания. Я говорю о воспитании чувств.

Наши дети не должны быть лишены радости открытия мира, удивления перед ним, они должны сохранить способность видеть необычное в самом обыкновенном—в восходе и закате солнца, в вечерних сумерках и в утренней росе. Мы, взрослые, обязаны научить наших детей, этих маленьких

«философов» и одновременно «потребителей» современных достижений, проникать в бесконечно сложный мир человеческих отношений, познавать их всем сердцем. И здесь неоценимую роль играет искусство. Его живая, эмоциональная стихия, его красота помогают всем нам постичь нравственный опыт человечества, передовые общественные, эстетические и этические идеи. Но учиться понимать и чувствовать искусство нужно с детства, иначе может случиться так, что человек пройдет мимо мира прекрасного, не восприняв его ни умом, ни сердцем. А эмоциональная глухота и черствость могут со временем превратиться в жизненную позицию: «Моя хата с краю», «Своя рубашка ближе к телу».

...Я люблю наблюдать за ребятами, когда они сидят в зрительном зале. Вот идет спектакль «Весенние перевертыши», и подростки внимательнейшим образом следят за тринадцатилетним парнишкой Дюшкой Тягуновым, с которым произошло странное—ясный, устойчивый мир стал играть с Дюшкой в перевертыши». Он вдруг стал замечать и чувствовать то, что раньше

АРТИСТЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЮЗА ИГОРЬ ОВАДИС, ВЯЧЕСЛАВ ВАВИЛОВ И АЛЕКСАНДР БАХАРЕВСКИЙ В СПЕКТАКЛЕ «НАШ ЦИРК».

СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «ТЯММИ, РОВЕСНИК МАМОНТА» (ПО РАССКАЗУ А. АЗИМОВА).

ПОЧТИ РОВЕСНИКИ.

было скрыто от него, — людское горе и радость, боль и тревогу.

Дюшку возмущает жестокая сила Саньки Ерахи, который безнаказанно «убивает лягух», грозит, что «прольется кровушка». Он хочет понять странного, то есть не похожего на других, Никиту Богатова и с прекрасным максимализмом отрочества доказывает право каждого быть самим собой, а не таким, как все.

Сидящий в зрительном зале подросток всегда на стороне добрых и справедливых героев. И он не просто следит за развитием действия. Он переживает происходящее вместе с героями, его душа жаждет помочь им, защитить, спасти...

В связи с этим мне вспоминаются интересные и довольно примечательные споры, порожденные спектаклем «Тимми, ровесник мамонта» (по рассказу А. Азимова). Это фантастическая история о мальчишке-неандертальце, которого машина времени пе-

ренесла в XXI век. Доктор Хоскинс должен по окончании эксперимента вернуть Тимми в глубь веков. Узнав об этом, мисс Феллоуз, медицинская сестра и воспитательница маленького неандертальца, успевшая крепко полюбить мальчика, не оставляет его и в последний момент решает сопроводить Тимми в прошлое.

Как много говорили нам о том, что детям не нужны такие «переживания», что им это, мол, рано, пусть живут в полной безмятежности. Мы не могли и не можем согласиться с этим, потому что считаем: театр обязан использовать великую силу искусства, которая вызывает в людях подлинное волнение, чувство причастности к тому, что происходит на сцене, рождает в них жажду встать на сторону добра...

В 12—15 лет человек открывает для себя окружающий мир во всем его многообразии и сложности. Добро и зло, любовь и ненависть, правда и справедливость... Подросток хочет постигнуть суть этих понятий, найти ответы на вопросы, которые встают перед ним с первоначальной остротой. Разумеется, ответы будут найдены. Но какие? Продиктованные высокой мерой

нравственности или бездуховные, обывательски пошлые? Это во многом зависит от нас, от тех, кто служит детству и отрочеству. Возвращаясь к разговору о постановке «Тимми, ровесник мамонта», хочу сказать, что время (а спектакль идет уже седьмой год) подтвердило правильность наших поисков. Ребята живо откликнулись на историю Тимми. В театр шли потоки писем. Вот одно из них: «Хелло, мистер Хоскинс! Разрешите представиться: Саша Васильцова, ученица 6 «б» класса школы № 76.

Прошу прощения, доктор, но у меня к вам личные претензии... В вас нет главного: доброты и любви к людям. Как хорошо, что есть такие люди, как мисс Феллоуз, которая ради дружбы и человеческой любви решила вернуться с Тимми в каменный век...»

Тему борьбы с бездуховностью и жестокостью театр развивает в спектакле «Трень-брень» по пьесе Р. Погодина.

Эта на первый взгляд простая история о рыжей девочке оборачивается для зрителей притчей о справедливости. Вот Ольга — так зовут героиню — выходит на сцену, рыжая, рез-

АРТИСТ СЕРГЕЙ МИРОНОВ В ПЬЕСЕ В. ШЕКСПИРА «КОМЕДИЯ ОШИБОК».

ко отличающаяся ото всех, а на нее с криком налетает мальчишка: «Сегодня на рыжих облава!» Ольга не понимает, недоумевает. А мальчишка, убежденный в своей правоте, разъясняет ей: «Если бы все люди были рыжими, никто бы на тебя и внимания не обратил. Стань как все и живи себе преспокойно».

Если в «Весенних перевертышах» Дюшка только начинает осознавать себя как личность, то Ольга в «Трень-брень» понимает, что за право быть личностью надо бороться.

К 16—17-летним, которые стоят на пороге юности, театр обращается спектаклем «В гостях у Донны Анны» А. Кургатникова. «Изменяться, но не изменять» — в этом жизненное кредо Анны Александровны, Донны Анны, как называют свою учительницу ее бывшие воспитанники. По-разному сложатся судьбы вчерашних одноклассников, но уроки нравственности, которые преподала им Анна Александровна, не пройдут, не должны пройти бесследно...

В спектакле «В гостях у Донны Анны» рядом с ведущими актерами А. Шурановой, Н. Ивановым играют студенты постоянно работающего при нашем театре отделения — студии Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии. Такое настоящее творческое общение с опытными мастерами помогает студентам не на словах, а на деле понять основные художественные и педагогические тенденции нашего театра, проникнуться искренним отношением к судьбе юного человека.

В нашем репертуаре немало спектаклей с грифом «Показывает молодежь», которые рождены в студии: «Наш цирк», «Сказки Чуковского», «Открытый урок», «Вей, ветерок!» и другие. Для театра это крайне важные работы, ведь они помогают поддерживать триединство: школа — студия — театр, в котором заложена жизненная сила Театра юных зрителей.

Мы постоянно думаем о том, что может привлечь подростка в театр, чего он ждет от театра, отвечают ли наши спектакли этим ожиданиям.

Мне вспоминается, как после спектакля «Вей, ветерок!» ко мне подошла девочка лет пятнадцати и застенчиво дерзко сказала: «Я хочу научиться любить, как любила Барба. Этому можно научиться?» Я ответил: «Да, да и да!» Потому что действительно верю в то, что театр может научить любить и ненавидеть, может и должен воспитывать в людях доброту и чуткость.

У подростков есть прекрасная особенность: они очень легко ставят себя

на место героев спектакля и переживают их судьбу как свою собственную, со всей силой душевной отдачи. Показателен в этом отношении спектакль-диспут «Думая о нем». Здесь театр вступает в прямой диалог с залом. На сцену из рук в руки передаются записки, в которых благодарность, сомнения, вопросы... Спектакль побуждает к раздумьям о самом главном в жизни: о природе героизма, об истоках мужества, о вечных нравственных ценностях — памяти, долге, Родине.

Наш зритель постоянно изменяется. И мы, работники театра, должны быть очень чутки к этим изменениям, иначе слова, произносимые со сцены, могут не дойти до сердец сидящих в зале ребят. Поэтому мы стараемся использовать самые различные формы общения с подростками, чтобы лучше знать, понимать, чувствовать их проблемы и настроения. У нас в театре есть, так сказать, зрительский «парламент», который самым активным образом участвует в обсуждении творческой жизни ТЮЗа, мы часто встречаемся с ребятами в клубе «Искусство», бываем в школах, рассказываем о театре, о своих поисках, советуемся и, основываясь на мнении наших зрителей, вносим коррективы в свою работу.

Подросток не терпит фальши. И если он увидит несоответствие между принципами, которые проповедует театр, и личностями людей, причастных к театру, в нем может возникнуть скептицизм и неверие в эти самые принципы. Отсюда ясно, какая огромная ответственность лежит на всех работниках театра вообще и на работниках ТЮЗа в особенности. Все мы должны и в жизни быть родственными по духу тем героям, которые со сцены нашего театра утверждают идеалы добра и справедливости.

Подросток хочет чувствовать себя самостоятельным, хочет быть «на равных» со взрослыми, он требует к себе уважения. Он хочет ощущать себя личностью — полноправной частицей человеческого общества, хочет ощущать себя необходимым другим людям. Поэтому, по моему мнению, лучший зрительный зал — это тот, где шести-семиклассники сидят рядом с десятиклассниками и студентами, рядом с родителями и старшими братьями. В таком зале возникают драгоценные эмоциональные связи между людьми самого разного возраста, возникает та прекрасная, истинно театральная атмосфера, в которой и рождается вечно новое чудо театрального искусства.

Записала Эмма АНТОНОВА

ЗИНОВИЙ КОРОГОДСКИЙ И ЮНЫЕ ТЕАТРАЛЫ

Человек среди людей

Георгий ЯКОВЛЕВ

Сын Андрей, которого соседи называли балбесом (по мнению родителей, не иначе как из зависти к его высокому росту и шапке кудрявых льняных волос до плеч), примерял новые джинсы. А Владимир Семенович, его дражайший родитель, сидел на стуле и во все глаза любовался своим чадом. Андрей поворачивался так и эдак, как заправская манекенщица, и все время с его нежно-розового юного лица не сходила скусающая, пренебрежительная улыбка.

Эта улыбка нравилась Владимиру Семеновичу, в ней он видел некий символ пренебрежения к дурацкой, по его мнению, джинсовой моде, коснувшейся не только неоперившихся юнцов, но и взрослых — как женщин, так и мужчин. И он думал, поглядывая на сына, что все же небрежность в одежде таких вот подростков, встречающихся ему на каждом углу, можно объяснить и хорошей скромностью, желанием походить на рабочих парней, выглядеть незаметными в толпе. Тут Владимир Семенович явно грешил в душе. Многие товарищи его сына щеголяли в невероятно ярких рубашках да еще повязывали на шею — пиратам, что ли, подражают? — цветастые платки, и вид у них был какой-то слишком уж самоуверенный и независимый. Но слаб человек, хотелось отцу видеть свое чадо чище, достойнее, скромнее, и потому, преувеличивая мысленно его добродетели, Владимир Семенович испытывал приятное удовлетворение.

Какого-нибудь моралиста-общественника из домоуправления наверняка бы возмутила описанная идилическая сценка. «Чего ж ты, дурак, сенки вылупил, — накинулся бы он на счастливого папашу, — чему способствуешь? Ага, не понимаешь. Да лучше ты его, свиненка, ремнем ниже пояса огладь хорошенько». Ну да на то они и моралисты-общественники...

Семья у них, Коростылевых, совсем малая — жена да он с сыном, сызмальства привыкшим к тому, что отец ему служил и лошадкой в играх, и бабушкой при отходе ко сну — без сказки не засыпал, — и надежным товарищем, у которого теперь приходилось потихоньку стрелять на сигареты и кино.

Андрей, может, и позабыл, да нет, вряд ли позабыл, а вот Владимир Семенович прямо-таки отчетливо помнит, даже гордится до сих пор, как вступил в драку с подгулявшими парнями, попытавшимся сорвать с головы сына новенькую, только что купленную белую в черных пятнах кроличью шапку. Одного из них, крепкого парня лет двадцати в черном полушубке и с красивой бородкой через все лицо, Владимир Семенович саданул в челюсть. Красавчик «мушкетер» кувыркнулся в сугроб, а второго Владимир Семенович схватил за руку, рывком повернул ее за спину и так дожал, что парень завопил дурным голосом: «Ой, дяденька, пусти!.. Ой, не буду!..» Владимир Семенович отпустил руку, и парни сразу же рванулись галопом почему-то в разные стороны. Андрей, комкая шапку в руках и не решаясь надеть ее, смотрел на короткую схватку испуганными глазами. Больше всего удивило тогда Владимира Семеновича: как это вокруг них сразу образовалась некая пустота, хотя ведь все происходило ранним вечером, часов в пять, еще только смеркалось.

Именно это недоумение и послужило поводом для бесконечных рассказов впоследствии о равнодушии прохожих и распоясавшихся подростках. При этих рассказах сын взирал на отца с обожанием, втайне досадуя на себя за проявленное малодушие, от которого он буквально оцепенел. Да, тогда Андрей дал маху, не сумел помочь отцу, а ведь эти подонки могли... И мальчик даже зажмурился от ужаса при мысли о том, что они могли ножом ударить, наточенной велосипедной спицей пырнуть... Это его отца-то, такого заслуженного и необыкновенного человека.

Владимир Семенович работал главным конструктором

ДЖИНСЫ ДЛЯ АНДРЕЮШИ

тором на небольшом заводе, где делали «скобянку» — дверные ручки, шпингалеты, всякие задвижки и замки. Может, и громко должность называлась, но зарплата у «главного» была весьма даже средняя. Так что жили скромно, но с пониманием друг друга. Андрей обожал отца, восторгался им. Владимир Семенович и дома что-то всегда чертил, высчитывал, часто приносил с завода замысловатые пластины, какие-то штыри и пружинки, бережно раскладывал на столе, прикидывал. А Андрей в такие минуты вспоминал вечер, на котором однажды был с мамой, в тесном залеке заводоуправления, а точнее, конторы, куда по такому случаю натащили из отделов стулья. Директор завода похвалил Владимира Семеновича, и мама сидела пунцовая от радости. А директор, увидев их всех, по-доброму сказал:

— Пожелаем, товарищи, маленькому Коростылеву во всем брать пример со старшего, то есть отца. Все захлопали. А когда уже расходились, Владимир Семенович замешкался на миг у Доски почета, где красовалась его фотография. Андрей понял его маленькую уловку — взял отца под руку и тесно прижался к нему, выражая свои чувства этой молчаливой мужской лаской...

Владимир Семенович научил сына играть в шашки, потом в шахматы: ну, играть, может, и сильно сказано — так, передвигать фигуры, поскольку и сам не блистал на этом поприще. Все же научил. А на балконе повесил боксерскую грушу, показывал Андрею удары — прямые и крюки, твердил, что мужчина обязан постоять не только за себя, но и вообще за слабого, за любого, кого обижают. Андрей помнил драку из-за шашки и понимал: отец верит в то, что говорит ему сейчас, сам, не задумываясь, первым бросится, случись такая надобность, и даже боялся этой постоянной готовности отца прийти на помощь кому угодно, втайне оставляя такую привилегию отцовского вмешательства для себя и мамы.

И еще Владимир Семенович был всегда ровен, спокоен, никогда не кричал на Андрея, даже когда тот впервые стер двойку в дневнике, даже когда потихоньку взял из маминной сумки десять рублей на какую-то модную заграничную пластинку. Ну что же, Владимир Семенович воспринимал все эти проявления, не столь уж и безобидные, как нормальные отклонения переломного возраста. Зато ужасно огорчился, обиделся даже — смешно так, по-мальчишески, — когда Андрей неожиданно дыкнул на него табачным перегаром. Но и тогда объяснился с сыном мягко. Правда, мама говорила о влиянии соседа по лестничной клетке — Аркадия, уверяла, что у него же сын подцепил дурацкие словечки «крахмал» и «кутерма», щеголяя ими на каждом шагу. Отца этот жаргон лишь смешил, а что до влияния, то у него была своя точка зрения на всякие влияния вообще: если дома сделана прививка, если родители учат детей не словами, а личным примером, то не страшна улица с ее подъездами, гитарами, разболтанными юнцами, которые, правда, всегда вежливо здоровались с Владимиром Семеновичем, что и его вынуждало быть лояльным.

Если по правде, так и сам он недолюбливал Аркадия, да и его родителя тоже — этого коренастого смоляного бронеца, весельчака, всегда обвешанного фотоаппаратами с какими-то гигантскими объективами. Владимир Семенович хорошо, как и все в их большом дворе, знал, что отец Аркадия значился внештатным фотокорреспондентом городской газеты, а снимал преимущественно детей в яслях и садах, имея на этом невинном бизнесе большие доходы. Об этих доходах можно было судить по яркой одежде его жены, ее дорогим кольцам, «Жигулям» последней модели и разнокалиберным сверткам, ящикам, которые постоянно втаскивали из машины в свою квартиру эти соседи. Но если мама при Андрее заводила разговор о непонятном достатке соседей, Владимир Семенович считал своим долгом мягко поправить ее.

— Самая неблагоприятная задача, — говорил он, — считать чужие деньги и поучать чужих детей.

Андрей и Аркадий учились в разных классах, зато дружили домами — так, во всяком случае, выражалась мать Аркадия, пухлая женщина с копной крашенных волос. Владимиру Семеновичу не нравилось, что сына прямо-таки тянуло в соседнюю квартиру, где его не так уж приветливо встречали, но вмешиваться в личные дела Андрея не хотел: вначале сын должен привыкнуть уважать всех взрослых, без различия, а затем критически осмысливать их поступки и вообще давать оценки. Да и Андрей не раз говорил отцу, как не любят Аркашку в школе и во дворе за хвастовство, развязность, его сытую улыбочку избалованного семейного деспота, которому — он впитал это чуть ли не с пеленок — все дозволено, которому все достанут.

В четырнадцать лет ему подарили «Чезетту» — новенький чешский мопед, мечту всех подростков двора. И он только Андрею давал немного порулить во дворе, да и то изредка. Андрей не обижался, хотя сам готов был отдать другу что угодно из нехитрого своего имущества. И однажды Аркадий забрал у него секретный замок, тот замок, что отец сделал своими руками в подарок сыну, видя в немудреном изделии некий символ смекалки, а не стяжательства. Замок был медный, с цифрами на черном ободке вокруг пузатенького бока и открывался, если Андрей набирал год своего рождения.

— Мы же с тобой одноклассники, — привел Аркадий «неотразимый» довод, — значит, все примут замок за мой, персональный. А я тебе «Чезеттку» дам — погонять на стадионе.

Андрей отдал замок, горестно моргая при виде того, как толстые Аркашкины пальцы жадно и цепко крутили черный ободок с цифрами.

— Когда погоняем? — спросил он, чтобы перебить жалость к утраченному подарку, потому что чувствовал: поступок его нечестный по отношению к отцу.

— погоди, — важно отозвался Аркадий, — сразу заторопился.

Позже, когда отец Аркадия купил «Жигули», Аркадий с важным видом говорил Андрею:

— Как стукнет восемнадцать, заберу у папаша эту колымагу.

...Больше всего огорчило Владимира Семеновича, вызвало даже боль, когда он думал о том, что Андрея вдрог в их дворе стали называть балбесом. «Почему балбесом?» — недоумевал он. — Учится мальчишка неплохо, в кружок авиамоделлистов ходит... Много все-таки несправедливого на свете, — размышлял папа, поглядывая на вымахавшего выше его сына. — По сути, ведь совсем мальчонка еще, разум не по росту».

Сын покрутился перед зеркалом.

— Да, это не штатники делали, — наконец, снисходя к отцу, видимо, ожидающему изъявлений благодарности, сказал он. — Ладно, сойдет.

— Какие штатники? — спросил отец, все же обиженный равнодушием Андрея к подарку: доставать эти импортные джинсы с «молниями» на всех карманах и мустангом на кожаной нащепке пришлось ценой некоторых компромиссов, уговорив жену сослуживца, работающую в центральном универмаге, отложить их ему.

— Ну, американцы, — лениво пояснил сын.

— Чем же они лучше? — поинтересовался Владимир Семенович, скрывая обиду.

— Фирма, — коротко ответил Андрей, опять-таки снисходя к издержкам воспитания родного отца, не понимающего таких простых вещей.

— В твоем возрасте я не знал названия ни одной иностранной фирмы, зато был более воспитан, во всяком случае, говорил спасибо за подарки, — неожиданно раздражаясь, начал Владимир Семенович. — Ты даже не знаешь, с каким трудом я добывал...

— Разве я виноват, что ты ничего не добился в жизни? — спокойно отпарировал сын, все еще не отходя от зеркала.

— То есть как?.. Ты имеешь в виду... — не веря своим ушам, начал было отец, смотря на красивое, бесстрастное лицо самого близкого ему на земле человека, который вот так, походя, наотмашь ударил его сию минуту и спокойно стоит у зеркала, даже не обращая на него внимания. — У тебя повернулся язык обвинить меня...

— Никого я не обвиняю, — отозвался Андрей. — Ты сам всегда учил других, — он подчеркнул слово «других», — трезво оценивать факты. А чего ты добился? Кроме вот этой двухкомнатной квартирки? Вот Аркашка с отцом на «Жигулях» летом в Польшу поедут — это я понимаю. Тоже мне, главный конструктор Туполев.

Владимир Семенович посмотрел вслед выходящему из комнаты сыну, но не окликнул его, даже жестом не попытался задержать. У него было острое ощущение обиды и боли... То, что накапливалось исподволь, в чем боялся признаться самому себе, внезапно отчетливо проявилось: неужели они чужие? Неужели мыслят настолько разными категориями? Все мелкие детали отношений, усиленно регулируемые им прежде, всплыли в сознании.

«Неужели чужие?..»

Владимир Семенович сидел у окна, но даже не видел, что происходит на улице. Он думал уже не о сыне, а об очень обидном эпизоде из своей жизни. Они с матерью — отец погиб на фронте — жили в маленькой комнатухе коммунальной квартиры. Ему приходилось многое делать по дому, потому что мать работала на заводе и очень уставала. Он ходил по магазинам, на рынок, научился готовить картофельные оладьи и очень этим гордился.

В квартире все относились к подростку по-доброму, с пониманием, хвалили. И вот однажды Василий Иванович, пожилой счетный работник, без стука зашел в их комнату — мама уже ушла на работу — и спросил чуть не шепотом: «Зачем ты взял в моем ящике шоколад?» «Какой шоколад?» — тоже шепотом переспросил мальчик, холодея от предчувствия чего-то ужасного, непоправимого, обрушившегося на него неожиданно и тяжело. «Не ожидал», — выразительно сказал Василий Иванович, сокрушенно качнул головой и выпшел. А вечером, когда он рассказывал на кухне о пропаже шоколада, соседка-старушка спросила: «А не шкалат-то вы вчера из ящика в портфель клали?» Василий Иванович ударил себя кулаком по лбу: «Проклятый склероз, обидел мальчонку». Поостыв, успокоился: «Да ничего — все на пользу, честнее вырастет».

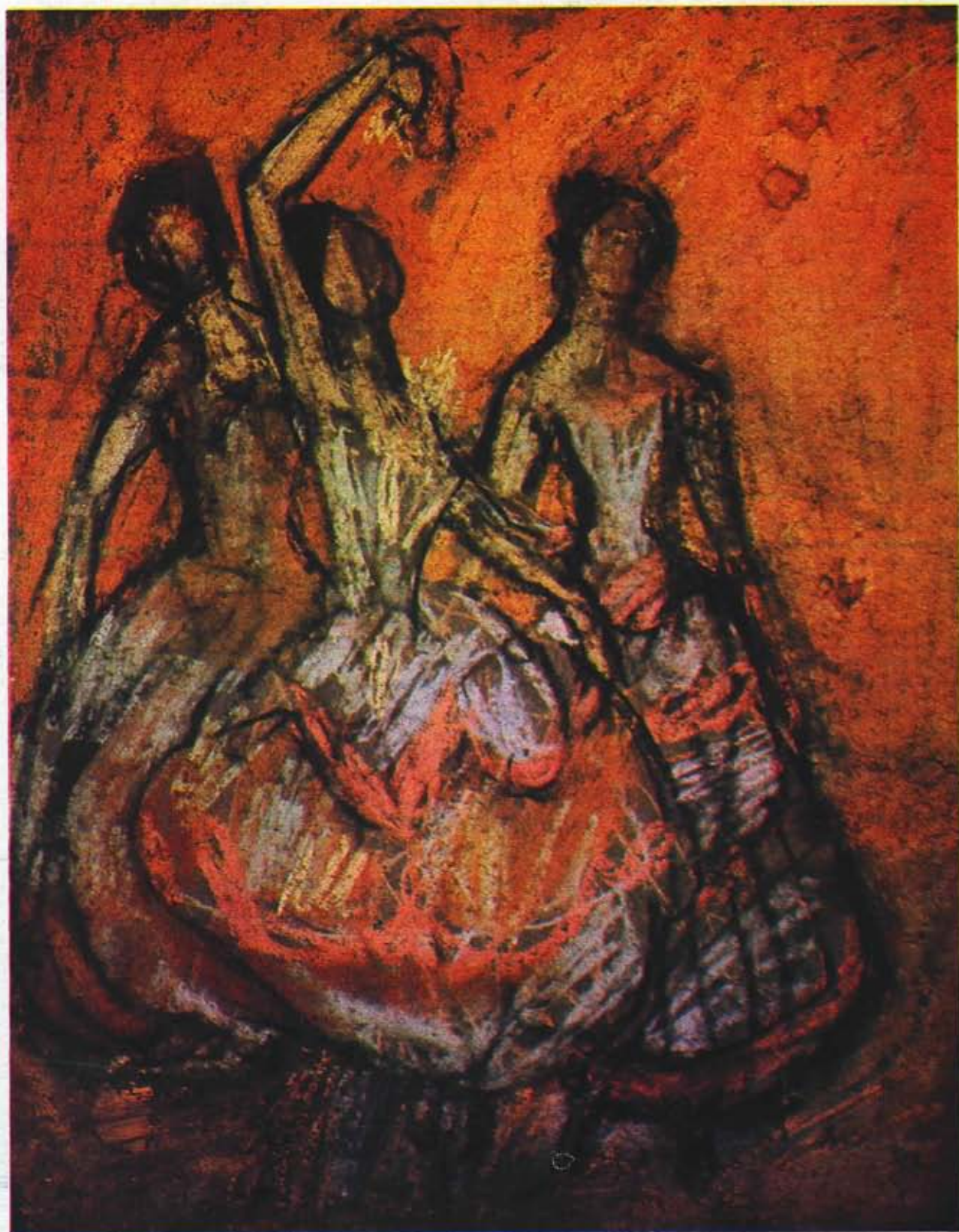
Сколько лет прошло, а помнит Владимир Семенович обиду, не стерлись в памяти детали, словно только вчера его душили слезы, которые он усиленно скрывал от матери. Даже скрипящий голос Василия Ивановича помнит...

Сейчас такое же подступило к горлу. В эту ночь он не мог заснуть. Беспечно глядел на блики фонаря в окне, неплотно закрытом шторой, и все думал — уже не о словах сына, а о своей жизни, вспоминал, как учился заочно в институте, сидя после смены в цехе над чертежами и справочниками, как его назначили конструктором, а затем выдвинули в «главные». И сквозь мелькавшие, надвигавшиеся на него воспоминания не смог припомнить ни одного злого лица: у него, сколько Владимир Семенович ни припоминал, даже недоброжелателей не было на всем белом свете, не то что врагов. Знает ли его сосед со своими деньгами, что такое подлинное уважение к человеку? Владимир Семенович даже приподнялся, подумав о заводе, своем заводе, где он чувствовал себя не меньшим хозяином, чем в этой вот квартире, а может быть, и еще большим.

Он ворочался с боку на бок, перебирал свою жизнь и никак не мог понять, осознать, откуда в сыне столько равнодушной жестокости: «А чего ты добился в жизни? Кроме вот этой двухкомнатной квартирки?»

И тяжесть, навалившаяся на душу, не отпускала...

ВЕТОР ПОДОМИНУ СКОЛЬЗЯЩИИ

Ваходила она обычно под вечер, когда затухает дневное разноголосье и Загорянка, некичливой русской красоты уголок Подмоскovie, погружается в благостную предсумеречную негу. Неслышно пересекала неширокую нашу террасу, неслышно спрашивала, кивнув на телевизор: «Можно посмотреть?» И усаживалась в уголке на диване—не беспокоить бы кого!—и точно исчезала сразу, моментально погружаясь в свой загадочный мир. Сама сосредоточенность, сама отрешенность от всего постороннего. Не повернись—не заметишь, что рядом живая душа.

Глаза ее неотрывно следили за действием на экране, а зажатый в руке карандаш-малышка безостановочно двигался по страницам небольшого альбома. Для нее словно не существовало неинтересных передач: фильм, спортивное состязание, цирковое представление, концерт, даже просто беседа—все служило материалом для работы. Порой создавалось впечатление, что суть происходящего для нее далеко не главное. Неожиданный поворот головы, неизбитый жест, нестандартная поза, необычный ракурс—вот главное. И рука фиксирует его. Останавливает мгновения. И так три-четыре часа кряду—не вставая с места, без усталости, без передышки, почти вслепую. В неверном, мятущемся экранном свете только взмахивают белым крылом—один за другим—альбомные листы. Труженица была редкая.

Противилось перо прошедшему времени,

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РАССКАЗАМ
О. БАЛЬЗАКА И И. БУНИНА.

РИСУНКИ ИЗ ЦИКЛА «БАЛЕТ».

избегало этого короткого, тяжкого—«была», но вот сорвалось слово, и тут уж ничего не поделаешь, ничего не изменишь: нет ее, Ольги Андреевой, юной одаренной художницы, своеобразного, незаурядного человека. Немногим больше двадцати было ей, когда положила она на холст последний мазок—от мольберта, от всего, что любила, что слагало ее жизнь, оторвала вероломная болезнь. Еще одна—которая уж по счету!—несправедливость...

Как нередко бывает с натурами, щедротами природы не обойденными, наклонности Оли выявились рано. Музыка, литература, театр, живопись насыщали—без преувеличения!—каждый ее день и час. Труднее было остановиться на чем-то одном, сделать решительный выбор. Но вот во имя чего выбирать, во имя чего подниматься на сцену или писать картины—это она определила еще подростком. Четырнадцатилетняя Оля записывает в дневнике: «Я хочу прожить жизнь так, чтобы сделать как можно больше хорошего людям». И чуть позже, уже надуывая свою дорожку: «Хочу стать художником и нести прекрасное людям через картины».

Начинается самозабвенное постижение мира искусства. Ольга обращается к истокам русской живописи. Андрей Рублев и Феофан Грек ошеломляют ее. «Фрески Ф. Грека очень трагичны. Вот «Богоматерь»... Насыщенный синий тон, трагическое лицо. Оно притягивает взгляд. От фрески можно не отходить часами и приходит много раз, и каждый раз открывать для себя что-то новое... Когда я гляжу на хорошие картины, особенно на фрески Рублева и Грека, я слышу музыку. Перед фресками меня охватывает такое чувство, будто я лечу».

Вскоре московские музеи перестают быть для Ольги хранилищами чудесных тайн. Третье изучены не только шедевры мировой живописи, но едва ли не каждый из этюдов, принадлежащих кисти классиков. Тонкости мастерства, стилистические особенности различных школ уже не ускользают от пытливого взора девушки. Однажды открывшись ей, искусство стало для нее формой бытия.

И все же долг путь от понимания прекрасного до того счастливого мига, когда она признает в тебе своего творца. Ольга осознает это: «Искусство! За твои объятия я готова отдать все на свете!»

Но искусство не приемлет дани, ему не платят подати. Искусству отдают себя. «Живопись ревнива и требует, чтобы человек принадлежал ей целиком». Эти слова Микеланджело Ольга превращает в жизненное кредо. Она работает истово, самоотверженно. Рисует везде: на людной улице, вызывая удивление прохожих, в вагоне метро, слыша порой протестующие возгласы пассажиров, на выставках, лоя на себе иронические взгляды снобов. Сотни набросков, десятки законченных рисунков... Пробует акварель, темпера, пастель, масло. Интенсивность работы нарастает от месяца к месяцу. Никаким подаркам Оля не радуется так, как краскам, грунтованному картону, кистям...

И вот тут болезнь ставит ей первую подножку. Диагноз неприятный: гипотония. Устойчивое пониженное давление. В дневнике по-

является сокрушенная запись: «Сегодня утром встала очень вялая, трудно было все делать. Я теперь вообще встаю по утрам с тяжелой головой».

Начинается жизнь на лекарствах. Пока они помогают. Помогли и в тот день: «А то бы, наверно, не донесла по жаре тяжелые сумки. Сегодня легко их несла, сумки из рук не грозили выскользнуть».

Иногда же бывает так худо, что из пальцев и карандаш грозит выпасть. А ей сейчас нужны силы, пожалуй, как никогда раньше: почти одновременно закончены обе школы—общеобразовательная и художественная. Впереди... Впрочем, что же впереди? На мечты о продолжении учебы наложен медицинский запрет: никаких перегрузок.

Нельзя учиться в институте? Значит, она будет учиться самостоятельно. Избегать перегрузок? Она устанавливает для себя режим сверхперегрузок. 6 сентября 1970 года Оля пишет: «Я хочу прожить жизнь так, как мне хочется, то есть держа себя в узде и отдавая целиком искусству. И перед смертью я скажу себе: «Я жизнь прожила, как хотелось.—в труде». И на следующий день—с афористической точностью: «Наслаждение жизнью я вижу только в труде». Автору этих строк восемнадцать лет.

Но не с этого возраста начался подвижнический труд. Гораздо раньше. Богатства мировой культуры завораживали Олю. Еще школьницей она полностью прочитала Шекспира, Шиллера, Диккенса, Л. Толстого, Достоевского, Чехова, Бунина, Паустовского. Позднее—Бальзака, Мериме, Мопассана, Гюте, Стендала, Франса. Многих перечитывала—Теккерей, Флобера, С. Цвейга, Роллана, Ремарка, Хемингуэя... Любила драматургию Лопе де Вега и Островского. Пройдет время, и самыми близкими себе писателями она назовет Достоевского и Блока.

И еще две музы всегда владели Олиной душой. Она буквально полилась поэзией и музыкой. Благодаря хорошей домашней библиотеке, начало которой положили еще дед, настольными книгами стали сочинения Петрарки, Данте, Байрона, Бернса, Беранже, Тувима, Неруды, Лорки, Элюара, а из русских поэтов—Баратынского, Батюшкова, Тютчева, Фета, Ахматовой, Цветаевой, Пастернака... И, конечно же, Пушкина, Лермонтова, Есенина, Блока. Множество стихов Оля знала наизусть. И проникновенно читала их—и когда в доме собирались гости и наедине с собой. Художественное чтение вообще занимало ее все время. Дневник сохранил такие признания: «Я превратилась было в сухаря—все размечено по паузам, выражениям, все краду у других. А сама переживаю неискренне. Отсюда нехорошее, правильное, сухое чтение... Читаешь хорошо тогда, когда сознание не участвует; как только подумаешь, как читать, обязательно прочтешь плохо, без души». «Давно не испытывала такого полного слияния с природой, как в воскресенье. Шла на станцию, читала Есенина, Блока, Тувима, Лермонтова. И... была счастлива!»

Счастливой делала Ольгу и музыка. И не внешне проявления тому доказательством. Не в том суть, что часами готова была слушать ее; и не в том, что ходила регулярно на концерты классической музыки—симфо-

нической, фортепьянной, органной; и не в том, конечно же, что собрала богатую коллекцию пластинок с произведениями Баха, Бетховена, Моцарта, Гайдна, Равеля, Сибелиуса, Рахманинова, Чайковского—всех не перечислить; и не в том даже, что по манере исполнения, на слух, узнавала, кто играет или дирижирует. Музыка звучала в ней самой. Рождалась в неведомых глубинах, наполняла все ее существо, выливалась в мир—стихами, рисунками, картинами. Любовью к людям. Добротой. «Я чувствую музыку во всем: в гармонии улыбки, в ритме речи, в движении, в линиях тела... Если бы я была музыкантом, я бы написала музыку к этой пьесе («Сирао де Бержерак»). Я ее слышу. Когда читаю хорошую книгу, я всегда слышу музыку».

Музыкальная искушенность, близкая к профессиональной, не мешала Ольге находиться в постоянном изумлении перед музыкой: «Сегодня слушала «Героическую симфонию». Как будто в первый раз. Музыка Бетховена дарит мне вдохновение. Ничего нет прекраснее «Крейцеровой сонаты» и Третьей симфонии. Или я открыла наконец по-настоящему глаза на музыку? Дверь в искусство приоткрылась передо мной? Сколько трагического (хотя она написана в мажорном ладе) в «Крейцеровой сонате»! Ужас, страх не убил там человеческую душу. И сквозь трагическое все время звучит гордый, выстраданный свет души, радость жизни. Эта соната буквально перевернула мне душу. Теперь убеждаюсь на собственном примере в страшном воздействии искусства».

Вот ведь я—ничего не создам в области музыки, но сколько радости в обладании ею! Огромный запас любви переполняет мне душу».

Тут влору воскликнуть: что же при такой всепоглощающей, возвышенной страсти оставалось на долю живописи, на долю призвания?! Ведь никакому человеку не хватит душевного огня на две равновеликие, пламенные, сжигающие страсти... Разгадка в самой Ольге, в том органическом взаимопроникновении, нерасторжимом единстве, в котором существовали в ней эти два вида искусства. «Музыку невольно воспринимаю как некоторую картину... А у каждой картины есть своя мелодия. Без цвета картина не может существовать, как музыка без звука. Поэтому все эти залитые картины, которые кое-кому так нравятся, не рождают в нас ощущения музыки». «Перефразируя слова Леонардо да Винчи (он сравнивает живопись с поэзией), можно сказать, что живопись—это музыка, которую видят, а музыка—это живопись, которую слышат... Произведение живописи всегда и произведение музыки... Слушая музыку, я учусь живописи».

Подтверждение своим мыслям, точности своих ощущений Ольга неожиданно находит у Шумана. И пленяется математической строгостью и изяществом суждений композитора: «Образованный музыкант может с такой же пользой учиться на рафаэлевской Мадонне, как художник на симфонии Моцарта. Большое того: для скульптора каждый актер становится неподвижной статуей, для последнего же произведения скульптора—ожившие фигуры; для художника стихотворение превращается в картину, музыкант воплощает картину в

звук. Эстетика одного искусства есть эстетика и другого; только материал различен».

Два процесса—познание и созидание—происходили одновременно: постигая прекрасное, Ольга творила его. Ведущее место в ее творчестве заняла графика, прежде всего книжная. Читать мимоходом, ознакомительно Ольга не умела. Прочитано—значит, продумано, прочувствовано. Значит, от этого должен остаться след на бумаге—в виде иллюстрации или записи в дневнике. Вот серия рисунков к «Бедным людям» и «Запискам из мертвого дома» Достоевского... Вот изложенные на нескольких страницах и исполненные юношеского максимализма размышления о «Преступлении и наказании» («...тихий, умиротворенный конец романа мне кажется надуманным. Я люблю не этого «святого» Раскольникова, а Раскольникова-человека, со всеми его ошибками... Унизил его Достоевский этим концом. Он сильный и гордый человек был. Поэтому конца я не хочу замечать, не существует он для меня»)... Вот иллюстрации к «Отцу Горию», «Евгению Гранде», «Утраченным иллюзиям» Бальзака... Вот впечатления от только что перечитанного «Гамлета» («Я полна этой трагедией. В голове теснятся видения, образы, призраки... Тяжелая, удущающая атмосфера той эпохи. Все страсти обнажены, грубы...»)... И снова рисунки—к «Человеку, который смеется» Гюго, к «Жану Кристофу» Роллана, к «Тиглам женщин» Сен-Симона... И снова дневниковая запись—теперь о Юлиане Тувиме («У Тувима каждое слово отливает какой-то удивительной красотой. Как будто ты вошла в сад и вдруг вздрогнула в чудесном удивлении: перед тобой все снежное, летят лепестки вишни, на траве блестит роса. И тебе хочется засмеяться от радости...»)... И опять иллюстрации—к Стендалю, Франсу, Мельникову-Печерскому, Чехову...

Рука художницы действует все увереннее: крепнет рисунок, и вместе с тем строже становится композиция, каждая линия приобретает упругость... Овладев техникой графики, Ольга получает возможность решать сложные эстетические задачи. Покорное следование за автором, слепое воспроизведение в рисунке описанного им—не для нее. Она стремится запечатлеть свои собственные ощущения и переживания. Нередко прибегая при этом к гротеску. Особенно часто пользовалась она этим приемом при создании типажей. И пусть результаты не всегда бесспорны, зато отношение к персонажам того или иного сочинения выражено у нее всегда недвусмысленно.

Интенсивный поиск своего стиля вела Оля и в живописи. Поначалу многое перепробовала, испытала воздействие не одного мастера. Особенно сильным и благотворным оказалось влияние Лотрека, Матисса, Пикассо... Но постепенно стала формироваться собственная живописная манера. Приглушенный, некрикливый колорит ее работ как бы подчеркивает серьезность намерений автора: он не гонится за броскостью, рассчитанной на непритязательный вкус, ему важнее затронуть глубинные чувства зрителя. А достичь этого можно только ценой изнурительного труда. «Я, когда рисую, добиваюсь, чтобы картина звучала, чтобы я слышала определенную музыку, то нежную и робкую, то трагическую... Сколько мучений доставляет создание хорошей картины! Долгое время ничего не получается. Дело доходит до того, что готова встать на колени—лишь бы получилось. И даже если потом все идет отлично, радуешься со страхом, робко думаешь: неужели на этот раз получилось? А за следующую картину опять принимаясь с ужасом, знаешь—будут те же мучения. И все-таки жить без искусства не можешь... Труд в искусстве самое прекрасное, хоть и горькое дело».

Эти горькие стороны избранного дела Ольга познала в полной мере. Подчас ее охватывали приступы абсолютного неверия в свои силы, она казнила себя за бездарные, как ей казалось, работы, страдая, говорила: «Мне бы хоть чуточку таланта...» Вот так и прошла все круги ада, которых обычно не минуют истинно одаренные люди.

Где-то на исходе 1969 года произошел примечательный факт. Внимание девушки, едва принявшей поздравления в связи со своим совершеннолетием, привлекает такая мысль Стендала: «Дело не в том, чтобы научиться рисовать, а чтобы научиться мыслить». Ни на секунду не усомнившись в

Продолжение на IV обл.

ПРАВО НА КОНФЛИКТ

Уроки жизни

Евгений ЛОВЧЕВ,
мастер спорта
международного класса,
капитан футбольной команды
«Спартак»

Александр ГОМЕЛЬСКИЙ,
заслуженный тренер СССР,
кандидат педагогических наук,
старший тренер
баскетбольной команды ЦСКА и
сборной СССР

Е. ЛОВЧЕВ. Несколько десятилетий назад, насколько я знаю историю спорта, появились в спортивных командах тренеры. Сегодня трудно, пожалуй, невозможно найти серьезный коллектив спортсменов, где бы не было тренера.

Спортивные педагоги, спортивные наставники—наши старшие товарищи, наши учителя, и я не представляю себе, как, каким образом могла бы преуспевать футбольная, хоккейная или баскетбольная команда, если бы во главе ее не стоял квалифицированный, многоопытный наставник. Специалист, обладающий педагогическими навыками.

А. ГОМЕЛЬСКИЙ. Преуспевать? А если команду преследуют неудачи, если она чаще проигрывает, чем одерживает победы? Неужели можно судить о работе тренера только по набранным его командой очкам? Конечно, победы, успехи спортсменов, с которыми работает спортивный педагог, в определенной, более того, если хотите—в решающей мере свидетельствуют о квалификации тренера. Но, право же, не только очками и секундами жив спорт. А если тренер воспитал парня талантливого, думающего, честного, настоящего гражданина, парня, добившегося больших успехов в спорте и, однако, уступившего в жестокой, напряженной борьбе спортсмену более одаренному? Неужели он не заслуживает поддержки за свою работу? Я, поймите меня правильно, не прошу делать мне какие-то скидки—и ЦСКА, и рижский СКА, и сборная страны, с которыми я работал или работаю, значительно чаще побеждали, нежели проигрывали.

Е. ЛОВЧЕВ. Тренер—это, конечно же, прежде всего педагог, учитель. Однако тренеру в определенном смысле труднее, чем учителю. Могут одинаково хорошо работать преподаватели физики и географии, английского и математики. Классные руководители 9 «А» и 9 «Б». Успехи одного не исключают успехи другого. А в спорте иначе. Выиграл ЦСКА, значит, проиграл «Спартак». Выиграл «Спартак»—печалится тренер «Динамо». Кто-то становится чемпионом, кто-то размещается в середине турнирной таблицы, а кто-то—увы!—пропадает с высшей лигой, как случилось это с нашей футбольной командой.

А. ГОМЕЛЬСКИЙ. И кого вы вините в этом? Успех или неудача—результат работы всего коллектива. И спортсменов и тренера. Не люблю тех тренеров, которые в случае удаче его команды все заслуги относят на свой счет. А в случае поражения сваливают вину на спортсменов. Хотелось бы, чтобы в тех и других случаях все делилось поровну. Один известный тренер утверждает: «В победе славы хватает на всех».

Е. ЛОВЧЕВ. Согласен. Никогда не поддерживаю тех спортсменов, которые, со своей стороны—в пику тренеру,—причины поражения видят только в просчетах своего наставника. Я полагаю, что в прошлой годней неудаче «Спартак» виноваты и футболисты и тренеры.

А. ГОМЕЛЬСКИЙ. Нравственные аспекты этой темы—тренер и ученик—многообразны и практически неисчерпаемы. Как неисчерпаемы и неповторимы отношения, весь нравственный климат, складывающийся в любом большом и динамичном коллективе. Не только в спортивном, но и в производственном, творческом, научном.

Когда мы говорим о спорте, нужна только одна поправка—здесь чрезвычайно велика роль соревнования. Постоянного соревнования.

Бытует поговорка: «Тренер сдается последним». Она точно отражает психологическую роль спортивного педагога в команде. Игроки легко улавливают настроение тренера, его веру в победу или его пессимизм. Малейшая фальшь моментально замечается спортсменами, тут же отражается на их душевном состоянии, на готовности к борьбе.

Психологическую устойчивость команды, спортсменов создает тренер, и это одна из его главных обязанностей. А в современном спорте именно от этого качества—умения воспитывать волевого, сильного духом спортсмена—чаще всего и зависит исход состязаний.

Вы, Женя, конечно, знаете, что во многих командах в разных странах мира появилась новая должность—психолог.

Е. ЛОВЧЕВ. Слышал об этом.

А. ГОМЕЛЬСКИЙ. Думаю, к сожалению, что многие из нас должны повторить это слово—«слышал». Боюсь, что, по существу, о работе психолога, о его месте в коллективе спортсменов мы знаем слишком мало. По крайней мере у меня из того, что я читал, создалось впечатление, что должность эта появилась потому, что некоторым тренерам нужен человек, на плечи которого они могли бы взвалить тяжелую ношу волевой подготовки команды. Мне же кажется, что именно тренер, лучше всех знающий своих учеников, работающий с ними изо дня в день, и призван решать вопросы психологической подготовки. Воспитать у игроков силу воли, умение добиваться победы, научить своих подопечных преодолевать трудности тренировок и соревнований—вот, на мой взгляд, одна из основных задач тренера, решающего проблему создания первоклассной команды, которой по силам борьба за самые высокие титулы в баскетболе, хоккее или футболе. Для этого, разумеется, тренеру необходимы безупречное знание дела, педагогическое мастерство, интеллект и т. д.

Е. ЛОВЧЕВ. При нынешнем состоянии дел в спорте на передний план действительно выходит психологическая подготовка. Именно от умения тренера настроить спортсменов на игру зависит очень многое. Я бы даже предпочел тренера-психолога, то есть человека, умеющего понять душу, мысли спортсмена, тренеру-тактику. Я знаю одного специалиста, который блестяще разбирается в футболе. Он возглавлял и сборную страны. Этот тренер может прекрасно провести тренировку, правильно тактически построить игру, но из-за того, что он плохой психолог, руководимые им команды так и не добились значительных успехов. Для него в порядке вещей оскорбить спортсмена в перерыве между таймами, то есть в минуты, когда нервы особенно напряжены. С нами он просто не считался. Когда же команда побеждала, он говорил: «Еще бы вам не выиграть—я же все объяснил на тренировке».

А. ГОМЕЛЬСКИЙ. Каждая серьезная победа—это и результат усилий тренера, результат и его труда. Но наши замыслы, даже самые блестящие, так и останутся замыслами, если их на практике не реализуют спортсмены-мастера, собранные в команду и подготовленные к соревнованиям тобой, тренером.

Тренер должен воспитать в себе душевную стойкость, он не имеет права раскисать при поражениях, не имеет права искать причины неудач на стороне. Он обязан уметь разбирать по косточкам, проанализировать каждый свой шаг, каждое свое слово, каждую ошибку.

Е. ЛОВЧЕВ. Вы перечислили качества, необходимые тре-

неру. Не могу удержаться от искушения добавить некоторые свои соображения на этот счет. Тренер должен прежде всего очень тонко разбираться в своем виде спорта. Это естественно. Но тренер, по моим представлениям, должен обладать и такими качествами, как отзывчивость, умение заинтересованно выслушать собеседника (иногда так важно излить кому-то душу). Едва ли тренер добьется успеха, если не будет верить игрокам и учитывать особенности каждого из них.

А. ГОМЕЛЬСКИЙ. У вас есть, оказывается, готовая программа работы в роли тренера. Ну, а теперь не откажите и мне в праве высказать кое-какие пожелания игрокам. Поскольку мы с вами представляем разные виды спорта, то у читателя не возникнет подозрение, что происходит некий обмен взаимными претензиями.

Я бы хотел видеть в своей команде спортсменов умных, творческих, смелых. Верных интересам дела, интересам коллектива. Спортсменов дисциплинированных—во всех отношениях. И на спортивной площадке и за ее пределами, так сказать, в быту. Игровая дисциплина, вдохновляемая творческим истолкованием тактики, выбранной на матч,—вот мой идеал, который я противопоставляю анархии, царящей порой на баскетбольной площадке или на футбольном поле.

И, конечно, спортсмена должно отличать трудолюбие, постоянное стремление к совершенствованию мастерства. Как-то услышал после тренировки: «Да он же деспот!» Это обо мне. Ох, как обидно стало! Я старался, думал, искал новые упражнения—и вот реакция. Не хотят понять, что им, спортсменам, нужны эти трудные упражнения и солидные нагрузки на тренировках.

Е. ЛОВЧЕВ. Я знаю, что тренеру нелегко. Но я убежден, что если тренер будет все горести и радости делить с игроками поровну, то конфликтов в команде можно избежать.

А. ГОМЕЛЬСКИЙ. А зачем? Я за конфликты. Считаю, что в команде они просто необходимы. Тренер не должен их бояться. Разумеется, говоря о конфликтах, я не имею в виду склоки и дрязги в команде, я подразумеваю открытый разговор о недостатках. В спорах, как известно, рождается истина. Главное—умение тренера использовать эти конфликты в интересах дела. Сами же конфликты в команде неизбежны. Вот самый простой пример. Два игрока борются за место в основном составе. Каждый старается доказать, что он сильнее. Конфликт выливается в острую конкуренцию, а от этого команда выигрывает.

Я убежден, что такие вот (я назвал бы их конструктивными) конфликты способствуют успешному выступлению коллектива. Я работал в рижском СКА. Тогда в этой команде играл Янис Круминьш, большой мастер, очень много сделавший для развития советского баскетбола. Он был всегда спокоен и добродушен. А в нашей игре, на мой взгляд, спортивная злость просто необходима. Поэтому я тогда умышленно шел на конфликт с Круминьшем. Попытался даже подчас обидеть Яниса, чтобы только расшевелить его. Но если это удавалось, то и я и вся команда были довольны: «Ну, Ян сегодня должен показать настоящую игру».

Он долго на меня обижался, пока не узнал причину всех наших ссор. Теперь мы с ним большие друзья.

Е. ЛОВЧЕВ. Далеко не бесспорная идея. Круминьш играл после конфликтов с вами лучше. Но другой спортсмен, оказавшись он на месте знаменитого баскетболиста, мог бы

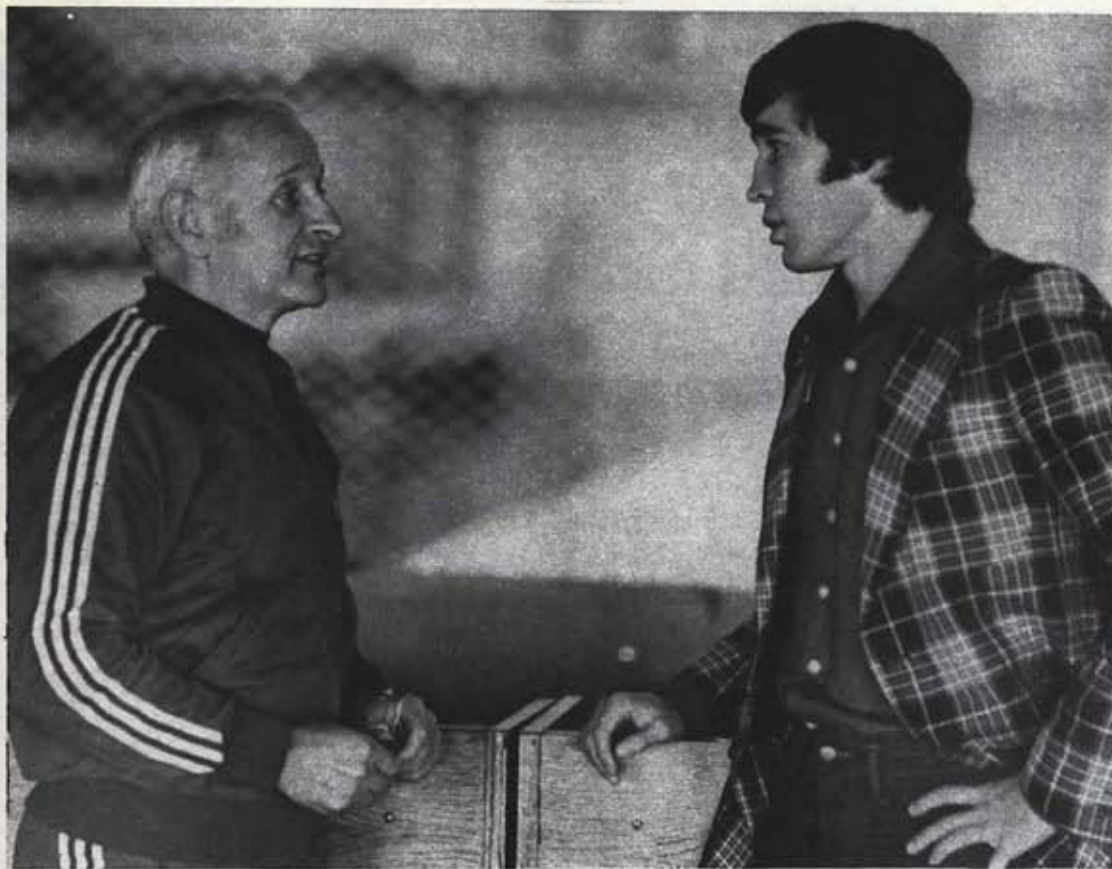

фото Юрия СОКОЛОВА

повести себя иначе. Обычно обиженный человек не стремится выкладываться, полностью отдавать свои силы команде, где его обижают.

А. ГОМЕЛЬСКИЙ. Я ведь хорошо знал Яниса. Знал, что он относится к числу тех спортсменов, которые могут загореться только после того, как тренер накричит на них, а еще лучше (не улыбайтесь!)—если обидит. Прекрасно понимаю, что у других, а таких большинство, после обиды руки опускаются и они уже ни на что не способны. Но ведь к каждому игроку должен быть свой подход. Таким вы видите тренера?

Е. ЛОВЧЕВ. Да.

А. ГОМЕЛЬСКИЙ. Более того, тренер, считаю я, порой может вызвать в команде искусственный конфликт, чтобы создать здоровую и острую конкуренцию.

Помню, в сборной СССР, которую мне недавно снова поручили возглавить, было некогда две пары защитников и два звена нападения. В одном—Як Липсо, Владимир Андреев и Модестас Паулаускас, а во втором—Геннадий Вольнов, Анатолий Поливода и Прийт Томсон. Эти звенья и на тренировке и в игре пытались всячески доказать друг другу свое превосходство. Они всегда были недовольны, если тренеры давали одному звену играть дольше, чем другому. Поэтому во всех матчах звенья стартовали по очереди, и никто не мог определить, какое же звено основное.

Такая конкуренция—дело хорошее. Но редко она бывает бесконфликтной. Помню, ребята на тренировках играли друг против друга очень жестко. И во время матча и после поединка игроки этих звеньев вели иногда нелицеприятную полемику. Но тем не менее такая конкуренция способствовала улучшению тренировочного процесса и, на мой взгляд, помогла тогда выиграть первенство мира.

Но не всегда я оказывался прав. Например, сейчас бы я не стал выводить из команды такого спортсмена, каким был Юрий Корнеев. А тогда я это сделал. Мне казалось, что этим я повышу свой тренерский авторитет...

Корнеев, безусловно, был одним из талантливейших наших баскетболистов, но отличался очень трудным, несдержанным характером. Когда в 1965 году сборная страны готовилась к турне по США, Корнеев был в хорошей спортивной форме, но по-прежнему вел себя своенравно. Он мог спорить с наставниками, постоянно выдвигать свои доводы, которые в большинстве случаев шли вразрез с моими указаниями.

В подобных ситуациях тренер, теперь я уверен, должен быть более терпеливым и внимательным к своим подопечным.

Е. ЛОВЧЕВ. К сожалению, не каждый тренер самокритичен. Мне самому приходится часто страдать из-за своего характера, поскольку я все время вступаю в полемику с тренерами. И происходит это не оттого, что я не беспокоюсь об авторитете того или иного наставника. Я уважаю тренеров, знаю, как тяжела их ноша, но тем не менее порой спорю, чтобы найти правильное решение.

Мне кажется, мои отношения с Валерием Васильевичем Лобановским не стали складываться после того, как я начал высказывать свое мнение по поводу игры сборной. Мне не нравилось, что тренеры заставляют нас играть по строгой схеме. Но вместо того, чтобы объяснить мне свое решение (может быть, я и ошибался), Лобановский сначала промолчал, а через некоторое время стал выражать недовольство моей игрой, хотя, судя по объективным показателям, собран-

ном научной бригадой, я шел далеко не на последнем месте. Нетрудно было почувствовать, что тренер не хочет, чтобы я выступал в сборной. Когда же я попросил, чтобы меня отпустили сыграть за «Спартак» в первенстве страны, Лобановский заявил, что коли я не хочу(!) играть в Монреале, то меня могут и не вызывать на сбор... А я мечтал выступить на Олимпийских играх.

Сейчас многие специалисты высказывают мысль, что футболисты сборной ни в коем случае не должны быть оторваны от своих клубов. Им обязательно нужно участвовать в чемпионате СССР. Именно об этом говорил я тренерам во время подготовки к Олимпиаде, чем вызвал еще большее недовольство Лобановского и Олега Петровича Базилевича. Я узнал не от тренеров, что не еду на Олимпиаду, узнал за три дня, а ведь они могли, наверное, объяснить мне что к чему.

Между тренером и игроком должен быть деловой контакт. В этом отношении мне нравится Игорь Александрович Нетто. С ним можно спокойно поспорить, высказать свою точку зрения по поводу состава команды или тактики игры, предлагаемой им на матч.

Я просто убежден, что в команде обязательно должен быть игрок, который не промолчит и выскажет свою точку зрения тренеру. От этого ведь дело выигрывает! Поэтому игроки, мне кажется, должны более активно участвовать в разработке тактических планов на игру.

А. ГОМЕЛЬСКИЙ. Безусловно, тренер должен прислушиваться к мнению спортсмена. Но для дискуссий надо выбирать подходящее место и время; едва ли уместны споры в ходе матча. В эти минуты требуется единоначалие.

Тренер должен обсуждать с игроками, в первую очередь с ведущими, те или иные упражнения, их воздействие на спортсмена, интересоваться, какое впечатление произвело занятие, та или иная тактическая новинка или комбинация. Предлагая новшество, тренер дает игрокам возможность поразмыслить. Спрашивает, что они могут предложить нового в развитие этого варианта. Выслушав всех, тренер подводит итог. Не исключено, что в своем окончательном решении он учтет какие-то элементы, подсказанные игроками. И комбинация от этого обогатится новыми красками.

Е. ЛОВЧЕВ. Конечно, за тренером последнее слово. Но как бы талантлив ни был человек, «одна голова—хорошо, а две—лучше». У нас в «Спартаке» почти все решает совет, куда, кроме тренеров, входят и ведущие игроки. Совет часто определяет и состав на игру. И все-таки самое весомое мнение—мнение тренера.

Так и должно быть. Тренер старше нас. Он больше знает, куда лучше ориентируется в сфере человеческих отношений и потому легче решает проблемы, кажущиеся неразрешимыми.

Расскажу об одном эпизоде.

Играли мы с «Кайратом» на Кубок страны. К концу матча у меня свело ногу. Я сказал Николаю Киселеву: «Встань на место левого защитника, а я пойду вперед. Все равно в защите толку с большой ногой нет».

И надо же такому случиться: именно с места левого защитника Олег Долматов (тогда он играл в «Кайрате») трижды опасно бил по воротам. Два раза, к счастью для нас, попал в штангу. Один раз выручил вратарь Анзор Кавказшвили.

Матч закончился. Никита Павлович Симонян в раздевалке сделал мне резкое замечание. Я не выдержал и, бросив бутсы, сказал: «Все, ухожу».

Я не поехал на сборы. И даже не явился на матч с ЦСКА. Смотрел игру с трибуны. Потом я часто корил себя за это. Но тогда мне казалось, что я прав. Я написал заявление об уходе и привез его, чтобы отдать тренерам, в Тарасовку. И первый, кого я встретил на нашем маленьком стадионе, был Никита Павлович. Совершенно неожиданно для меня он сказал как ни в чем не бывало: «Привет, Женя, как дела?» Весь запал мой, вся обида исчезли мгновенно. Я тут же извинился. Конфликта больше не существовало.

Вообще Симоняна отличает прежде всего умение найти к каждому игроку свой подход, и я рад, что сейчас этот многоопытный спортивный педагог назначен старшим тренером сборной Советского Союза.

Когда я вернулся в команду, мудрый наш наставник Николай Петрович Старостин сказал мне:

— Запомни, Женя, ты можешь обидеться на меня, на Симоняна, но Симонян и Старостин еще не «Спартак». Не забывай о «Спартаке».

А. ГОМЕЛЬСКИЙ. А я расскажу о другой истории—о просчете тренера, о моей ошибке.

Я вспоминаю финальный матч Кубка европейских чемпионов, который проходил на нейтральном поле в бельгийском Льеже с итальянской командой «Иньис» в 1973 году. Этот матч мы проиграли на первых 5 минутах, когда счет стал 14:3 в пользу соперников. Так случилось, что прессинг итальянцев, который мы должны были преодолевать с помощью скоростных передач и быстрых контратак, оказался эффективным. Наш план не осуществился главным образом по вине защитника Валерия Милосердова, который забыл о своих дирижерских обязанностях или, скорее, не справился с ними. Он водил мяч где-то у центра поля и никак не мог его передать ни высокому игрокам под щит, ни даже на фланг нашему лидеру Сергею Белову.

После матча Милосердов глубоко переживал неудачу. Он сам чувствовал, что вина за поражение команды лежит на нем. В беседе со мной он так и сказал: «Я виноват в сегодняшнем поражении». И хотя я ему ответил, что виноваты все мы, тем не менее теплых, успокоительных слов в его адрес сказано не было.

Сразу после финального матча в Льеже наша команда поехала на заключительный тур чемпионата СССР в Минск. Здесь я заметил интересную закономерность: баскетболисты, которые неудачно действовали в Льеже, плохо сыграли и в Минске. Это в первую очередь относилось к Ястребову, который в решающие моменты допустил несколько ошибок, а также к Милосердову и Алжану Жармухамедову.

Думаю, в этом виноват был я. После льежского матча я был страшно удручен поражением, которое мы потерпели от «Иньиса». Ведь мы рассчитывали, и небезосновательно, на победу. Мы дважды в том сезоне обыграли итальянскую команду, и вдруг в решающей встрече розыгрыша Кубка досадная осечка! Такая неудача кого угодно расстроит. Все это и привело к тому, что я упустил важные нюансы в тренерской работе—не восстановил игроков психологически.

Е. ЛОВЧЕВ. Во всем этом, мне кажется, первым помощником тренера должен быть капитан. Наверное, трудно переоценить его значение в команде. Он, на мой взгляд, своего рода мост между тренером и игроком.

А. ГОМЕЛЬСКИЙ. Конечно, конечно. Постоянный контакт с капитаном команды облегчает тренеру воплощение его замыслов, помогает управлять командой. Ведь все усилия тренера, весь смысл его работы сводятся к тому, чтобы создать сплоченный, дружный, искусный коллектив высококлассных спортсменов. А для этого нужно использовать все возможности, и в частности авторитет капитана, его характер, личные бойцовские качества, его влияние на остальных игроков.

Капитана команды выбирают сами игроки. Они учитывают при этом и мнение тренера: с кем ему легче установить плодотворный контакт, кто из игроков на посту капитана окажет наибольшую помощь тренеру, а значит, и всему коллективу.

Не обязательно на роль капитана команды выискивать такого человека, которого бы все любили. Но обязательно, чтобы остальные игроки уважали капитана, считались с его мнением. И, конечно, желательно, чтобы капитаном избирали одного из сильнейших игроков команды, если не самого сильного. Тогда в наиболее важный момент матча он сможет не только повести за собой партнеров, но и, чувствуя как бы двойную ответственность за исход спортивного поединка, сам вложит в решающее усилие команды все свое умение, мастерство, настрой на победу.

Так, кстати, и произошло в дополнительном матче за звание чемпиона СССР 1971 года между командой ЦСКА и ленинградским «Спартаком». Армейцы за 8 секунд до финального свистка отставали от соперников на одно очко. Тогда они доверили заключительную атаку самому искусному и меткому игроку—своему капитану. Как бы сконцентрировали все свои силы в действиях лидера. И капитан (а им был Сергей Белов) не подвел. Он провел мяч через все поле и из труднейшего положения—из угла поля, через руку защитника—забросил решающий мяч!

Е. ЛОВЧЕВ. Капитаном я был. Мечтаю стать тренером. Мечтаю участвовать в создании такого коллектива, где все—и «начальники» и «подчиненные», то есть и тренеры и спортсмены,—были бы единомышленниками, устремленными к одной высокой и благородной цели.

ВЫСТРЕЛ

Анатолий ЖАРЕНОВ

ПОВЕСТЬ

ПРОШЛОГО

Люди обычно плохо спят в непривычных, новых местах. В гостиницах, например, или в чужих квартирах. Следователь Кириллов спал как убитый в любой обстановке, даже после ужина из пряников с водой. Может, к этому его приучила жизнь в доме, под окнами которого день и ночь гудят машины. А может, так уж устроен был его организм: есть же индивидуумы, не знающие, что такое морская болезнь.

Поэтому, когда Миша Востриков стал трести Степана Николаевича за плечо, он не сразу открыл глаза. Трудно было расставаться с приятным сновидением. Кириллов забыл, о чем оно было, но, во всяком случае, не о деле. Дело не навевало на него приятных снов.

— Вы меня извините, — сказал Миша, — но тут вот заключение пришло.

Кириллов вскрыл конверт. Заключение было кратким и ясным. Экспертиза установила: пуля, убившая Мямлина, вылетела из ствола нагана, который в ту ночь висел на поясе вахтера Нифонтова.

— Такие вот дела, — сказал Степан Николаевич, протягивая бумагу Мише.

Миша дважды неторопливо прочитал текст, положил листок на тумбочку и почесал в затылке.

— Не ждал, что ли? — спросил Кириллов, выправляя ноги из-под одеяла.

— Чудно как-то, — сказал Миша. — Из старообрядцев старичок. Вроде бы...

— Что?

— Да кто его разберет. Улика неопровержимая...

— Ну, это еще положим. Это еще не улика. Наводящая деталь пока. А что «вроде бы»?

— Да, говорят, у старообрядцев убийство — грех.

— Не всему верь, что говорят, — заметил следователь наставительно и пошел умываться. Миша полез в карман за «Явой». Когда Кириллов вернулся, он дымил, сосредоточенно уставясь в потолок. Пепел с сигареты Миша аккуратно стряхивал в кулек с остатками пряников.

— Да нет, Степан Николаевич, — сказал он. — Какая уж тут наводящая деталь! Наган не сигаретка, не одолжишься.

Продолжение. Начало в №№ 7—8.

Он притушил окурок и сунул в кулек с крошками.

— Это верно, — согласился Кириллов, разматывая шнур электробритвы. — Наган не сигаретка.

— И труп хорошо спрятан был, — задумчиво произнес Миша. — У Нифонтова велосипед всегда при себе. Могли они, допустим, инсценировку отъезда сообразить...

— Думаешь, был сообщник?

— Кто его знает. Ключи-то Аниота все-таки потерял.

— Ладно, ладно. Про Спицыных я у Выходцева наслушался. Ты мне про чемодан лучше скажи...

— Так ведь не было, кажется, у Мямлина причин для отъезда. А по дорожке той он каждый вечер путешествовал. Ну, и подстерegli его.

— А потом за чемоданом съездили?

Миша кивнул.

Да, это упрощало картину. Если у Мямлина и в самом деле не было причин для отъезда.

— Надо, наверное, миноискатель доставать, — сказал Миша. — Может, и найдутся ключики...

Ключи от сейфа выходили на первый план, правда, теперь уже в новом качестве. Если окажется, что ключи потеряны вблизи от места преступления, то, значит, туманные намеки старика кассира на причастность Спицыных к убийству придется разворачивать в рабочую версию. Впрочем, в любом случае Спицыным надо заниматься. И Нифонтовым надо заниматься. Пуля — это факт. Только торопиться не следует... Подождать надо ориентировку из Баку. С этим Нифонтовым вообще нет никакой ясности...

— Ну что ж, — решил Кириллов. — Поезжай за миноискателем. И попробуй разобраться с трубками. Откуда они и все такое прочее...

— С Нифонтовым как? — спросил Миша.

— Пока молчок. Не наступило еще время. Наган верни в контору. Подразобраться кое в чем надо.

Проклятые трубки не давали Кириллову покоя...

Когда Люська сказала Лесневу-младшему, что Саша интересовался фотографией ее матери, он еще ни о чем не подумал. Но когда он увидел мертвого Сашку, в голове словно соскочила какая-то пружинка. Нет, понимать он еще ничего не понимал, однако встревожился. И именно в эту пору сомнений и смутных догадок его вызвал Кириллов.

Лицо у следователя было пасмурное.

— Ну, как, студент, — спросил он хмуро, — на Луне побывали?

Они сидели в бывшем Сашкином кабинете. В фойе какая-то дева из самодеятельности звонко пела про миленочка, который сделал что-то там не так. Кириллов с минуту послушал, потом встал, прикрыл дверь поплотнее и чему-то усмехнулся.

— Не понимаю, зачем я вам понадобился, — уныло промолвил Леснев-младший.

— А дело простое, — миролюбиво ответил Кириллов, хлопнул ладонью по столу и вытащил оттуда ту самую собачью цепочку, которую Сашка когда-то закапывал. Он положил цепочку перед собой и посмотрел на Славку вопросительно. Тот молчал.

— С глухими старухами говорить тяжело. Но вы-то почему? Без двух минут врач... Взрослый человек... Вы меня удивляете, Леснев...

Что Славка мог ему ответить? Что давал слово Сашке? Это прозвучало бы глупее некуда.

— Я не знал, что это вас интересует.

— Н-да, — протянул Кириллов, — удобная формулировка, ничего не скажешь.

Он поднял цепочку и стал накручивать ее на

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

палец. Когда Леснев-младший закончил рассказ о Сашкином «психологическом эксперименте», Кириллов бросил цепочку на стол и спросил:

— Мямлин так и сказал: «Хотел узнать, можно ли с Гришей поговорить»? Это его точные слова?

— Точные.

— Интересное кино. А это возможно? Как вы считаете?

По мнению Славки, это было невозможно. Да и Сашка, как ему показалось, вкладывал в слово «поговорить» какой-то другой смысл. Славка намекнул на это Кириллову, и он тут же вцепился в эту мысль. Он засыпал Славку вопросами, и к концу разговора Леснев-младший отупел настолько, что уже ничего не соображал. Он не понимал повышенного интереса следователя к Грише-дурачку. Он не видел никакой связи между убийством Сашки и его попыткой «поговорить» с Гришей. Славка совсем перестал понимать Кириллова, когда он от Гриши стал незаметно подбираться к нему, Славке. Кириллов интересовался, крепко ли Славка спит, что читает, когда собирается уезжать и какие планы строит на будущее. Потом он вдруг ни с того ни с сего принялся расхваливать Люську. Он, оказываясь, навестил библиотеку, изучил Сашкин форму-

ляр и между делом вел с Люськой беседы, касавшиеся, как понял Леснев-младший, и его.

Но почему же Люська не сказала ему об этом? Все это было странно, если не сказать больше. Все это Славке не нравилось...

От клуба до библиотеки рукой подать — только перейти улицу. Славка перешел ее и открыл дверь. Возле прилавка торчали два пацана. Наконец они ушли.

— Нам надо поговорить, — сказал он Люське.

Она пожала плечами, округлила свои космические глаза и даже приоткрыла рот, словно приготовилась к поцелую. Но у парня было другое настроение.

— Что все это значит? — спросил он.

— А что именно? Ты встал не с той ноги, да?

— Нам надо поговорить.

— Это я уже слышала. Поговори, если тебе хочется.

— О чем тебя спрашивал следователь?

— О книгах, которые читал Саша.

— А больше ни о чем?

— Ты сегодня какой-то определенно ненормальный, — засмеялась Люська. — Взъерошенный, сердитый... Что случилось?

Если бы он знал, что... Но что-то случилось. Что-то стало вползать между ним и Люськой. Надо было быть полнейшим кретином, чтобы не понимать, что Кириллов подбрасывал свои вопросы не из простой любознательности. Его крайне занимали отношения Леснева-старшего и Нифонтова. Прямо об этом Кириллов не высказывался, но Славка-то не Гриша-дурачок. Он сумел даже заметить, что Кириллов как будто удивлен тем, что отношения эти не выходят за рамки служебных, что их с Люськой семьи никогда не общались домами. Он словно бы не верил, что их с Люськой дружба и любовь начались со случайной встречи в библиотеке. По Кириллову выходило, что они с Люськой должны были еще в глубоком детстве играть в одной песочнице в те часы, когда их родители мирно занимались чаепитием. Как будто главбух и вахтер по меньшей мере коллеги или члены какого-то «клуба по интересам».

Все это было бы смешно, если бы не был убит Сашка, парень, с которым Леснев-младшего, по его мнению, в общем-то ничто и не связывало. Славка не удивился бы особо, если бы Кириллов начал расспрашивать его о взаимоотношениях отца и Сашки. Он, быть может, не стал бы даже возмущаться, если бы понял, что следователь ставит убийство в зависимость от этих отношений. На то он и следователь. Славка-то знал, что его батя похрапывал в своей постели в то время, когда какая-то сволочь стреляла в Сашку. Но Кириллов и словом не обмолвился об Аюте. Он чего-то другого добивался, и Славка не мог понять, чего именно.

— Так о чем все-таки он с тобой говорил? — снова спросил парень.

Люська потушила улыбку и сказала жалобным голосом:

— Ужасно. Ты не представляешь себе... Саша ведь ходил сюда чуть не каждый день.

— Это я знаю. Я хочу...

— Я хочу, я хочу, — передразнила Люська. — Если хочешь знать, мы и о тебе говорили.

— Да?

— Да. И не изображай из себя расстроенного носорога. Я могу подумать, что ты что-то скрываешь от меня.

А ему казалось другое. Он решил, она что-то утаивает от него. Она и смеялась как-то ненатурально. И задумывалась во время разговора. Старалась казаться беспечной, но он видел: что-то ее угнетает. Она не просто сожалела о Сашке, она еще о чем-то думала. А Кириллова интересовал не столько Сашкин формуляр, сколько его с Люськой разговоры о Сашке. Он приходил в библиотеку с рукописью, которую нашли в чемодане у Сашки. Она и явилась поводом, воспользовавшись которым Кириллов заставил Люську вспомнить их размолвку накануне той злополучной для Сашки ночи. В библиотеке, кроме Люськи, работали еще две женщины. Одна из них — Мария Александровна, старушка с усиками, — подрядилась перепечатать начисто Сашкину балладу о Нылке. Договорившись с ней Сашка приходил буквально накануне своей гибели. Обычно-то он делал эту работу сам. Но печатал он медленно, одним пальцем. А тут ему приспичило закончить перепечатку в несколько дней. Люська слышала, как он толковал с Марией Александровной, и вечером сказала Славке о том, что Саша, кажется, написал книгу. Произнесла она эту фразу, конечно, в присущей ей манере, с оттенком этакой гордости за Сашку. Она вообще натура восторженная, скепсиса в Люське на ломанный грош не наскребешь. Ну, и выдала она это все так, словно не Мямлин приходил договариваться с машинисткой, а по меньшей мере Карамзин или Ключевский. Леснев-младший и высказался тогда в этом смысле, поскольку кое-что, выпшедшее из-под Сашкиного пера, ему приходилось читать. Сашке он о своих суждениях насчет его творчества не докладывал, не хотелось расстраивать, а Люське сказал, чем и навлек на свою голову ее гнев.

Кириллов, конечно, вцепился в Люську и выудил из нее все подробности их маленькой ссоры. И тут же, между прочим, поинтересовался, не заметила ли она чего-нибудь необычного в поведении отца утром после убийства. Люська вскинула на него свои космические глаза — в них светилось недоумение.

— Что ж может быть необычного? — ответила она вопросом. И добавила: — Он пил много воды. Прямо из колодца. Даже простудился. А больше ничего необычного не было, — закончила она насмешливо.

Но Кириллов насмешки не принял. Добродушно рассмеялся, сказал Люське какую-то любезность и стал допытываться у Марии Александровны, что говорил Сашка, как говорил, что сказал о рукописи, как ее назвал. Долго спрашивал, с полчаса, и, казалось, сильно огорчился, поняв наконец, что старушка ни на один вопрос его не может ответить. Ничего такого Сашка Марии Александровне не

сказал. Договаривался предварительно да к тому же и спешил куда-то. Сказал только, что нужно срочно перепечатать триста страниц и что принесет работу завтра, тогда все и объяснит. Но на завтра он не пришел.

«Вся эта ерунда с рукописью, казалось бы, не должна меня занимать,— размышлял Леснев-младший.— То, что делал Сашка, меня не касалось. Я не знал, правда, толком, в чем заключалось его хобби, но в том, что оно меня не касалось, я был уверен».

После разговора с Люськой его уверенность поколебалась. Он ушел из библиотеки со странным чувством. Словно проснулся в темной комнате, в которой все вещи кто-то поменял местами.

Сразу за Нылкой дорога нырнула в лес. Сначала от опушки рядом с машиной бежали сосенки-коротышки, потом они уступали место соснам-великанам. Эти великаны расступились у поляны, на которой когда-то стояла та самая лесниковская изба.

Расследование приостановилось. Допрашивать Нифонтова без сведений из Баку Кириллов не хотел. Сведения почему-то задерживались. Он уже был уверен, что корни этой истории с Мямлиным уходят глубоко и отыскивать их надо где-то на уровне сорок первого года, если не глубже. А это занятие совсем не из легких.

Архивов по Нылке, в сущности, не было, все сгорело во время войны. Память старожилов сохранила по большей части только легенды. Но было одно обстоятельство, которое утешало Степана Николаевича. Он твердо уверовал в то, что Мямлин до чего-то докопался. Оставалось, кажется, совсем немного — выйти на его следы, или, говоря проще, найти тех людей, которые дали любителю-краеведу кончик от бабкиного клубка. В том, что Анютина бабка волю или неволью запутала этот клубочек, он уже не сомневался. Но люди эти не находились. Следователь обошел полпоселка и не обнаружил даже намеков на то, что кто-то подтолкнул Мямлина к разгадке детдомовской истории. Не Гриша же. К Грише Мямлин пришел уже после того, как...

А вот тут-то и терялись все следы. Это было странно и необъяснимо. Это, кроме того, наводило на размышления о том, что Мямлин, ни о чем не подозревая, пообщался со своим будущим убийцей. Наивный паренек, увлеченный своими писаниями, не думая и не гадая встревожил какого-то человека, которому давно уже казалось, что все в прошлом, что все покрылось пылью времени. «Прикоснулся к чему-то взрывоопасному», — сказал старик Выходцев. Но вот к чему?

Рукопись, найденная в чемодане, на этот вопрос не давала ответа. Да и, как выяснилось, это была не та рукопись. Кириллов восстановил почти с хронометрической точностью день Мямлина накануне трагедии. Он был заполнен ничем не примечательными встречами, разговорами и поступками. В библиотеке Мямлин договорился с машинисткой-надомницей о перепечатке трехсот страниц. В рукописи из чемодана было только сто двадцать две страницы. Трехсотстраничная бесследно исчезла.

Кириллов поговорил с дочкой Нифонтова, симпатичной блондинкой, умницей и открытой. Она вспомнила, что Мямлин сказал: «Теперь можно будет посылать на консультацию». Она сказала, что отлично помнит эти слова. Вечером она и Леснев-младший сумели даже повздорить по этому поводу. Девушке не понравилось пренебрежительное отношение студента к Мямлину: Леснев что-то стязвил, она рассердилась, ушла домой одна. Со студентом, волею случая оказавшимся первым свидетелем по делу, следователь уже встречался несколько раз. Этот долговязый парень не вызывал у него особых симпатий. Вел он себя заносчиво, сидел развалившись, закуривал, не спрашивая разрешения. Вопросы Кириллова казались ему оскорбительными и, может быть, даже глуповатыми. Уж не вообразил ли он, что его подозревают в чем-то предосудительном?

Впрочем, Степан Николаевич действительно подозревал. Подозревал, что парень этот может оказать неоценимую помощь в расследовании. Беда была только в том, что ни Леснев-младший, ни Кириллов пока не знали, в чем именно эта помощь должна выразиться. Один раз Славка уже оправдал надежды Кириллова, рассказав об играх Мямлина с Гришей-дурачком. Но, может быть — даже наверняка, — это было не все. Крепла у следователя непоколебимая уверенность, что этот парень знает и еще что-то: факт, намек — словом, что-то, имеющее отношение к делу. Он был близок к семье Нифонтовых, он мог случайно узнать что-то такое, что ему казалось незначительным, не заслуживающим внимания пустячком, вроде собачьей цепочки. Впрочем, в те дни и самому Кириллову эта цепочка казалась пустячком в ряду других улик. Да и не становилась она в ряд, выпадала из него.

В самом деле, предположение, что Гриша-

дурачок, сговорившись с Нифонтовым, убил Мямлина, ни в какие ворота не лезло.

Семен Спицын? Какие-то таинственные сообщники? Все это никуда не годилось. «Наган не сигаретка», — сказал Миша Востриков... Он повторил эти слова, когда они с Кирилловым садились в машину, чтобы отправиться к месту давней трагедии. Предложил эту поездку Кириллов, Миша же вообще был против нее. По его мнению, смотреть там было решительно не на что. От лесниковской избышки, сказал Миша, не осталось «ни рожек, ни ножек». Кордон вот уже скоро двадцать лет, как перенесен в другое место, да если бы он даже и не был перенесен, все равно поездка не даст никаких результатов. Словом, Миша не одобрял эту затею.

Не одобрил он и медлительность Кириллова в отношении Нифонтова, которого следовало бы, как он считал, арестовать. В машине они детально обсудили этот вопрос, но к единому мнению так и не пришли. Каждый остался при своем.

Родилась, правда, еще одна версия, подкупавшая своей простотой и исходившая из Мишиной пылкости, трактованной о том, что «наган не сигаретка». Нифонтов мог совершить убийство в одиночку, без сообщников. Он подстерег Мямлина ночью на лесной тропинке, застрелил его, оттащил труп в сторону, потом съездил за чемоданом. Прodelать все это можно было часа за полтора. Кто мог заметить отлучку вахтера с поста? По ночам возле конторы, кроме него, никто и не бывает. Тот, кто живет на Мызе, в Нылку по ночам почти никогда не ходит. Парни и девчата с Мызы, которых можно пересчитать по пальцам, бегают, конечно, в Нылку по вечерам, но это обычно бывает по субботам и воскресеньям. Нифонтову все это было, разумеется, прекрасно известно, и он воспользовался обстоятельствами.

— Вот только ключи, — сказал Миша. — Не лезут они никуда...

Ключи пока не находились. Мишины упражнения с миноискателем оставались лишь упражнениями...

Миша притормозил перед поваленным деревом и бросил машину вправо, в объезд. Дорога как-то незаметно сошла на нет, только по просвету между стволами можно было догадаться, что она когда-то тут проходила.

Наконец впереди показалась большая поляна, поросшая мелким осинником. Поляну окружали высокие мачтовые сосны. От старого лесного кордона действительно не сохранилось «ни рожек, ни ножек». С трудом отыскали место, где стояла изба.

— Почему перенесли кордон? — спросил Кириллов.

— Из-за воды, — лаконично ответил Миша.

— То есть как?

— Родничок тут был. — Миша махнул рукой куда-то в сторону леса. — Иссяк он, ну и все дела... Пробовали колодец рыть, ничего не вышло — ушла вода...

«И все дела», — грустно подумал Кириллов, разглядывая едва приметный красный буторок — все, что осталось от русской печки, когда-то обогревавшей хату. Потом перевел взгляд на «газик», стоявший метрах в трехстах.

— А куда вела дорога?

— В Нальск можно было проехать.

— На восток?

— Да, — подтвердил Миша, рассеянно поглядывая по сторонам. — По шоссе покорооче, но, говорят, ездили и так... Пока кордон стоял... Потом забыли дорожку...

— И сколько отсюда до Нальска?

— Километров тридцать пять набегжит.

— А по шоссе?

— По шоссе от Нылки полсотни.

Разница равнялась пятнадцати километрам. Совсем небольшой крюк. Но почему та женщина выбрала более длинную дорогу? Неужели все делалось с умыслом? Неужели дети были заранее обречены? Каким же чудовищем надо быть, чтобы решиться на такое? И какой во всем этом был смысл?

— Да, загадочная история получается, — вздохнул Миша. — Как с той кошкой.

— С какой кошкой?

— С моей, — сказал Миша. — Мы тогда в Нальске жили.

Он затоптал окурок и стал неторопливо рассказывать про кошку. Это была, по его словам, во всех отношениях замечательная кошка. Но все ее достоинства смазывались, как считал Миша, одним существенным недостатком. Кошка излишне активно заботилась о продолжении рода. Сама она, конечно, придерживалась на этот счет другого мнения. И поэтому всегда удивлялась, когда замечала, что произведенные ею котята куда-то внезапно исчезали. Наконец ей надоело удивляться и в один прекрасный день, ощутив, что пришла пора

рожать, кошка покинула квартиру. Отсутствовала она месяца три.

— А потом нашлась, — сказал Миша.

— Что же тут загадочного?

— Будет и загадочное, — пообещал Миша.

Кошку нашли в подвале. Подвал был разбит на отсеки по числу квартир. Один отсек считался ничейным. Чтобы он не смущал ребятишек, которые любят такого рода таинственные места, на дверь ничейного отсека был повешен замок. Там и обнаружили кошку. И не просто под замком, а еще и в сумке, под крышкой. Сколько времени она там провела и как там оказалась, установить не удалось. Но сидела, вероятно, давно, поскольку от кошки фактически остались шкура да кости. Впрочем, она еще способна была мяукать.

— А ключ от этого отсека у нас в кухне висел, — сказал Миша.

— Ну, и как же? Распутали эту историю?

— Спросить было некого, — сказал Миша. — А кошка молчала.

— Н-да, — протянул Кириллов. — Спросить действительно некого. Это ты по какому случаю аллегорию сочинил?

— Почему аллегорию? Был факт.

Да, был факт. Был факт, который не поддавался объяснению. А кошка молчала. Но не сама же она полезла в сундук... Посадили ее туда...

Посадили...

Телефон заливисто зазвонил в четвертый раз. Кириллов дернул головой, отмахиваясь от звонка, как от назойливой мухи. Три раза на протяжении последних пяти минут он высовывал руку из-под одеяла, хватал трубку, произносил неизменное «да, да», но в ответ слышалась только бравурная музыка, под аккомпанемент которой бодрый баритон предлагал встать на коврик у окна и по счету «раз» приступить к выполнению упражнения из комплекса утренней гимнастики.

Коврика в номере не было. За окном хлестал дождь. В комнате было сумрачно. И Кириллов плотнее натягивал одеяло.

Телефон заливисто зазвонил в четвертый раз. «Пошел к черту», — сказал Кириллов и нехотя высунул руку из-под одеяла. Радиобаритон куда-то исчез. Голос телефонистки деловито сообщил:

— Говорите, Баку на проводе.

И тут же в трубке зарокотало:

— Привет, Кириллов... Хусанов говорит... Ты меня еще помнишь?

Вопрос был праздный. Знали они друг друга больше двадцати лет. Когда-то давно жили в одной комнате в общежитии. Потом, как это случается с людьми, которые остаются верными своей профессии на всю жизнь, встречались не раз на семинарах, совещаниях. А года полтора назад вот так же, по одному делу, пришлось вместе работать. После обмена обычными в таких случаях вопросами: как семья, как дети, — Хусанов сообщил:

— Запрос твой ко мне поступил.

— Поэтому и ткнул? — осведомился Кириллов. — Для старого дружка...

— Ты в Баку бывал? — поинтересовался Хусанов. Это был тоже праздный вопрос. Хусанов отлично помнил их недавнюю встречу в Баку. Поэтому он, не дожидаясь ответа, спросил: — Строительством видел?

— Ну... — нетерпеливо подтолкнул его Кириллов. — Того района, где твой подопечный жил, давно нет. Ясно?

— В принципе да.

— Ну, если ты такой понятливый, то сообразишь и все остальное.

— Ничего не узнал?

— Ты плохо обо мне думаешь. Хусанов — человек. Он все узнал и бумагу послал. Потом тебя искать стал. Погода у тебя какая? Хорошая?

— Дождь.

— Я вот и думаю, что тебе срочно плащ нужен. Торопился. С соседями бывшими толковал, дело одно листал. Проходил тот мужичок по скверному делу. Только краем прошел, не коснулось оно его. Понимаешь?

— Не так чтобы...

— Бумага придет — поймешь. Но там он чист, учти.

— Учел, — сказал Кириллов и подумал, что если Нифонтов и там был замешан в деле об убийстве, то все это, вместе взятое, начинает приобретать некую определенную окраску. Но ему не пришлось долго раздумывать, потому что Хусанов выдал второй сюрприз.

— Теперь о жене, — сказал он. — Жена сбежала в пятьдесят первом.

— Постой, постой. Как это сбежала?

— Не знаешь, как жены сбегают, да?

Он захохотал, но Кириллову было не до смеха.

— А пожар? — растерянно пробормотал он. — Она же сгорела...

— Ты ужасный человек, Кириллов,— сказал Хусаинов.— Ты все время обо мне думаешь плохо. С бывшими соседями я говорил? Говорил. Уважаемые люди. Знают: не было пожара, никто не горел. Мужик из-под следствия вышел, а она ему хвост показала. К девчонке нанял женщину. Приметная особа — со шрамом на щеке, люди помнят, уважаемые люди. С полгода ходила, потом он уехал...

— Фамилия? — простонал Степан Николаевич в трубку, услышав про шрам.

— Чья фамилия?

— Ну этой, которая со шрамом. Кормилица или как...

— Фамилию не знаю,— сердито сказал Хусаинов.— Ходила — знаю, фамилию — нет.

— Узнать можешь?

— Нет, ты все-таки ужасный человек, Кириллов,— сказал Хусаинов со вздохом и положил трубку.

— Нифонтов Павел Сергеевич?

Острая, клином борода, веки полуопущены, кажется, что он все время щурится. Руки лежат на столе. Пальцы слегка подрагивают.

— Да, Нифонтов я.

Бумагу от Хусаинова Кириллов получил, но она его не обрадовала.

— Уточним кое-что. Вы родились 30 апреля 1917 года?

— Да, здесь, в Нылке.

Золотое детство следователя не интересовало. Хотя у Нифонтова оно вряд ли было золотым. Дед его и отец кустарями-одиночками были, клещи для хомутов гнули. Парнишку в школу долго не посылали, к своему ремеслу хотели приучить. Но у парнишки были свои интересы. Уехал он в Нальск, там и школу ФЗО кончил по слесарной части. К двадцати трем годам отслужил в армии и в Нылку вернулся. А вскоре и война началась.

— Где вы были в конце июля сорок первого?

— В Нальске, в военкомате.

Все правильно. Двадцать седьмого июля Нифонтов отправился на фронт. А детдом эвакуировали где-то между двадцатым и двадцать пятым, точнее установить эту дату не удалось.

Степан Николаевич бросил взгляд на листок бумаги, лежавший перед ним на столе. Это был список тех, кто во время эвакуации детдома в силу разных обстоятельств оставался в Нылке. В списке значились и Нифонтов, и пьяница Чуриков, и кассир Выходцев, и Семен Спицын; Семену, правда, тогда было всего десять лет. А Андрею Сильчу Лесневу девятнадцать. Служил Андрей Сильч в том году в армии, а часть, в которой он служил, в Нальске стояла, в пятидесяти километрах от Нылки. Значились в этом списке и другие лица — мужчины и женщины, живые и мертвые. И без вести пропавшие.

— Эвакуацию детского дома помните?

— Помню. Имущество помогал грузить. С ними и в Нальск уехал.

— С первой партией?

— Да.

— В Нылку после этого возвращались?

— Нет. Повестка у меня была.

— Как вы оказались в Баку?

— После войны часть наша там стояла. Работал на промыслах. Специальность получил.

— Женились там?

— Там.

— Зачем вы выдумали историю с пожаром и самоубийством жены?

— Про самоубийство люди выдумали. Я только про пожар говорил.

— Зачем?

— Дочь у меня. Ну и... Не хотел, чтобы она про мать плохо думала.

— Где сейчас ваша бывшая жена? Вы разведены?

— Где — не знаю. Развод она не брала.

В бумаге, которую прислал Хусаинов, сообщалось, что Нифонтова Елена Петровна в шестьдесят третьем году была осуждена за спекуляцию дефицитным бараклом на одесском рынке. А двенадцатью годами раньше сам Нифонтов был причастен к делу о спекуляции валютой. Правда, прошел он «по краю», как выразился Хусаинов. Нифонтов был знаком (и довольно коротко) с одним из членов шайки. Сам же он был «чист». И его жена тогда была «чиста». Но вот сейчас, через четверть века после тех событий, стала вырисовываться несколько иная картина, во многом туманная, с неразличимыми еще деталями, но иная. Да, жизнь подбрасывает иногда такие сюрпризы, что даже привычные, казалось бы, ко всяким неожиданностям следователи только недоуменно руками разводят. Именно в таком положении оказался Кириллов, когда читал хусаиновскую ориентировку; вывалился на него оттуда черный мраморный памятник купца Рузаева, а над ухом тихонько дзенькнул тот самый звоночек, о котором следователь и думать забыл.

По делу о валютчиках проходила в пятидесятом году пожилая дама — Рузаева Ивонна Ильинична. Подробностей Хусаинов не сообщал, но было ясно, что речь идет о той, которой в свое время умирающий старик купец доверил ответственное дежурство, а она не выдержала и дезертировала с поста.

И вот теперь каким-то странным образом та давняя, полупрозрачная история казалась связанной незримой ниточкой с событиями, в которых Кириллов обязан был разобраться. Но как найти эту ниточку? Да и есть ли она?

Перед следователем сидел Нифонтов, который тоже проходил по делу о валютчиках. Краем проходил...

— Почему вы уехали из Баку?

— Неприятности. Вы, я вижу, знаете...

— Я хочу услышать все от вас.

— Нечего мне рассказывать. Я о дочке думал. Не о себе.

— Кто ухаживал за дочерью?

— Здесь — мать моя, а там... Женщина была. Хорошая женщина.

— Знакомая?

— Нет, так, со стороны. Платил я ей.

— Фамилию помните? Где она жила?

— Теткой Дашей звали. Дарья Михайловна. Фамилией не интересовался. А жила вроде в старом городе, около крепости.

— А не путаете вы, Нифонтов?

— Не понимаю я, зачем это вам... И не путаю ничего.

— Как она выглядела тогда?

— Лет на сорок, может. На щеке шрам. Упала она, говорила, на горячий утюг.

— Спицыну Анну Тимофеевну помните?

— Вон вы куда... помню, конечно. Тоже хорошая женщина была.

— Была?

— Так ведь годы. Не понимаю я, о чем вы...

— С Мямлиным об Анне Тимофеевне говорили? — Говорили как-то. Не знаю, чего ему надо было.

Тоже вот, как вы, все про эвакуацию спрашивал. Сколько машин, да сколько людей во дворе было, да почему сама Спицына с первой партией не поехала, да почему сына оставила... Не ответил я ему ничего, не сумел вспомнить...

— Не сумел...

— Послушайте, Нифонтов. Вы показывали, что в ночь убийства Мямлина видели его два раза. Тогда, когда вы утверждали это, нам не было известно, что Мямлин убит. Теперь мы знаем — его убили на дороге между сушильным заводом и Мызой. Понимаете, что из этого следует?

— Я ошибся. Я видел его один раз. С девушкой.

— И с чемоданом?

— Нет.

— Откуда же взялся чемодан?

— Не знаю. Может...

— Что?

— Может, я... Ночь ведь... Темно.

— Но Мямлина-то вы разглядели...

— Не знаю, не видел...

— Мямлина не видели?

— Никого не видел.

— Что же вы — спали?

— Нет, не спал... Никого не видал...

На его лице застыло мученическое выражение, пальцы подрагивали. Так кто же сидел перед следователем — запутавшийся в противоречивых показаниях мерзавец или обманутый кем-то человек? Может быть, даже запуганный. Темное прошлое было у Нифонтова, что бы там ни толковал Хусаинов. Всех ли валютчиков взяли тогда? И вообще... А что вообще? Чем можно запугать человека до такой степени, чтобы он одолжил наган для убийства? И почему наган? Кричащая улика... Почему не нож? Почему не железка какая-нибудь? Неужели убийца рассчитывал, что труп не найдут? Такое бывает. И в то же время... «Наган не сигаретка». Не так-то это просто — подойти к человеку и сказать: «Слушай, приятель, я тут убить одного должен, так ты мне наган на часок не одолжишь?»

Не только не просто, а пожалуй, и невозможно. В таком случае убийца Нифонтов. Но если он убийца, причем хладнокровный, почему он так легко запутался в показаниях, почему, как только услышал про чемодан, сразу стал отрицать все, что говорил раньше? Ему ничего не стоило соврать, сказать, что видел Мямлина с чемоданом. А он растерялся и заладил одно: «Никого не видал»...

— Почему же все-таки наган?

— И что делать сейчас? — думал Кириллов, наблюдая за Нифонтовым. — Выложить перед Нифонтовым заключение экспертизы? Арестовать? А если убийца не он? Ведь случаются же иногда невероятные, казалось бы, вещи. Не приберечь ли эту улику? О том, что Мямлин убит из нагана вахтера, в Нылке известно пока только троим — мне, Мише Вострикову и убийце. А знает ли убийца о том, что мне это

известно? На экспертизе побывало четыре нагана. Все четыре возвращены. В конце концов Нифонтов от меня не уйдет. Есть, конечно, в этом определенный риск: я могу нарваться на неприятности, если с Нифонтовым что-нибудь приключится. Но можно ведь и подстраховаться. Существует же для чего-то наружное наблюдение».

Леснева-младшего разбудили голоса. В комнату вползал тусклый рассвет. Уже побледнел прямоугольник окна, но темнота еще не отступила, не рассеялась. Он взглянул на часы: половина пятого.

Голоса были знакомы. Один — бас — принадлежал соседу, второй — гундливый — Чурикову. Они скорее всего собирались за грибами и поджидали кого-то. И от нечего делать болтали.

Славка тихо злился, слушая, как сосед долго и нудно долдонил про корову, которая много жрет. Эту тему он может обсуждать часами, было бы только с кем. И пока он уныло басил, Славка успел снова задремать и увидеть сон, наверное, какой-то страшный сон, потому что вздрогнул и открыл глаза. И услышал голос Чурикова:

— Вот я и говорю. До Мямлина у него не жизнь была, а малиновый звон. Обставил Сильч, в прихожую я ему лосиные рога собственноручно повесил. Чтобы было куда Аньке-то верхнюю одежду помещать: шляпку там или плащик. Остальную площадь он тоже в ажур привел, ванну даже сгоняшил. Вот смеху-то.

— Да уж куда уж, — откликнулся сосед.

— И я вот говорю, — сказал Чуриков. — Теперь, к примеру, убили Мямлина-то. Выходит, все-таки запонадобится ванна. Ты как рассуждаешь?

— Да ты что? — изумленно пробасил сосед. — Ты — Сильча?..

— А что — нет? Трубки-то я узнал...

— Какие трубки?

— Которые к телу были приспособлены, вот какие.

Он замолчал. У Леснева-младшего по спине пробежал холодок. Но это же невозможно!.. Отец спал в ту проклятую ночь.

Спал?

И Славка в который уже раз стал перебирать в памяти события той ночи.

Они тогда поцапались с Люськой. Он пришел домой до двенадцати. Дверь отцовской комнаты была закрыта.

Закрыта... Он поужинал и лег спать. И сразу заснул.

А утром? Утром он увидел...

В комнате запахло сигаретным дымом: собеседники под окном закурили. А Славка на кровати лежал навзничь затаив дыхание и смотрел в потолок. Нет, не потолок он видел, а черные ботинки. Мокрые черные ботинки, висящие на кольцах на крыльце... Так вот что все время его тревожило...

— Бормочешь ты зря, Чуриков, — сказал сосед. — Стреляли ведь в Мямлина.

— Вот я и говорю, — готовно откликнулся Чуриков. — Стреляли. А ты скажи: сподручно ли Сильчу, допустим, фишку в ход пускать? Он вон какой «интеллигент». Брюки, что твой топор — острые. На фронте, небось, не меньше чем взводом управлял. Привык пистолетом помахать.

— Да брось ты...

— Чего бросать-то? Мишка, участковый, думаешь, для чего наганы по поселку собирал? Следователь, ясное дело, на Нифонтова грешил. Близко от сушильного, как же... Меня допрашивал... Да не туда он смотрит...

— Что ж ты про трубки-то? Сказал?

— А на хрена? Я свою фамилию люблю в ведомостях на зарплату проставлять, а не в протоколах... Не бойся, не заржавеет... Видал, как оперы эти трубки обряжали, упаковывали?

Чуриков сплюнул и круто переменял тему:

— Где же этот чертов обалдуй?

— Ши, наверное, хлебает. Он в лес на сытый желудок всегда ходит. Как корова моя...

— Да, жизнь, — вздохнул Чуриков. — Вот я и говорю: барахтается теперь Сильч, как муха в сметане. А почему? А потому, что глаз положил на молодую.

Голоса стали удаляться. Славка продолжал лежать неподвижно. В комнате постепенно светлело. Выступил из темноты угол стола. Как на фото в проявителе, стали прорисовываться контуры кресла, книжной полки, буфета. За окном вставал новый день. А за дверью, в соседней комнате, спал отец. Как вчера... За той же дверью... Тот же самый человек. Он, как и вчера, встанет в восемь часов, выпьет жидкого чаю, съест бутерброд, произнесет несколько раз свое привычное «невозможно представить» и уйдет в комнату. Как вчера... А сын будет лежать, притворяясь спящим, до тех пор, пока за отцом не закроется дверь.

Что же сын будет делать потом?

Продолжение следует.

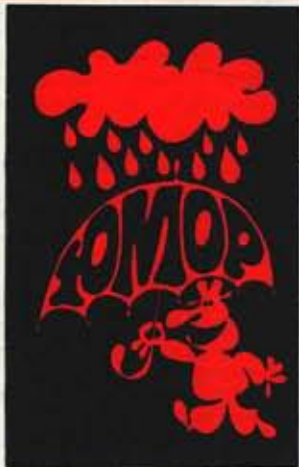

Рисунок Евгения МОРГУНОВА

Рисунок Валерия АШМАНОВА

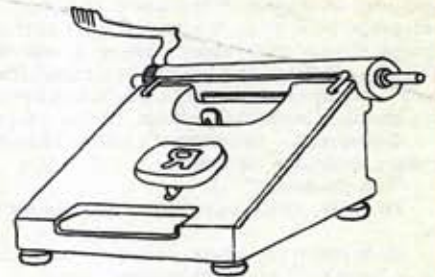

Рисунок Геннадия СВИДЧЕНКО

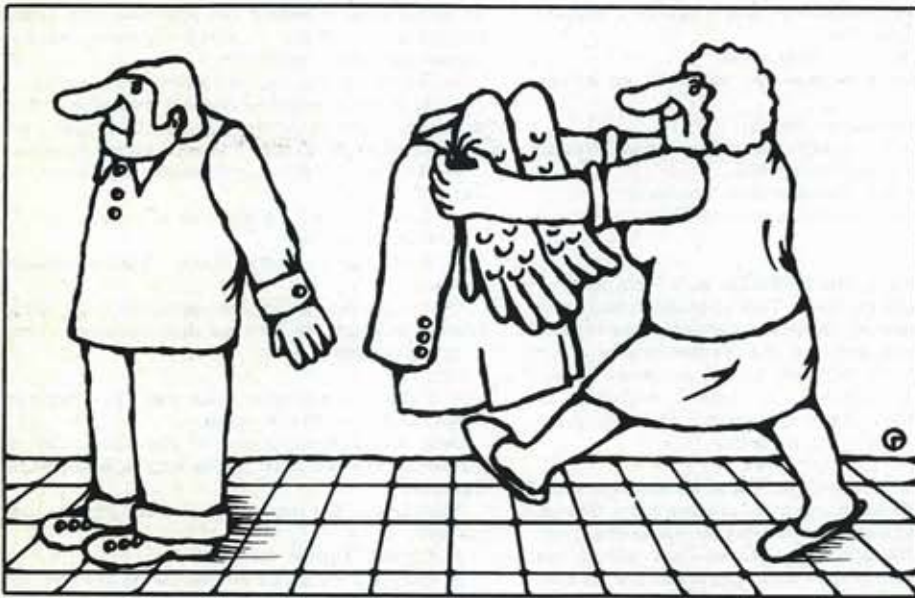

Рисунок Леонида ТИШКОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

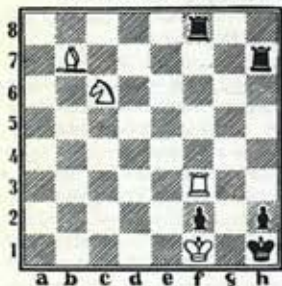
Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

19 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА
ШЕСТОЙ ТУР
СМЕНИ

Продолжаем публикацию заданий шахматной олимпиады, которую «Смена» открыла в январе нынешнего года.

КАК БЫ ВЫ СЫГРАЛИ?

Есть ли в распоряжении белых, за которыми ход, выигрывающий план действий? (5 баллов.)

КАК ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ?

- d2—d4 f7—f5 2. e2—e4 f5:e4
- Kb1—c3 Kg8—f6. Кому принадлежит открытие этой дебютной схемы? (1 балл.)

ЭТЮД—ВСЕГДА КРАСИВО!

Белые начинают и делают ничью (5 баллов).

Запомните, пожалуйста, что срок отправки писем в редакцию на шестой тур истекает 10 июня 1977 года. В правом верхнем углу открытки, над текстом ответа и решений, обязательно проставляйте свой регистрационный номер этой олимпиады.

В ЕГО ИГРЕ—ОГОНЬ!

На старте шахматного года великолепно показал себя молодой советский гроссмейстер Олег Ро-

манишин, воспитанник заслуженного тренера СССР Виктора Карта. 24-летний львовянин завоевал первый приз на традиционном международном турнире в английском городе Гастингсе. Сильный состав участников не помешал Романишину показать весьма высокий спортивный результат: он набрал 11 1/2 очков из 14 возможных и оторвался на солидную дистанцию от ближайших конкурентов. Впечатляющими были и творческие достижения победителя.

Лестную характеристику выступлению Романишина в Гастингсе дал известный английский шахматный деятель, международный мастер и арбитр Гарри Голомбек. Вот что он, например, написал в лондонской газете «Таймс»: «Наблюдать за партиями Романишина было истинным наслаждением. В его игре—огонь и неукротимая энергия, заставляющие вспомнить об Алексине, самом пламенном из всех шахматистов...»

Читатели «Смены» могут убедиться в справедливости этих слов по двум фрагментам, которые мы взяли из поединков гастингского турнира.

К такому окончанию пришла после 27-го хода черных партия Романишина с английским гроссмейстером Энтони Майлсом, чемпионом мира среди юношей. Несколько ранее белые, которыми играл советский шахматист, ради инициативы пожертвовали пешку. Сейчас они изящной комбинацией

восстанавливают материальное равновесие, продолжая нажим на позицию партнера.

28. Ld6—d7! Cb7—a6 29. Cc4:e6! Ca6—b5.

Понятно, что белый слон неуязвим из-за форсированного мата черному королю.

30. Ld7—c7 Kb4—c6 31. Ce6:a2 Kc6:d4 32. Kpg1—f2 Kd4—c6 33. Kb6—d5! Kc6—e5 34. f3—f4 Kc5—g6 35. Lc7—a7 a5—a4 36. Kd5—c3 Cb5—c6 37. Kpf2—e3!

Белые не спешат уничтожить обреченную пешку противника, а стараются максимально активизировать свои силы.

37. ... a4—a3 38. La7—a6 Cc6—b7 39. La6—b6 Cb7—c8 40. Kc3—b5 Lf8—e8 41. Kb5—d6 Lb6—f8 42. f4—f5 Kg6—e5 43. Lb6—b5 Ke5—c6 44. Lb5—b3 g7—g6 45. Lb3:a3 Kpg8—g7 46. La3—a8 Cc8—d7 47. f5—f6+!, и черные сдались, ибо они теряют ладью или получают мат.

Здесь вы видите позицию, создавшуюся после 23-го хода черных в партии Романишина (он играл белыми) с призером турнира в Гастингсе гроссмейстером из США Джеймсом Тарьяном. Энергичным выпадом коня белые вынуждают американца разменять эту фигуру, и в результате у Романишина образуется проходная пешка.

24. Ke4—d6! Ce7:d6 25. c5:d6 Fc7—b8 26. Le1—e3! Cb7—a6 27. Fb2—c2 La4—a1 28. d6—d7! Fb8—c7 29. Fc2:c6 Fc7:c6 30. Ke5:c6.

Неожиданно становится неизбежной утрата черными качества. Одновременно от двух угроз 31. d8F и 31. Ch7+ защиты нет. В получающемся эндшпиле ладья значительно мощнее слона.

30. ... La1:b1 31. Ld1:b1 Kf8:d7 32. Le3—a3 Ca6—b7 33. La3:a8+ Cb7:a8 34. Kc6—d8 Ca8—d5 35. Lb1—c1 Kpg8—f8 36. Lc1—c7!, и черные сложили оружие.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18/III 1977 г. А 09236. Подписано к печати 1/IV 1977 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 120000 экз. Изд. № 995. Заказ № 362. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ПЕСНЯ О ФРОНТОВОМ ДРУГЕ

Примечание.

Слова Владимира СОКОЛОВА

Труби, горнист, солдатскую побудку—
Я молча постою у тополей...
Быть может, только-только на минутку
Я повстречаюсь с юностью своей...

Уже виски присыпаны порошей,
Но тот тяжёлый бой не позабыт...
Был у меня на фронте друг хороший,
Он здесь, под Севастополем, лежит.

Я не встречал нигде души светлее,
Но оказалась дружба коротка...

Назвал я сына своего Сергеем
В честь дорогого друга-земляка.

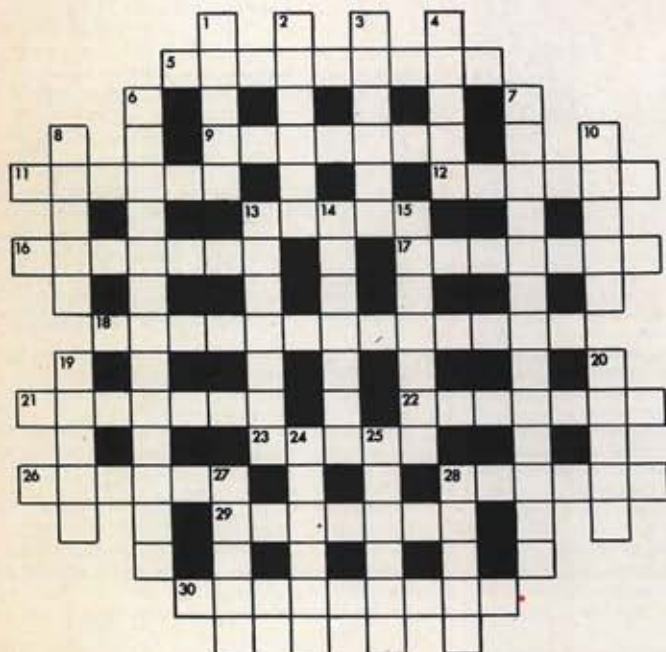
Делил я с ним и радости и беды
На грозном поле ратного труда.
Он не дожил до праздника Победы—
Он молодым остался навсегда...

Труби, горнист, солдатскую побудку—
Я молча постою у тополей...
Быть может, только-только на минутку
Я повстречаюсь с юностью своей...

Музыка Эрнста МАНВЕЛЯНА

КРОССВОРД

Составил Б. ЩЕГЛОВ,
Москва

По горизонтали:

5. Наука о сортах плодовых растений. 9. Балет А. И. Хачатуряна. 11. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 12. Одна из самых ярких звезд северного неба. 13. Краска, употребляемая в живописи. 16. Горная порода, используемая в строительстве. 17. Краткая информация в периодической печати. 18. Величественность, мощь. 21. Зимнее спортивное двоеборье. 22. Советский спортсмен. 23. Город в Кемеровской области. 26. Музыкальный интервал. 28. Итальянский живописец эпохи Возрождения. 29. Народный писатель Белоруссии. 30. Специалист, изучающий птиц.

По вертикали:

1. Областной центр в РСФСР. 2. Полуостров в Африке. 3. Французский поэт и драматург. 4. Узкая длинная шляпка. 6. Творческое раскрытие исполнителем музыкального произведения. 7. Коренное переустройство, усовершенствование. 8. Союзная советская республика. 10. Морское беспозвоночное животное. 13. Картина художника-передвижника Н. А. Ярошенко. 14. Герой рассказа из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 15. Женщина—водитель хлопкоуборочной машины, Герой Социалистического Труда. 19. Персонаж трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». 20. Ценная промысловая рыба. 24. Декоративное дерево. 25. Народный артист СССР. 27. Подвижная часть электрической машины. 28. Город в Чехословакии.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 8

По горизонтали:

5. «Отверженные». 8. Поголовье. 10. Ферма. 12. Ткань. 14. Прозаик. 16. Штокман. 17. Красная. 18. «Прозаседавшиеся». 19. Монотип. 21. Антипод. 22. Ниловна. 23. Корма. 25. Барий. 26. Крапиволист. 27. Биссектриса.

По вертикали:

1. Стопа. 2. Леггорн. 3. Дневник. 4. Вычет. 6. Железнодорожник. 7. Нефтепровод. 9. Ингаляторий. 11. Микроскоп. 13. Косметика. 14. Паланин. 15. Крушина. 20. Пикассо. 21. Анадырь. 24. Актин. 25. Брасс.

ВЕТЕР, ПО ЛИЦУ СКОЛЬЗЯЩИЙ

правильности этого изречения, приняв его за аксиому, Ольга приходит к выводу, что постоянно накапливаемые ею знания нуждаются в строгом и грамотном критическом анализе. А для этого нужен тонкий и точный инструмент, каковым может быть лишь философия.

Так она поднялась на новую ступень духовного развития. Начинала с Дидро, Вольтера, Сен-Симона... А уже через год под руководством отца, архитектора по профессии, она приступила к изучению трудов К. Маркса и В. И. Ленина. Мышление ее окрепло, круг интересующих проблем резко расширился. Вот характерное для нее рассуждение того периода: «Людам дано счастье иметь разум. От других форм материи их отличает свойство познавать саму материю. Люди науки занимаются этим своим прямым делом. Философия обобщает их данные и, в сущности, также изучает материю. А люди искусства сами создают новые формы материи».

Отныне не только мир литературы и искусства становится для юной художницы объектом изучения. Окружающая жизнь вызывает в ней все более острый интерес, а порой и весьма острые реакции. «Сейчас я больше всего думаю о человеке, о человеческом обществе. Что представляет собой человек? Меня занимает философия вопроса. Я учусь читать в душах людей. Человек очень сложен, противоречив, многогранен. К нему нельзя подходить односторонне».

Искренне изумляясь пристрастиям одной из знакомых («Она готова голодать с ребенком из-за тряпок, лишь бы все видели, какие у них богатые наряды. Мне очень странно это»), Ольга сразу оговаривается: человек-то, мол, она хороший.

И позже словно наставляет себя: «Надо больше ценить в человеке проявления высшего сознания. В нем много прекрасного... Я пристально всматриваюсь в людей, стараясь понять их. Сейчас мои наброски объединяет общая тема: «Что такое ты есть, современный человек?»».

Все говорило о том, что Ольга Андреева сумеет вскоре ответить на этот вопрос в своих произведениях. И ответить самобытно. Всей предшествовавшей гигантской работой—сколько прочитано, осмыслено, прочувствовано, и в скольких областях!—она практически подготовила себя к этому. Конечно, в ней еще должен был произойти некий таинственный, не постигнутый пока наукой процесс вызревания своего, неповторимого художественного слова. Для этого требовалось какое-то время. А вот его-то Ольге было отпущено трагически мало...

Болезнь уже не таится, не принимает обличья безобидной хвори: все чаще и чаще сковывает голову жестокой, изматывающей болью. К двадцати годам Ольга испила из чаши физических страданий столько, сколько иному не придется и за долгую жизнь. Самым «тяжелым» для нее теперь становится белый цвет. Цвет поликлиник и больниц. И он совершенно исчезает с ее картин. Она не могла «слышать» белую мелодию.

И все-таки она продолжает работать. Пожалуй, только благодаря своему удивительному характеру. Целеному и сильному. Но что еще удивительнее—выработала она его сама. Точно знала, какие испытания подстерегают ее впереди. Ей было семнадцать лет, когда она записала в дневнике: «Я думаю о том, как воспитать в себе волю. Стараюсь. Мои любимые герои, на которых я бы хотела хоть в чем-то походить,—Рахметов, Овод, Сирано де Бержерак, Татьяна Ларина. Хочу иметь такую же волю, как у них... Воля и выдержка должны быть железными. Делать жизнь надо с Овода и Рахметова... Если ты будешь уступать себе, то с каждым шагом будешь катиться вниз, превратишься в безвольную массу... Уметь отказаться от всего. Я не смогу уважать себя, если буду потакать каждому своему желанию».

Не предполагала она тогда, что так скоро понадобятся ей все запасы ее мужества. И

ТЮЛЬПАНЫ.

КАРНАВАЛ.

когда работать становилось совсем уж невозможным, она обращала в оружие против болезни... работу! «Когда я работаю,—признавалась она отцу,—я как будто бы забываюсь, и мне делается немного легче».

Мать Ольги, Вера Васильевна, рассказывает, что в последние три года дочь пребывала лишь в двух состояниях: в работе и в единоборстве с недугом. Как только боль ослабляла хватку, она принималась трудиться: рисовала, писала стихи, вела дневник, размышляла над музыкой.

И каждодневно, ежечасно с ней были родители, которых она любила нежно и трогательно. Оказавшись однажды вдали от дома, Ольга написала в записной книжке: «Я тоскую о маме. Сердце мое истерзалось. Хоть слышать бы ее голос». И тогда же: «Очень скучаю по разговорам о литературе, музыке и поэзии с отцом. Не с кем поделиться впечатлениями от только что прочитанной книги. С отцом было очень интересно. Мы вели себя как товарищи».

Когда болезнь обострилась, набрала силу, Ольга замкнулась, ушла в себя, стала избегать людей. Каждому ведь не объяснишь, что творится с тобой. А всякое неосторожное слово, сорвавшееся с уст доброжелателя, прибавляет синяков истрадавшей душе. Сколько «полезных» советов услышали все трое в тот период, когда Ольга не училась и не работала! (Это она-то, перешагнувшая порог двадцатилетия образованным человеком, не училась! Это она-то, не выпускавшая карандаша из рук, не работала!)

И только дома, с родными, она продолжала еще оставаться той, прежней,—мягкой, внимательной, доверчивой. И среди детей чувствовала себя хорошо—они возвращали ей способность радоваться.

Как-то пошла она с соседскими ребятишками по грибы. Шла позади шумной ватаги, вместо корзинки—неразлучные блокнот да карандаш, все рисовала детские фигурки... И в лесу не грибы—грибников выглядывала: кто мелькнет сквозь густую листву орешника, сейчас сюда, в блокнот,—быстрым росчерком—и попадет. Но грустная была, уставшая, хоть и утро еще стояло...

И вот вылетел из кустов на поляну мальчуган—восторг и азарт брызжут во все стороны: в победно вскинутой руке крепко-подберезовик. Первый! И засветилось Олино лицо, зажглось, вспыхнуло ответным ликованием. Радости мальчишки радовалась! А карандаш приказа не ждет—чирк, чирк—остановись, миг удачи, миг немудреного детского счастья! Пусть потом и другие люди порадуются...

Но такие дни, когда вдруг веселела она, выпадали все реже. А вскоре их и вовсе не стало. Болезнь готовила решительные удары.

Одним из них она приковала Ольгу к постели. А через неделю, даже не насладившись содеянным, нанесла следующий. Ольга ослепла.

Какая же сила духа таилась в этой девушке, если она, сознавая уже неотвратимость беды, говорила матери, утешая и подбадривая ее: «Это ничего, что я не вижу и не могу встать. Ты ведь помнишь Лину По, балерину? Она тоже потеряла зрение и не могла двигаться. А стала скульптором, и каким! Слепая! Вот и я буду, как Лина По...»

А на тетрадном листке, заменившем дневник, она написала: «Я так жизнь люблю. Ветер, по лицу скользкий, люблю. Солнце, дома и людей люблю. И вот... умираю... Неужели?»

Эта запись—последнее, что сделала Ольга Андреева.

В одном из стихотворений Ольги Андреевой есть такие строки:

*Прошу немного я у судьбы:
Немного звезд, немного неба...*

Дала ей эту малость судьба. И успела увидеть она в малости той и ослепительность солнца, и человеческую мудрость, и трепетность вишневого цветенья—всю безбрежную, неохватную красоту мира. И прежде чем запахнул перед ней черный полог, успела вернуть в мир свою красоту—рукотворную. Возвратить сторицей, со всей щедростью любящего сердца.